

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»

Москва 1985

**BOOKS
AND THE MAN**

By
John T. Winterich

New York
Greenberg Publisher
1929

СУДЬБЫ КНИГ

Джон Винтерих
**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЗНАМЕНИТЫХ
КНИГ**

Сокращенный перевод
с английского
Е. Сквайрс

Предисловие, послесловие,
примечания
Д. Урнова

Издание третье, дополненное

Москва «Книга» 1985

84.37
В 50

Художник А. Антонов

Джон Винтерх — американский журналист и библиограф — рассказывает о первом появлении и начале громкой судьбы прославленных книг Даниэля Дефо и Роберта Бернса, Диккенса и Теккерея, Бичер-Стоу и Марка Твена, Эдгара По и Уолта Уитмена...

Из классических английских и американских книг автор выбирает те, которые, на его взгляд, имели наиболее интересную издательскую историю. Автор рисует живыми штрихами обстановку и время создания этих книг, их место в истории книгоиздания, прием, оказанный им современниками при первом появлении, библиофильские оценки первых изданий, историю их оформления и т. д.

В русском переводе опущены некоторые очерки о книгах, чья известность не вышла за пределы англоязычных стран.

В 4703000000-038 73-85
002(01)-85

© Перевод на русский язык,
предисловие, послесловие
Издательство «Книга», 1975 г.

© Оформление, дополнения, отмеченные *
Издательство «Книга», 1985 г.

У ПОЛКИ СО ЗНАМЕНИТЫМИ КНИГАМИ

Ходил автор с рукописью по издателям — никто не хотел печатать. Наконец, один взялся за дело, и книга сразу стала сенсацией. Раскупала широкая публика, восхищались знатоки, книгу эту и сейчас читают. Называется она «Робинзон Крузо».

Молодому журналисту заказаны были подписи к смешным картинкам, однако подписи стали растягиваться в целое повествование. Издатель пошел на риск, вместо картинок с подписями начал печатать роман с картинками. И — получился «Пиквикский клуб».

Третьему, даже не литератору, а фермеру, нужны были деньги. Нет, в долг ему никто ничего не дал, зато друзья помогли этому фермеру издать его стихи. Мы знаем их, стихотворения Роберта Бернса.

Похоже на чудо или случайность. А если бы Роберт Бернс не нуждался? Если бы издатели так и не приняли написанное Дефо или Диккенсом? Знали бы мы тогда «Забыть ли старую любовь», «Робинзона» и мистера Пиквика?

«Книги имеют свою судьбу», — часто вспоминают это изречение, но ведь у него есть и продолжение. «Книги имеют свою судьбу, — сказано было в древности, — смотря по тому, как примет их читатель».

Джон Винтерих, американский журналист, написавший очерки о знаменитых книгах, предлагает рассмотреть внимательнее эту цепь: рукопись — книга — книжный прилавок и, как любит он говорить, бессмертие!

Очерки эти написаны довольно давно, еще в конце 1920-х годов, однако сейчас они читаются заново, потому что занимательное книговедение, которому когда-то посвятил себя Джон Винтерих, именно в наши дни приобре-

ло особую популярность. Появлялись и раньше «Приключения среди книг», но разница в том, что «книгой» у авторов таких «Приключений» считалось написанное в книге, само произведение. Автор как бы приглашал читателей в библиотеку, брал всем известную книгу и предлагал ее читать вместе с ним. Знаток толковал знакомый текст, рассказывал историю создания того, что в книге написано. Это была уже раскрытая книга, начиналась она с первой страницы. Но книга начинается раньше.

Как получилось, что вот этот предмет, состоящий из двух картонных крышек и сложенных вместе листов бумаги, называемый вообще «книгой», а в частности «Приключениями Робинзона Крузо» или «Записками Пиквикского клуба», как он дожил до наших дней и продолжает жить?

Понятно, книга сначала пишется, а потом печатается. Однако, читая эти очерки, мы увидим, как издатель с читателями вносят свой вклад в создание книги прежде, чем она написана. Уже в авторском замысле незримо присутствуют и требования издателя и запросы публики. Один из величайших писателей, Сервантес, изобразил себя, автора, перед встречей с читателями. Вот он сидит над завершенной рукописью и не знает, выпускать ее в свет или не стоит? По его собственным словам, хотел он разрушить доверие к тем книгам, которыми зачитывается публика. Иначе говоря, решил поколебать установленные взаимоотношения между автором и читателями. Оказалось, когда «Дон-Кихот» вышел, публика только того и ждала, роман Сервантеса сразу приобрел популярность. «Публика привыкла к романам», — скажет сто лет спустя автор «Робинзона Крузо», принимая эстафету от автора «Дон-Кихота» и, в свою очередь, обновляя читательские привычки. Вместо «романа» Дефо предложил читателям «историю подлинной жизни», но, конечно, это был роман, новый роман, учредивший новые взаимоотношения между автором, издателем и читателями.

Для своих очерков Джон Винтерих выбрал в основном книги удачливые, те, что обрели успех почти сразу. И Дефо, и Бернс, и Льюис Кэрролл, о которых он рассказывает, имели основание сказать вместе с Байроном: «Проснулся и узнал, что знаменит», — на другой день после выхода книги. Успех **Диккенса**, грандиозный успех,

тоже не заставил себя ждать. Стремительно росла слава Бичер-Стоу. Герои Марка Твена еще при жизни автора сделались легендарными. Как видно, эти книги в самом деле подобно искре пробежали от автора к издателю и к читателям. Но Эдгар По и Уолт Уитмен, о которых тоже рассказывает Винтерих, завоевали читателей далеко не сразу. Стало быть, где-то происходил обрыв цепи, читательский энтузиазм направлялся против книги, будущей бесспорной классики. Изучение читательского вкуса и спроса позволяет это сопоставление, как и успех, измерить. Цена, тираж, количество изданий — ведь эти данные по-своему говорят о том, насколько понимала писателя его эпоха. Книговеды, подобные Винтериху, сделали немало в том, что называют социологией чтения, выяснив, когда, как, кого читали, и почему книги, которые стоят теперь на полке рядом, занимали в свое время положение далеко не одинаковое.

Но как могли читатели признать или не признать Эдгара По, когда он сам не давал им возможности это сделать? «Блеснет, пленит и улетит»: опубликует рассказ, стихотворение, получит премию, и надолго исчезнет. Или же опубликует что-нибудь странное, случайное, просто слабое. Оливер Голдсмит, еще один герой Винтериха, продал издателю роман, только начатый, и — тоже пропал. По мнению одних, был занят отделкой слога, по мнению других, вовсе не притрагивался к рукописи. Что было делать издателю? Год шел за годом, романа не было. Винтерих рассказывает, что в конце концов Голдсмит оказался в долговой кабале у своей квартирной хозяйки и ему нельзя было даже из дома выйти. А биографы Голдсмита считают, что все это было подстроено издателем ради того, чтобы как-нибудь заставить одаренного, но безалаберного автора закончить книгу.

Но бывало — конечно, бывало! — что читатели в самом деле не признавали и не понимали автора, хотя он и делал все от него зависевшее: Уитмен сам себя и разъяснял и прямо рекламировал, однако... «Листья травы» Уитмена вышли одновременно с «Песней о Гайавате» Лонгфелло, а какие разные судьбы у этих книг: «Песня о Гайавате» — мгновенное и полное признание, «Листья травы» пылятся на прилавке. Точно так же в один год появились «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу и «Моби

Дик» Германа Мелвилла, тот самый «Белый Кит», что считается теперь чуть ли не крупнейшим созданием американской литературы. Это — теперь, а в свое время, когда, по выражению Винтериха, Гарриет Бичер-Стоу сделана национальной героиней, имя Мелвилла было напечатано в некрологе с ошибкой.

Чтобы смыть эти пятна, черневшие на совести американских читателей, историки издательского дела приложили немало усилий, восстанавливая картину того времени, и что же выяснилось? У Винтериха сказано: были свои ценители у «Листьев травы», однако ценители — это еще не читатели, вот в чем дело.

Сетуя на современное состояние английской или американской литературы, говорят: беда — нет Диккенса, писателя, который бы создавал книги для широких кругов и на высоком уровне. Можно себе представить, какого же масштаба работу выполнял Диккенс. Тогда нахлынула первая волна «массового чтения» — и море литературных поделок, кое-как удовлетворявших растущий спрос. Самым читаемым писателем был Макдональд. Кто это? Теперь на такой вопрос ответят с трудом даже специалисты. А в ту пору не один Макдональд, но целый разряд писателей, приспособившихся ко вкусам массового потребителя, считали, что именно они и есть настоящие писатели при новых условиях. Их самим своим творчеством опровергал Диккенс. Не уступая «самому Макдональду» ни в производительности, ни в популярности, держался он в то же время на недоступной для литературных поденщиков высоте.

С другой стороны, рядом с Диккенсом стоят теперь выдающиеся его современники. Но вот Винтерих, историк книжного дела, судит со своей позиции, и у него получается иная картина, и, скажем, «Ярмарку тщеславия» рядом с «Пиквикским клубом» поставить нельзя с точки зрения читательского спроса и тиражей. Ближайший из серьезных «соперников» Диккенса уступал ему по тиражам в несколько раз, а другие, вполне достойные, — и того больше: тиражи Диккенса — это цифры с четырьмя и даже пятью нулями. Такова «сила Диккенса»... А «сила Дефо»! Винтерих напоминает: никакая критика, никакие «разоблачения» не могли разрушить обаяния «Робинзо-

на». Говорит он в другой связи и о том, что первое, прославившее книгу издание оказывается часто самым неудачным: ошибки, пропуски, опечатки, цензурные изъятия — трудно представить себе, как в таком виде книга могла сразу стать классикой. Читатели ничего этого будто и не замечали, да и без «будто», не замечали и все, потому что книга жила, как все-таки живет, в отличие от куклы, пусть и покалеченный, человек.

Допустим, Голдсмит медлил с окончанием своего «Векфильдского священника», потому что отделывал книгу, но — как? Он во всяком случае не устранил в ней множества несуразностей. Заканчивая роман, он, кажется, забыл, как книга начинается. Что это, обычная беспечность Голдсмита? Нет, судя по всему, это — позиция. «Книга, при бесчисленных погрешностях, может быть занимательна и скучна до крайности, хотя бы не содержала в себе ничего нелепого», — так писал Голдсмит, выпуская, наконец, свой роман. Кажется, он шел по стопам Дефо, ибо некоторые ошибки и несуразности в «Робинзоне», похоже, тоже допущены не без умысла. Винтерих прав, обращая ни на них особенное внимание. Современные исследователи думают, что Дефо всего лишь «ошибался», условно, в кавычках, ради того, чтобы проверить несокрушимость им созданной «достоверности». А сам он в свою очередь следовал Сервантесу, который, делая мелкие ошибки, так и говорил: «Это не важно, главное, чтобы рассказ ни на шаг не отдалялся от истины». В таком смысле «истина» (Дефо говорил: «правдивая ложь») — сила творчества, создающая «вторую действительность». И вот, взявшись за такую книгу, одни простодушно верят, будто все «правда», другие понимают, что с ними ведется умелая литературная игра, но каждый «обманываться рад», потому что автор, принявшись за дело, выполнил свою роль от начала и до конца.

Удачные книжные судьбы, описанные Винтерихом, подтверждают своего рода правило: книга, которая так сразу и на века становится общедоступным чтением, многое меняет в читательских привычках, но остается по-старому одно: книгу такую читают, прежде всего просто читают.

Конечно, «вечную» книгу читают по-своему и разные

люди, и разные эпохи. «Хижину дяди Тома» едва ли когда-нибудь вновь будут читать так, как прочли ее в свое время — прочли и начали Гражданскую войну. «Хижина дяди Тома» со временем, так сказать, впала в детство. А с «Алисой в Стране Чудес» случилось обратное, маленькая Алиса повзрослела, да как! Из этой книги, именуемой по традиции «детской», вычитали в нашем веке теорию относительности, кибернетику, психоанализ и сюрреализм.

В критике имеется даже целая школа, которая исходит из того, что книгу создает собственно читатель: книги нет, пока ее не прочтут, а когда читают, вычитывают, что хотят или что могут вычитать. Но ведь о человеке на острове было по меньшей мере три рассказа до «Робинзона» и около пятидесяти «новых Робинзонов» появилось после книги Дефо, а все-таки испытание временем выдержала одна эта книга. Как только вышел «Пиквикский клуб», он был тут же переделан ловким шелкопером, и эта переделка имела успех не менее массовый, чем книга Диккенса, однако время не подписало этот приговор — мы знаем единственный «Пиквикский клуб». Значит, существует книга, та самая, что живет века, и все ее читают. Одни читают, находя ее занимательной, другие видят в ней нравственный урок и даже особую философию, но как бы там ни было, это — чтение, для всех и каждого в меру сил, насколько глубоко сумеешь зачерпнуть.

«Мир под переплетом» — мера истинно удавшейся книги. Читатель открывает книгу, словно окно в другую жизнь. Совсем не обязательно, чтобы созданный «мир» был правдоподобен. Книжная «жизнь» может быть вовсе не похожа на жизнь действительную. Читатель поверит в условность, только бы то была живая условность, вполне завершенная в своем особенном устройстве. Механика чудес и «чепухи» у Льюиса Кэрролла сделалась вполне понятна только теперь, даже когда писал об этом Винтерих, это еще не прояснилось. Но ведь и тогда, и сто лет тому назад поняли то, что нужно понять читателям: чудесная книга! Никому ведь и в голову не приходило, что «Приключения Алисы» в известном смысле содержат все, уже напечатанное тем же автором, но под другим именем и под такими названиями, которые, как выражается Винтерих, способны внушить разве что страх и ненависть

неискушенному читателю: «Замечания к Эвклиду», «Программы по алгебраической логике», «Формулы простой тригонометрии». Нет, «Приключения Алисы» читали и сейчас многие читают, получая удовольствие и не задумываясь над тем, что тут таятся кибернетика с теорией относительности, как вообще говоря, людям, которые едят, важен вкус, а не знание пропорций соли и перца.

Очерки Винтериха охватывают примерно два века, за время которых произошло по меньшей мере два существенных перелома в книгопечатании и чтении: после «Робинзона», т. е. в начале восемнадцатого столетия, и в пору «Пиквикского клуба» — в середине прошлого века. Нам теперь трудно представить, насколько мало было в свое время читателей у тех классических произведений, которые известны ныне каждому грамотному человеку. Шекспир был драматургом общедоступного театра, однако прижизненные издания его пьес попадали в руки избранному и очень узкому кругу лиц. Чтения как занятия для широкой массы тогда не существовало. В Англии и Америке дело осложнялось еще и тем, что пуритане, обладавшие по обе стороны Атлантики большим влиянием, преследовали всякую забаву, в том числе и книги, если только это было не священное писание или какое-нибудь «дело», наука или нравоучение. До «Робинзона» широкая публика читала в Англии фактически две книги — Библию и «Путь паломника», неоднократно упоминаемый Винтерихом. Но «Путь паломника», как видно и по заглавию, — та же проповедь, только изложенная более или менее занимательно. А «Приключения Робинзона», хотя они и появились под видом «подлинных записок», это художественная литература, ставшая общедоступной книгой. Но по-современному много и к тому же совершенно разных по интересам и уровню читателей стало лишь во времена Диккенса.

Однако при всем том, что вносилось нового во взаимоотношения автора и публики, книги с читателями, граница оставалась все-таки на прежнем месте: автор создавал мир под переплетом, читатель, открывая книгу, входил в этот мир. Иногда автор приглашал читателей заглянуть в этот мир вроде бы раньше, чем он будет вполне завершен. Но это — прием, такая же условность, как и

уверения в том, будто перед нами «подлинные записки» или что «написанное не предназначалось для посторонних глаз». Автор делал вид, будто он это не писал, а только напечатал, и точно так же одна видимость откровенности создавалась, когда автор «посвящал» читателя в творческие секреты. Как бы посвящал! Он, кажется, писал прямо на глазах у читателей, а на самом деле это было так написано, все уже было написано, читателю оставалось читать. Совсем другое получалось именно в тех «трудных случаях», когда читатель обнаруживал под переплетом не созданный «мир», а лишь мучительное усилие «мир» построить, когда вместо чтения читателю предлагали разделить, без кавычек, муки творчества. Читателю, естественно, становилось трудно, и он вправе был отложить книгу в сторону, если, обладая массой разных достоинств, книга все же не читалась.

Однако по очеркам Винтериха видно: чем ближе к современности, тем больше и шире делается читательский круг, тем все сложнее становится содержание понятий «книга» и «чтение». Сотрудничая как рецензент в журналах литературно-критических и книговедческих, Винтерих на многих примерах имел случай убедиться, что книжный поток расходится по разным руслам, которые ведут подчас совсем в сторону от естественного назначения книги — быть читаемой¹. В этом заключается и смысл его очерков: книжные «приключения» показывают, какие книги переживают какую судьбу — поблескивают корешком на полке у коллекционера, циркулируют как своеобразная единица обращения в критических дискуссиях, или же читательские пальцы треплют их так, будто они вышли только вчера. В каждом случае своя судьба, отвечающая природе данной книги. Что можно читать, то читается, а что поддается специализированному критическому разбору (как бы специально подготовлено для критики), то соответственно критикуется, имеющее цену коллекционерскую — коллекционируется. «Не лежат ли

¹ Разницу между «потреблением» и «чтением» книги, своеобразное «отчуждение» книги от своего назначения с помощью развернутой статистики подтверждают современные социологи, например Р. Эскарпи в своей «Революции в мире книг» (М.: Книга, 1972).

где-нибудь на чердаке те бесценные экземпляры, все еще перевязанные бечевочкой!» — вспоминает Винтерих некоего богача-энтузиаста, который, чтобы не ударить лицом в грязь перед соседями, скупил больше всех книг из первого издания «Стихотворений» Бернса. Важно различать, какую цену книга может иметь для коллекционера и для читателя.

Когда книгу «не поняли», «не оценили» или же оказалась она, подобно «Листьям травы», «пищей для немногих», а потом, в веках, встала рядом на одну полку с теми книгами, которые «все читают» и «каждый знает», — что с книгой происходит? Винтерих приводит, скажем, мнение выдающегося американского писателя Готорна, который сомневался, что книги его станут читать, широко читать. Время, казалось бы, опровергло эти опасения. Но следует присмотреться к тому, кто эти книги читает и как. Ведь в принципе судьба этих книг не изменилась. Они остались «пищей для немногих», только «немногих» стало больше, чем прежде. Время, всемогущий критик, не отменило прежний приговор, вынесенный этим книгам читающей публикой, но изменилась со временем сама публика, она сделалась более обширной и разнородной по сравнению с эпохой Диккенса и тем более Дефо. Сложилась и разрослась, среди других групп, и специализированная читательская среда, готовая на усилие, которое некогда отказывался совершать просто читатель. Распространилось не чтение собственно, а заправское разгадыванье книги. У такого разгадывания свои преимущества и права по сравнению с чтением, только не следует смешивать два эти ремесла, равно как несправедливо требовать от читателя, хотя бы и вдумчивого, чтобы читал он в книге то, что не удалось самому автору.

«Листья травы» и «Моби Дик» — чтение, бесспорная классика, книги выдающиеся. Время раскрыло их значительно большему кругу людей, чем тот, что обратил на них внимание когда-то. Но даже время бессильно написать в эти книги то, чего в них не содержалось изначально, на что не хватило сил у создателей этих книг. У Мелвилла гармоничный творческий порыв заменен головной, логически поставленной задачей. Напрягаясь до последнего предела, писатель воздвигнул конструкцию, монументаль-

ную, но все же конструкцию, а не жизнь живую создал, какая бьется под переплетом хотя бы «Хижина дяди Тома», притом, что замысел, глубина «Моби Дика» несоизмеримы с наивной, поистине «детской» чувствительностью Бичер-Стоу. Уитмен — поэт более самобытный, чем Лонгфелло, но читатель, просто читатель, читает не «замысел» и не «самобытность», читает он книгу. Историки литературы сколько угодно могут объяснять теперь, что вступительная глава к «Алой букве» Готорна, так называемая «Таможня», в известном смысле важнее самой книги: в этом вступлении истоки новейшей американской прозы. Однако в свое время, когда Готорн пользовался популярностью у нас, в России, перевод «Алой буквы» вышел без этой, по-своему замечательной, главы. Препятствий никаких тут не было, кроме одного, естественного читательского восприятия: читатели бы через эту «Таможню», что называется, не прошли. И было бы исторической и литературно-критической несправедливостью упрекать их, будто они чего-то не поняли, нет, это сам автор не исполнил своего замысла. В книге остается на века и то что создано автором, и что не удалось ему. Так и остается, в этой, если позволено будет сказать, пропорции. Иногда, под воздействием вкусов какой-либо читательской среды, возымевшей влияние, пропорция вроде бы меняется, второстепенное выходит на первый план, неудача оправдывается, и великая книга может быть потеснена произведениями второго ряда, но это — временно. Винтерих вспоминает, например, о соперничестве Диккенса и Теккерея. Сколько было попыток, еще при жизни Теккерея, уравнивать его с Диккенсом и даже поставить выше создателя «Пиквикского клуба». Говорили, что Теккерей писатель более серьезный, более тонкий и уж, конечно, более критичный, чем Диккенс. Но «серьезность» и «тонкость» — это ведь не собственно творческие достоинства. Творчество — всесторонний дар. И сам же Теккерей, когда при нем заходила речь о Диккенсе, говорил одно — гений.

Временная переоценка не способна отменить приговор вечности. А вечность, если расшифровать это понятие исторически, складывается на основе опыта целого народа, выдвинувшего создателя великой книги. Поэтому про-

ходит мода, и над потоком текущей литературы остаются все те же ориентиры, все те же книги, которые привыкли видеть мы у себя на полке: все тот же «Робинзон» и «Пиквикский клуб», все тот же Марк Твен.

Винтерих написал свои очерки для широкой читательской аудитории, для любителей книги, библиофилов, а специалистов-книговедов отсылает он к другим, более фундаментальным изданиям. Он почти не затрагивает существа знаменитых книг, бегло и по случайным приметам судит о той или иной эпохе, однако это не его задача. Кроме того, говорит в самом деле об очень известных книгах, о которых вообще много знают. Его очерки можно было бы назвать «Очерками о старых знакомых», потому что в самом деле редкий любитель чтения не держал в руках тех книг, о которых идет здесь речь. Книги эти у многих есть, наверное, на полке, но вот история их появления на свет известна далеко не каждому читателю.

Д. Урнов



ДАНИЭЛЬ ДЕФО И «РОБИНЗОН КРУЗО»

I

Томас Страдлинг носил свое имя, вероятно, не зря, потому что «страдлинг» значит по-английски «морская походка». Профессия кладет печать на человека, и уж, конечно, походка у Страдлинга была морская. Он был моряком и даже капитаном, по крайней мере к тому времени, когда попал во всю эту историю. Впрочем, отличить простого матроса от капитана тогда было нелегко. В ту пору, а было это в 1704 году, суда, ходившие в океан, не имели лифтов, гимнастических залов, плавательных бассейнов, и не было никаких разделений на «классы», а был капитан и его команда. Занимать место капитана мог тот, кто был просолен насквозь. А Томас Страдлинг, если быть к нему беспристрастным, свое дело все-таки знал.

Но вот на судне «Пять портов» попался ему помощник, сущее наказание. У помощника был норов, у капитана — власть, которая в открытом море имеет особую силу. Этот штурман Александр Селькирк, или Селькрейг, шотландец, седьмой сын у матери, как-то учинил скандал в церкви и его хотели было наказать, но он предпочел бежать из дому. Печальный конец предрекали ему наставники, однако их имена забыты, а Селькирк обрел бессмертие, хотя и под другим именем, но все равно этого права на бессмертие у него теперь никто не оспаривает.

С капитаном штурман повздорил на берегу, что, вообще говоря, случается редко. У моряков так: в море ссорятся, на суше мирятся. «Пять портов» встал на якорь возле архипелага Хуан-Фернандес у берегов Чили. И тут ссора достигла высшей точки. Штурман сказал, что лучше он останется на берегу, чем будет сносить насмешки

капитана. Возможно, он ожидал, что капитан Страдлинг расчувствуется и станет вежливее. Вместо этого капитан поймал помощника на слове: «Пять портов» ушел в море без Александра Селькирка, который пожалел о сделке, едва она состоялась. Он бросился в воду вслед кораблю, уходившему прочь, он горестно вздымал руки, уста его твердили мольбу о прощении.

Прошло четыре года и пять месяцев, и другое судно сняло Селькирка с этого острова. Должно быть, со своим спасителем Селькирк держался учтивее. Во всяком случае, он проплавал с новым капитаном три года и не без пользы для себя. В конце 1711 года он вернулся в Англию вполне самостоятельным человеком. О его жизни на острове уже знали, у него спешили взять интервью ведущие репортеры того времени. Самым блистательным среди них был, без сомнения, Ричард Стиль¹, если, конечно, не считать Даниэля Дефо, но виделся ли он с Селькирком — этот вопрос остается спорным в истории литературы.

II

В 1703 году, за несколько месяцев до того, как пуститься в путешествие с капитаном Страдлингом, Александр Селькирк мог обратить внимание на объявление о розыске «мужчины среднего роста, худощавого, лет сорока, брюнета, но в парике, с горбатым носом, острым подбородком, серыми глазами и большой родинкой в углу рта». Человек этот был Дефо, крещенный под фамилией Фо, но прибавивший к ней частицу «де», очевидно, стыдясь скромного происхождения из семьи мясника. Моло-

¹ Ричард Стиль, выдающийся писатель, один из родоначальников журналистики, опубликовал в 1713 году в журнале «Англичанин» очерк об Александре Селькирке. Несколько раньше, в 1712 году, о нем рассказал в своих записках капитан Роджерс, снявший Селькирка с острова, рассказал о нем и капитан Кук, шедший вместе с Роджерсом. Первое же упоминание о Селькирке в английской печати появилось еще в 1707 году, в то время, как он находился на острове. Сведений о встрече Дефо с Селькирком не имеется. Наиболее вероятно, что толчком к созданию «Робинзона Крузо» послужило второе издание записок Роджерса, вышедшее в 1718 году.



Даниэль Дефо.
Гравюра Гедана

дой Де Фо (а именно так он писал свою фамилию) сначала хотел стать священником, но потом занялся мануфактурной торговлей. Дело оказалось невыгодным, как и несколько других, им затеянных коммерческих предприятий.

Примерно в 1700 году, на сороковом году жизни, Дефо нашел себя. Он стал журналистом, и с тех пор журналистика Англии и Америки не рождала равного ему. Репортер, ведущий редактор, автор сенсационных статей, литературный поденщик, пишущий за других, — все умел он делать, не говоря о том, что он был мастером правдиво

выдумывать. Он был великолепным политическим пропагандистом, а в иронии был так искусен, что иногда его понимали неправильно, что, впрочем, часто бывает с мастерами иронии. Так, по крайней мере, получилось в 1703 году, когда его памфлет «Простейший способ разделиться с раскольниками» привел к уголовному розыску. Дефо находился некоторое время в Ньюгейтской тюрьме и познал тяжесть колодок.

Держали его не очень строго, его тюремщики с известным расчетом давали ему свободу большую, чем полагалось обычным преступникам. Уже спустя несколько месяцев после того, как оказался он за решеткой, этот неукротимый публицист начал выпускать еженедельную газету «Обозрение», которая вскоре стала выходить дважды в неделю. Его товарищи по тюрьме, сидевшие за более романтические поступки, чем писание политических памфлетов, нашли в нем внимательного и пытливого слушателя. Мало кто умел так интересоваться людьми, как Дефо. Всякая жизнь была для него интересна, как роман, всякая, обычная или необычная судьба оказывалась для него частичкой общественного опыта и, как бы снабженная ярлычком, укладывалась в гигантской картотеке его памяти.

Все перемалывала мельница этого необычайно подвижного и вместе с тем трезвого воображения.

Следующие пятнадцать лет Дефо был занят политической борьбой и писательской деятельностью. В плодовитости его не превзошел никто ни в Англии, ни за ее пределами. Пусть сегодня весь этот огромный словесный поток не представляет интереса ни для кого, кроме тех, кто изучает историю литературы, — это не свидетельствует против таланта Дефо. Он писал не для потомков, а для людей своего времени. Он сам лучше всех понимал недолговечность своих созданий: то был молот, который ковал железо, пока оно горячо, и Дефо знал свое дело.

III

В 1719 году Дефо исполнилось шестьдесят лет, богатства жизненных впечатлений у него хватило бы на две жизни. Правда, умри он тогда же, его смерть была бы замечена в Лондоне, не оставив, однако, следа в истории,



Фронтиспис первого издания 1719 г.
Гравюра Смита и Пайка

разве только в книгах по истории журналистики. Умри он тогда, пришлось бы ради того, чтобы сохранить о нем память, выбивать на его надгробии длинный список произведений, и это надгробие получилось бы высотой с памятник Георгу Вашингтону, имеющий лифт и площадку наверху для обозрения окрестностей. Более двухсот пятидесяти различных сочинений остались бы свидетельством плодовитости Дефо. Предстояло ему написать еще пол-

дюжины произведений. Однако эти полдюжины знакомы сегодня каждому образованному читателю и даже если из этой полдюжины знает он только одно произведение, это знание разделяет с ним половина человечества.

Карьера Дефо приближалась к концу, во всяком случае, ему уже можно было бы уйти на покой. Но перо его не знало покоя. Оно требовало работы, чтобы доказать, что рука, его держащая, еще лежит на общественном пульсе. Это было время, когда показательная, хотя, быть может, и несправедливая казнь знаменитого пирата капитана Кидда уже забылась, и парламенту опять приходилось заниматься пиратами. Взгляды людей были обращены к морю. Морская история, настоящая морская история была нужна читателю. И Даниэль Дефо написал ее.

Есть сообщение, правда, не подкрепленное доказательствами, что Дефо с трудом нашел издателя, согласного напечатать роман. Этим издателем, к счастью, оказался Уильям Тэйлор, владелец фирмы «У Корабля» на Патерностер Роу — узкой улочке, где помещались тогда издательства, и многие, многие хрупкие литературные создания начинали отсюда путь к бессмертию. В книготорговый список книга была занесена 23 апреля 1719 года¹. Книга называлась «Жизнь и необыкновенные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка. Написано им самим». Дефо, таким образом, оказывается одним из первых писателей-невидимок. Книга выдержала четыре тиража за три месяца. Помня, что успех порождает успех, Дефо спешит написать вторую часть, а затем и третью. Но, как отмечает биограф Дефо, «если Крузо, том I, прочли миллионы, а Крузо, том II, тысячи, то о существовании Крузо, том III, слышали единицы». Миллионы высказали верное суждение, оставляя вторую и третью части тысячам и единицам. Подобно Дефо, многие писатели

¹ Гильдия печатников и книгоиздателей и обязанность заносить в ее список напечатанную книгу были узаконены в Англии в шекспировские времена. Такая запись не гарантировала авторского права и была довольно слабой защитой от книжного «пиратства», но все же это было начало борьбы за гражданские права издателей и авторов. Кроме того, списки гильдии — ценный источник для датировки произведений, в частности, шекспировских пьес.

разного таланта пытались повторять однажды достигнутый успех, и, хотя продолжения, следующие за удачным началом, редко терпят коммерческую неудачу, в литературном отношении они редко выдерживают сравнение со своими предшественниками. «Приключения Гекльберри Финна» — единичное исключение, и оно лишь подтверждает правило. Правда, изданием второй части Дефо добился всего, чего хотел: книга имела успех. Два издания вышли в 1719 году и еще два — в 1722. Книга была написана наспех, но Дефо умел быстро работать, особенно если это сулило прибыль.

Третья часть — «Серьезные размышления на протяжении жизни и удивительных приключений Робинзона Крузо, включающие его видение ангельского мира», — не имела успеха. В противном случае, неизвестно, сколько бы еще последовало частей. Слово «видение» в названии, очевидно, должно было указать на сходство книги с нравоучительным сочинением пуританского проповедника Джона Баньяна «Путь паломника», опубликованным за сорок два года до этого и остававшимся все же бестселлером эпохи. Сам Робинзон Крузо читал эту книгу и упоминает ее в «Серьезных размышлениях». Кроме того, в третьей части интересна большая складная карта робинзона острова, помещенная на фронтисписе.

Издатель Тэйлор написал для третьей части издательское предисловие, в котором изложил собственные серьезные размышления. «Успех первых двух частей, — отмечает он, — сказался и в зависти к редактору, выразившейся в тысяче тех бранных слов, какие на него обрушили собратья по профессии. Причина этого недоброжелательства, конечно, в их непричастности к успеху».

Самым интересным среди завистников славы «Робинзона», внесшим свою долю в названную «тысячу бранных слов», был Чарлз Гилдон, написавший «Жизнь и необыкновенные и удивительные приключения мистера Д... Де Ф..., чулочника из Лондона, который прожил сам по себе более пятидесяти лет в Королевстве Северной и Южной Британии... Беседы между ним, Робинзоном Крузо и его слугой Пятницей. С замечаниями серьезными и комическими о жизни Крузо». Каковы бы ни были его мотивы, Гилдон заслуживает благодарности, так как он первым



Фронтиспис амстердамского издания. Т. 2.
Робинзон отправляется во второе путешествие

указал на некоторые забавные оплошности, которые Дефо поспешил исправить в последующих изданиях. В начале IV главы Робинзон решает «все-таки добраться до корабля». «Раздевшись (день был нестерпимо жаркий), я вошел в воду». Попав на корабль, однако, он «отправился в кладовую и набил карманы сухарями».

Было бы, конечно, романтически-заманчиво думать, что такие детали могут служить приметам первого издания «Робинзона Крузо»¹. К несчастью, а может быть, и к счастью, «Робинзон» является одной из сложнейших проблем в библиографических исследованиях. Мы в нашем коротком очерке даже не будем пытаться сличать его издания. Столь важные для библиографа и коллекционера подробности, сравнение изданий и свод различий между ними, — все это тщательно описано в объемистой книге Генри Хатчинса «„Робинзон Крузо" и его издания», выпущенной Колумбийским университетом в 1925 году.

Хатчинс говорит, что первое издание составляло от одной до полутора тысяч экземпляров и «сейчас отнюдь не так редко, как думают». Ценою всего в пять шиллингов, оно разошлось по рукам тех, кто тратит свои деньги более осмотрительно, чем большинство читателей «Пути паломника». Со временем, однако, «Робинзон» сильно поднялся в цене.

Уильям Тэйлор умер весной 1724 года², по слухам, оставив от сорока до пятидесяти тысяч фунтов стерлингов. В январе следующего года Уильям Иннис, друг и коллега Тэйлора и один из его душеприказчиков, женился на вдове «покойного мистера Тэйлора из Патерностер Роу, владельца тридцати тысяч фунтов». Или первая цифра неверна, или миссис Тэйлор провела восемь месяцев самого веселого вдовства, о чем, впрочем, нет никаких

¹ Например, ошибка, если считать это ошибкой, с карманами, обнаружившимися у раздетого Робинзона, так и осталась неисправленной. Как выше указано (см. предисловие), современные исследователи допускают, что «ошибки», по крайней мере некоторые, были намеренными, условными, такой же игрой в «ошибки», как и игра в «правдивую историю».

² Дефо скончался в 1731 году, и «Робинзон Крузо» стал «общественной собственностью». Александр Селькирк умер еще в 1723 году.

свидетельств. В течение предыдущего лета предприятие Тэйлора было продано Томасу Лонгману, основателю существующего и по сей день издательства «Лонгман, Грин и компания». Оно и сейчас еще находится на том самом месте, откуда «Робинзон Крузо» пустился в свои необыкновенные и весьма прибыльные приключения. Каково бы ни было состояние Тэйлора, оно было велико по тем временам и большей своей частью было обязано Даниэлю Дефо.

IV

«Робинзон» занимает особое место в истории книгоиздательского дела: впервые роман печатался в журнале по частям, из номера в номер, правда, после того, как вышел отдельной книгой, а не наоборот, как стало обычаем теперь. Прошло меньше полугода после появления романа, когда он начал печататься в «Хиткотском вестнике, собрании свежайших новостей, зарубежных и внутренних». До 1928 года было известно только два сохранившихся комплекта этого издания, в марте же 1928 года продавалась коллекция, содержащая третий комплект номеров «Хиткотского вестника». В газете «Нью-Йорк таймс» за 28 марта было помещено сообщение об этой продаже и говорилось, что ранее был известен лишь неполный комплект в Британском музее и еще один в библиотеке в Ньютоне (Филадельфия).

Журнальное издание, как и книга, открывается предисловием, написанным Дефо, который, следовательно, оказывается отцом издательской рекламы. С небольшими поправками это предисловие годилось бы для суперобложки современной книги.

«Издатель думает, что если история приключений в свете частного человека когда-либо и заслуживала быть обнародованной и принятой публикой, то это именно история того человека, рассказ о жизни которого в настоящее время он предлагает ей.

Он полагает, что удивительная жизнь этого человека превосходит все существующее в этом роде; скучная и не сложная вообще личная жизнь является здесь в высшей степени разнообразной и интересной.

История рассказывается просто, серьезно, с теми при-

менениями религиозных основ к случаям жизни, которые может сделать умный человек, то есть в ней автор представляет ряд поучительных примеров, ясно указывающих на мудрость провидения, проявляющуюся во всех разнообразных обстоятельствах человеческой жизни.

Издатель уверен, что этот рассказ есть изложение действительных событий без малейших признаков вымысла. Поэтому он полагал, имея в виду пользу читателя, что попытки улучшить или же изменить что-либо в этой истории только бы в равной степени повредили ей. Так что, не заискивая больше внимания света и печатая эту историю такой, какова она есть, издатель надеется, что тем самым он делает услугу своим читателям».

Можно было бы простить Дефо его попытку выдать свое сочинение за рассказ о действительных событиях, но он поставил на нем дату более раннюю, чем совершилось путешествие Селькирка, а это уже не по-джентльменски.

Дефо удивился бы, узнав, что «Робинзон» стал «книгой для детей». Это, конечно, одна из тех книг, которую «все читали», но мало кто читал по-настоящему. «Все» читали ее в одном из сотен кратких изложений, которые появились за последние два века. А первое такое изложение «Робинзона» появилось уже в 1722 году.

Репутация «детской книги» начала складываться у «Робинзона» в 1762 году с появлением «Эмиля» Руссо. Эмиль в пятнадцать лет знакомится не с Аристотелем, Плинием или Бюффеном, как это тогда полагалось. «Нет, — говорил Руссо, — с „Робинзоном Крузо“». Руссо, конечно, привлекали педагогические достоинства книги, но его авторитет не только произвел переворот в истории образования и положил начало волне детской литературы в Англии, но и прославил «Робинзона Крузо».

«Новые Робинзоны» начали появляться еще раньше переложений, пожалуй, даже раньше, чем успела высохнуть типографская краска первого издания. Наиболее ранние из них интересны с библиографической точки зрения. Самое знаменитое — «издание с О», названное так потому, что фамилия Крузо оканчивалась в нем буквой «о» и не имела после него «е», как Дефо (Defoe). Автор этого издания изменил, кроме того, имя героя: Рoubсон. Долгое время даже шли споры, какое издание является

первым, но издание Тэйлора было признано все-таки самым ранним. «Издание с О» — это, видимо, плод зависти собратьев-издателей, огорченных своей непричастностью к успеху «Робинзона Крузо».

Много споров было и о местонахождении острова Робинзона. Он существовал, конечно, только в воображении Дефо, и то менее определенно, чем графство Уэссекс из романов Томаса Харди. Несомненно только то, что реальный Селькирк отбывал свою ссылку на реальном острове Хуан-Фернандес у берегов Чили.

Нельзя также ответить на вопрос, читал ли Селькирк книгу Дефо и знал ли вообще о ней? Он пережил первое издание на два года, но, вполне вероятно, провел их в море. Скорее всего, он знал о существовании книги, но можно только догадываться о его реакции на ее появление. Лыстила ли она его самолюбию, обрадовала или возмутила его? Пытался ли он извлечь выгоду из этой славы или кто-то другой пытался сделать это за него?

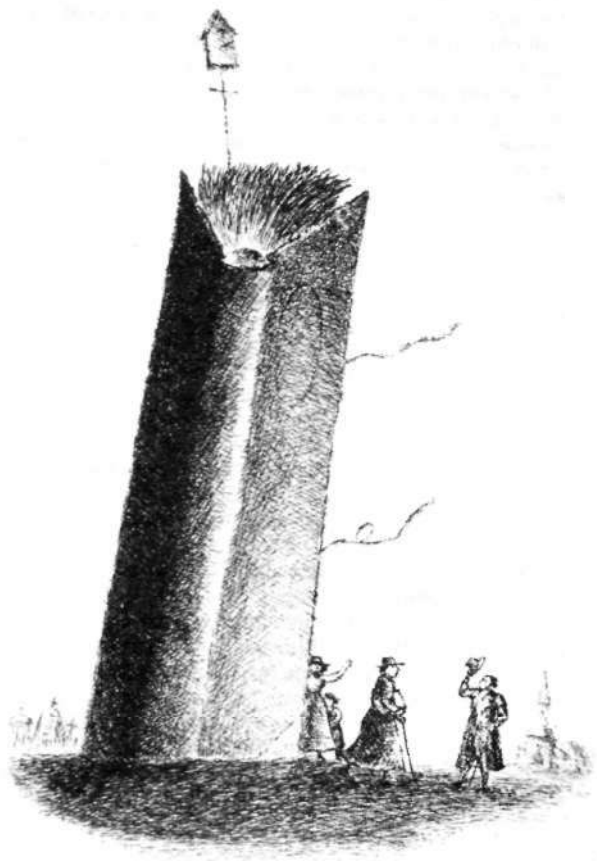
Что первое американское издание «Робинзона Крузо» выпустил Хью Гейн, давно было известно библиографам. Однако точную дату никак не могли установить. Рекламы в более поздних книгах этого издательства указывают на 1775 год. Загадка оставалась неразрешенной до 1929 года, когда был найден один экземпляр, до сих пор единственный, «Замечательной жизни и удивительных приключений Робинзона Крузо, прожившего двадцать восемь лет на необитаемом острове, который он затем колонизировал», изданный в Нью-Йорке «Хью Гейном в его книжном магазине в Ганновер-сквер, где предлагается широкий выбор карманных книжек для юных господ и дам».

Этот первый из «Робинзонов» Нового Света был форматом немного больше игровой карты. Он замечателен прежде всего тем, что содержит семь гравюр, хотя сами гравюры ничем не примечательны. Имя их создателя не указано, и тем лучше для него. В книге 138 страниц сильно сокращенного текста, за которым следуют четыре страницы реклам других изданий Гейна.

В 1850 году в Америке произошло событие, свидетельствующее о большой популярности «Робинзона Крузо». Летом этого года в Филадельфии был организован Союз

печатников, который потребовал у хозяев повышения заработной платы. Однако не все предприниматели на это согласились, и многие члены Союза оказались без работы. Тогда Союз решил выпустить «Робинзона Крузо», чтобы дать работу товарищам и поддержать их в борьбе. Тысяча экземпляров первого издания и две тысячи второго разошлись по подписке, и Союз приступил к выпуску третьего издания, «надеясь на еще более широкую и быструю продажу», сообщает реклама. Это в целом очень сдержанный документ, за исключением последней части: «Забастовка продолжается пять недель, и только пять человек предали дело, которому мы все торжественно посвятили себя. На языке печатников их называют крысами, и они найдут западни у входа в свои норы».

Доживи Дефо до этого события, он сумел бы оценить использование его лучшей книги как оружия в борьбе труда и капитала!



ОЛИВЕР ГОЛДСМИТ И «ВЕКФИЛЬДСКИЙ СВЯЩЕННИК»

I

Если в одном доме живут кошка и собака, они обычно проявляют друг к другу настороженное безразличие. Ради мира в доме и хозяйского расположения они стараются избегать открытых столкновений. Только иногда, неожиданно встретясь, они обмениваются предостерегающим ворчанием. Но как тонка оболочка видимой терпимости, и какая смертельная ненависть клокочет под ней!

Проводя параллели между животными и людьми, мы часто бываем несправедливы к тем или к другим. Нашим сравнением мы, возможно, проявили непочтение к памяти Джеймса Босуэлла, эсквайра, известного биографа¹, и некоей миссис Трейл Пиоцци. Во всяком случае, верно то, что между ними существовала скрытая неприязнь, причиной которой было ревнивое благоговение, которое оба питали к доктору Сэмюэлю Джонсону, знаменитому ученому и писателю. Первый был верным последователем и летописцем жизни великого человека, вторая — его искренним другом. А доктор Джонсон имел самое прямое отношение к изданию «Векфильдского священника». Более того, рассказ Джонсона об этом событии — единст-

¹ Имя Босуэлл имеет у англичан значение нарицательное, в смысле — образцовый биограф, так же, как историка называют Тацитом, сатирика — Ювеналом, а верного секретаря — Эккерманом. По отношению к своему другу, выдающемуся критику Сэмюэлю Джонсону, Босуэлл и сыграл сначала ту же роль, что Эккерман в отношении к Гете, записывая беседы великого человека и события его жизни. Затем Босуэлл составил жизнеописание Джонсона, имевшее по выходе в свет большой успех и сделавшееся классикой биографического жанра.

венное сохранившееся свидетельство, но и оно дошло до нас в передаче его друзей. Вот почему так досадно, что Босуэлл и Пиоцци в своих воспоминаниях и неточны, и противоречат друг другу.

Приведем сначала версию Босуэлла:

«Миссис Пиоцци и сэр Джон Хокинс странным образом искажают историю злключения Голдсмита и дружеского вмешательства Джонсона, в результате которого был издан знаменитый роман. Я же приведу ее точно, со слов самого Джонсона:

„Однажды утром я (Джонсон) получил от бедного Голдсмита записку, извещающую меня о том, что он в больших затруднениях и не имеет возможности посетить меня, а поэтому просит прийти к нему как можно скорее. Я послал ему гинею¹ и обещал сразу же быть. Что я и сделал, как только оделся. Оказалось, что его хозяйка наложила на него домашний арест, поскольку он не платил ей давно за квартиру. Голдсмит был вне себя. Я увидел, что он уже разменял мою гинею, и перед ним стояла откупоренная бутылка мадеры и рюмка. Я заткнул бутылку пробкой и, призвав Голдсмита к спокойствию, начал обсуждать с ним выход из положения. Тут он сказал, что у него готов роман, и показал мне рукопись. С первого же взгляда я оценил достоинства этого произведения и, сказав хозяйке, что скоро вернусь, отправился к книготорговцу, которому и продал рукопись за шестьдесят фунтов. Я принес деньги Голдсмиту, а тот заплатил хозяйке, при этом сделав ей выговор за неучливое обращение"».

От себя Босуэлл прибавляет:

«Уместно было бы также привести рассказ миссис Пиоцци о тех же событиях в качестве примера крайней небрежности, с какой она рассказывает свои анекдоты о докторе Джонсоне.

„Не помню точно, в каком году, но не раньше 1765 или 1766 года, доктора вызвали из нашего дома после обеда, и, вернувшись часа через три, он сказал, что был у одного разгневанного писателя, от которого хозяйка требует платы за квартиру, а полиция сторожит его с ули-

¹ Немногим больше одного фунта стерлингов.



Оливер Голдсмит. 1824 г.
Гравюра Дж. Т. Уэджвуда с картины Дж. Рейнолдса

цы. Накачиваясь мадерой, чтобы утопить заботы в вине, писатель жаловался, что от расстройства не может закончить роман, который якобы принесет ему целое состояние, и не может даже выйти из дому, чтобы продать его. Мистер Джонсон отнял у него бутылку и, пойдя к книготорговцу, предложил ему роман, за который тут же получил деньги. Писатель же, как только деньги были ему вручены, позвал хозяйку и пригласил ее выпить пуншу и весело провести время"».

Босуэлл не приводит рассказ сэра Хокинса, самый краткий, но отнюдь не самый сдержанный.

«Его (Голдсмита) стихи полны тонких нравственных переживаний и говорят о высоком благородстве ума, однако сам автор не стыдился бедности и не боялся ее зол.

Одно время он был так беден, что из-за нападков хозяйки, которой он был должен за квартиру, и полиции, караулившей его на улице, он не мог ни оставаться дома, ни пойти продать своего «Векфильдского священника». В таком плачевном состоянии он послал за Джонсоном, который немедленно пошел к книготорговцу и вернулся с деньгами».

У Хокинса немного расхождений с Босуэллом, и самому Босуэллу они, должно быть, не казались серьезными, поэтому он с большей силой обрушился на госпожу Пиоцци и подробно рассмотрел все неточности ее изложения:

«Был внезапно вызван из нашего дома после обеда!» — по Босуэллу, события эти произошли до завтрака. Но неточность в фактах Босуэлл еще мог бы простить, если бы госпожа Пиоцци не пыталась так явно сделать свой дом центром событий.

«Вернувшись часа через три!» — Босуэлла, конечно, возмутила настойчиво внушаемая мысль, будто жизнь Джонсона вращалась вокруг дома Пиоцци. Ведь Джонсон увиделся с Пиоцци впервые только через два года после случая с Голдсмитом! Впрочем, эти неточности Босуэлл мог бы и простить госпоже Пиоцци, так как они, возможно, неумышленны: ее просто подвела память.

«Накачивался мадерой...» Босуэлл не мог отказать себе в удовольствии заметить, что его противница не знает, как пьют мадеру. К счастью для Голдсмита, Пиоцци, очевидно, не знала, что мадера была куплена на деньги Джонсона.

«От расстройства не может закончить роман!» — тут ворчанье Босуэлла становится громче. Вряд ли для Джонсона, Голдсмита и хозяйки в тот момент имело значение, закончен роман или нет! Босуэлл явно начинает придираться к словам. Впрочем, если бы он не был так придиричив к словам, из него не вышел бы такой хороший биограф. Что же касается иронического «от расстройства», то оно вполне правдоподобно рисует состояние Голдсмита, если только предположить, что рукопись не была закончена.

«Принесет ему целое состояние», — следует еще одна придирка со стороны Босуэлла. Конечно же, для Голдсмита в тот момент шестьдесят фунтов были целым состоя-



Сэмюэл Джонсон у Голдсмита читает рукопись
«Векфильдского священника». Старинная гравюра

нием, а разгневанной хозяйке эта сумма, наверно, казалась еще более значительной.

«Тут же получил деньги», — что ж, рассказ самого Джонсона не исключает, что он объяснил книготорговцу положение Голдсмита и попросил дать аванс.

«Позвал хозяйку и пригласил ее выпить пуншу и весело провести время», — это утверждение больше всего возмутило Босуэлла, что вполне понятно: рассказ самого Босуэлла, правда, не исключает такого конца, но все же это явный домysel, вызванный желанием во что бы то ни стало сострить, даже в ущерб репутации писателя.

Заль, что Босуэлл не дожил до издания «Мемуаров» Ричарда Камберленда. Он мог бы вволю покуражиться и над этой нелепейшей из всех версий:

«Я слышал от доктора Джонсона веселый рассказ о том, как он спас Голдсмита из дурацкого положения, продав «Векфильдского священника» книготорговцу Додсли всего за десять фунтов. Голдсмит задолжал несколько фунтов своей хозяйке и не мог придумать способа расплатиться, между тем ему угрожало нелепое предложение хозяйки, прелести которой были далеко не соблазнитель-

ны, жениться на ней. Хозяйка становилась все настойчивей. В этот критический момент Джонсон и застал его размышляющим над печальным выбором. Он показал Джонсону своего «Векфильдского священника», но, кажется, не имел ни намерений, ни даже надежды выручить за него какую-нибудь сумму. Джонсон же увидел в рукописи нечто, что его обнадружило, и немедленно понес ее к Додсли, который тут же заплатил уже упомянутую сумму, а позже заключил сделку на продажу издания. Джонсон рассказывал, что он скрыл от Голдсмита настоящую цену и выдавал ему деньги постепенно по гинее. Он заплатил хозяйке, избавив друга от ее объятий».

Мемуары Камберленда многократно переиздавались — впрочем, приключения барона Мюнхгаузена тоже. Все же Камберленд несколько достовернее Мюнхгаузена, хотя и ненамного. Справедливости ради, надо сказать, что его небывлицы, как и приключения барона, всегда крайне занимательны.

У Голдсмита рано появился биограф — Джеймс Прайор, опубликовавший свое непревзойденное по фундаментальности исследование в 1837 году. Он рассматривает все четыре версии, и его слова можно принять как окончательное суждение:

«Ничто не показывает так ясно ту небрежность, с какой рассказываются подобные анекдоты, как эти разные изложения одних и тех же событий. Рассказ Босуэлла прост и правдоподобен, он записан со слов самого Джонсона после обстоятельных расспросов и поэтому может считаться наиболее точным. Госпожа Пиоцци грешит небрежностью, стремится привлечь внимание читателя к обеденному столу, судя же по некоторым данным, Джонсон был вызван к пленнику утром. Хокинс, говоря, будто Голдсмит хотел выпить, окрашивает события на свой весьма странный и мрачный вкус... Рассказ Камберленда просто вымысел. Мы знаем, что полученная за роман сумма была шестьдесят фунтов, и купил рукопись не Додсли, а Ньюбери.

История с женитьбой вдвойне неправдоподобна: во-первых, хозяйка, по рассказам, была преклонного возраста, во-вторых, арест предмета страсти — вряд ли лучший способ добиться взаимности».

II

Действительно, с Оливером Голдсмитом все могло случиться и очень многое случилось. Отобрав из рассказов Босуэлла, Пиоцци, Хокинса и Камберленда общее, мы можем представить себе историю «Векфильдского священника». Кстати, Босуэлл и Хокинс оказались одного мнения о Голдсмите, которое Хокинс выразил так: «Он никогда не мог рассказать истории, не испортив ее». Более проникательный Джонсон смотрел глубже и высказался на тот же счет так: «Если только он не писал, то не было человека глупее его, но с пером в руке он был мудрее всех».

Латинская эпитафия, которую Джонсон написал для Голдсмита, трогательна и благородна, но в ней неправильно была указана дата его рождения. Голдсмит родился не 29 ноября 1729 года, а 10 ноября 1728 года — разница, имевшая некоторое значение, по крайней мере для госпожи Голдсмит, которая, кроме Оливера, произвела на свет еще восемь детей. Один из братьев и стал его героем, тем знаменитым священником, который «слыл богатым всего на сорок фунтов в год». Это самое знаменитое жалование в литературе, и, наверно, если бы человечество могло узнать, как это получалось у священника, оно обрадовалось бы больше, чем если бы получило бесспорное доказательство того, что «Опыты» Бэкона написал Шекспир.

В 1745 году Оливер Голдсмит поступил в Тринити-колледж в Дублине казеннокоштным студентом. Таких студентов учили и кормили бесплатно, а в общежитии они жили за ничтожную плату, но зато с лихвой оплачивали эти льготы сознанием своего жалкого положения и выполнением многочисленных обязанностей по хозяйству. Голдсмит получил степень бакалавра и собирался стать адвокатом, но вместо этого поехал в Голландию, в Лейден, и год изучал там медицину, потом почти без гроша в кармане пешком путешествовал по Европе и, наконец, в 1756 году поселился в Лондоне, где и умер. С Джонсоном он познакомился спустя пять лет после того, как приехал в Лондон, и вот при каких обстоятельствах. Он пригласил к себе большую компанию, в основном писателей, в их чи-



— to F. there my will, as she did her wedding-day.— Page 2

CHAPTER I.

THE DESCRIPTION OF THE FAMILY OF WAKEFIELD, IN WHICH A KINDRED
LIKENESS PREVAILS, AS WELL OF MINDS AS OF PERSONS.

I WAS ever of opinion, that the honest man who married and brought up a large family, did more service than he who continued single and only talked of population. From this motive, I had scarcely taken orders a year, before I began to think seriously of

B

Иллюстрация У. М. Малреди к английскому изданию
«Векфильдского священника»



— "Thus each day I grew more generous, and he more modest, till at last the minister had the goodness to offer me to a young baronet of his acquaintance."—

Page 126.

CHAPTER XX.

THE HISTORY OF A PHILOSOPHIC VAGABOND, PURSUING NOVELTY,
BUT LOSING CONTENT.

AFTER we had supped, Mrs. Arnold politely offered to send a couple of her footmen for my son's baggage; which he at first seemed to decline; but upon her pressing the request, he was obliged to inform her, that a stick and a wallet were all the moveable things upon this earth that he could boast of. "Why, ay,

Иллюстрация У. М. Малреда
к английскому изданию

сле был Джонсон и его друг, епископ Перси, собиратель баллад о Робин Гуде. Епископ заметил, что Джонсон был одет с несвойственной ему изысканностью: «На нем был новый костюм и новый напудренный парик, и все это было так не похоже на него, что я не мог сдержать любопытства и спросил о причине такого строгого соблюдения внешних приличий». «Как же, сэр, — отвечал Джонсон с такой готовностью, будто ждал этого вопроса, — я слышал, что Голдсмит, большой неряха, оправдывая свое пренебрежение к чистоте и приличию, ссылается на меня. Вот я и хочу сегодня опровергнуть его мнение».

Был ли Голдсмит так потрясен этой первой встречей, неизвестно, во всяком случае позднее он стал чаще грешить франтовством, чем неряшливостью.

Ш

К сожалению, не вся история «Векфильдского священника» известна. В основном можно только сказать: книгу написал Голдсмит, и авторства никто никогда у него не оспаривал.

Титульный лист первого издания выглядел так: «Векфильдский священник. Повествование, предположительно написанное им самим. Т. I (II). Сейлсбери. Издано Б. Коллинзом для Ф. Ньюбери с Патерностер Роу¹, в Лондоне. 1766». Титульных листов, представляющих неразрешимые библиографические загадки, много, но это один из самых загадочных. Например, кто такой Коллинз? И почему Сейлсбери? Такой город, конечно, есть. Он знаком всякому, кто читал Дикенса и Харди, и каждому туристу, для которого Англия представляет калейдоскопическую вереницу соборов. Однако неизвестно, чтоб там было что-нибудь напечатано, кроме «Векфильдского священника». Поэтому есть подозрение, что указанное на книге место издания — обман. Еще одно предположение, которое также ничем не опровергается и потому вполне вероятно, состоит в том, что и таинственный Б. Коллинз — тоже обман, что никакого Коллинза не было.

Если и то и другое — вымысел, то это книгоиздатель-

¹ Там же, где находилась контора Тэйлора, издателя «Робинзона Крузо».



Иллюстрация к первому русскому изданию

ская фальшивка, а что за ней стоит, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Возможно, ничего особенного, ведь никто из участников этого романа не предвидел будущей его славы.

Вскоре появилось и первое лондонское издание — 27 марта 1766 года. Еще два издания вышли в том же году, четвертое в 1770, пятое в 1773, шестое в 1777 году. Но только в 1779 году книга вышла под именем Оливера Голдсмита. «Векфильдский священник», очевидно, пользовался не такой уж бешеной популярностью. Впрочем,

даже если бы он стал сенсацией века, вряд ли он поправил бы финансы Голдсмита. Он умер, как и его земляк, ирландец Оскар Уайльд, в бедности.

IV

«Векфильдского священника» рано начали переводить. Первое французское издание появилось уже в 1767 году. Но самый знаменитый французский перевод был сделан в 1831 году молодым сотрудником Боуденского колледжа и будущим известным поэтом Генри Лонгфелло. Это был второй американский «Священник» на французском языке. Первый вышел двумя годами раньше в Новом Орлеане. Первое же издание на английском языке вышло в Америке еще в 1772 году.

На протяжении полутора веков «Векфильдский священник» был любимцем иллюстраторов. Первое иллюстрированное издание вышло в Лондоне в 1780 году. Оно состояло из двух томов, в каждом из которых было по одной гравюре. В 1792 году появилось самое знаменитое и лучшее из ранних иллюстрированных изданий с шестью гравюрами Томаса Стотарда. Их недостатком считается «излишняя чувствительность», обычная для Стотарда, а достоинством — превосходная композиция. Время жаждало чувствительности, того же требовал «Священник», и Стотард сумел удовлетворить эти требования с блестящим мастерством. Самое ценное иллюстрированное издание вышло в 1817 году с двадцатью четырьмя гравюрами Томаса Роулэндсона. Здесь, по мнению знатоков, «священник и его семья выглядят грубее, чем мы видели доселе», но это издание, возможно, «представляет дух времени вернее, чем большинство иллюстрированных изданий». Из более поздних заслуженной популярностью пользуется издание 1890 года с рисунками Хью Томаса.

Первые нью-йоркские издания 1803 и 1807 годов тоже иллюстрированы, что довольно необычно для Америки того времени. Иллюстратором был Александр Андерсон, автор первой гравюры по дереву в Америке. Андерсон с двенадцати лет делал гравюры на меди и, когда не мог купить металл, раскатывал монеты, а ведь тогда еще не было трамваев, с помощью которых это так легко делается.

дацію, и хотѣлъ, безъ перерыва, пѣловаться съ моею дочерью, какъ человекъ вполне увѣренный въ благо-склонномъ пріемѣ: но мои дочери, съ малыхъ лѣтъ, приучены были вводить высокоміріе въ должные пре-дѣлы. Тогда этотъ господинъ объявилъ намъ, что имя его Торигиль, и что онъ владѣлецъ окрестныхъ имѣ-ній. Сказавъ это, онъ снова подошелъ къ дѣвкамъ, и на этотъ разъ, благодаря своему богатству и знатности, уже не встрѣтилъ вторичнаго отказа. При свободномъ и ловкомъ, хотя высокомірномъ обхожденіи, онъ скоро успѣлъ съ нами короче познакомиться, и увидѣвъ музыкальные инструменты, обязательно просилъ дѣ-



Иллюстрация к первому русскому изданию

Из многочисленных сочинений Голдсмита — а нужда все время заставляла его братья за самую тяжелую и скучную литературную поделку — сохранилось только три или четыре экземпляра с дарственными надписями. Может быть, он считал, что книги надо продавать, а не дарить, если хочешь быть сыт. Он явно был не в состоянии купить для себя много экземпляров даже по самой низкой издательской цене. Поэтому автографы Голдсмита очень редки, и даже из существующих некоторые вызывают сомнения. К таким относится экземпляр первого издания «Священника» с надписью «От автора» на титульном листе первого тома. Возможно, надпись подделана или же получатель сделал ее сам, желая не обмануть, а просто указать, откуда у него эта книга. Так как почерк похож на руку Голдсмита, скорее верно первое предположение.

Этот самый экземпляр входил в знаменитую библиотеку Джерома Керна и был продан в 1929 году за 6600 долларов, что в четыре раза больше тогдашней цены за ненадписанного «Священника». Если надпись на книге подлинна, то цена очень низка; а купил ее опытный книготорговец и серьезный исследователь Голдсмита, убежденный в подлинности надписи.

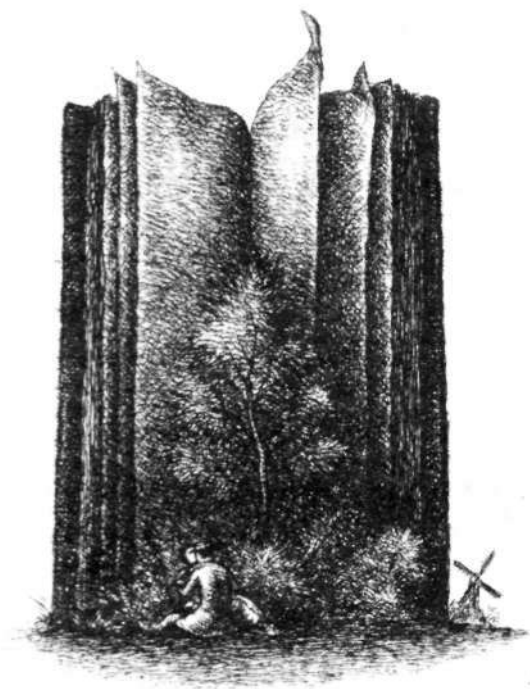
Возможно, знаток не ошибся, потому что видно — надпись написана, а не скопирована, как было бы естественно ожидать в случае подделки. Кроме того, желающие нажиться на подделке почерков могли бы посвятить свои таланты более «прибыльным» авторам, например, Шекспиру, как это с успехом делал некто Сэмюэл Айэрленд¹. Впрочем, и Голдсмит теперь вполне стоит того, чтобы быть подделанным. Надписанный экземпляр Керна также переплетен с большей изысканностью, чем остальные, а в то время это было обычным для подарочных авторских экземпляров.

¹ Он выпустил «Виды верхнего Эйвона», т. е. родных мест Шекспира. Издание появилось в 1795 году, когда уже шла борьба вокруг «шекспировского вопроса». Дом Шекспира и другие реликвии были изображены в книге Айэрленда недостоверно.

VI

Последние каталоги содержат от тридцати пяти до сорока пяти изданий «Священника», вышедших в XVIII веке. Во главе списка стоит, конечно, оригинальное сейлсберийское издание. Разумеется, оно редко, но далеко не так, например, как шесть томов «Тома Джонса» Филдинга.

«Векфильдский священник» представляет собой сложнейшую библиографическую проблему. Много усилий было уже потрачено на ее решение, и еще много лет пройдет, прежде чем все загадки будут отгаданы. Ясно только, что история книги окажется такой же запутанной, как и финансовые дела Голдсмита.



РОБЕРТ БЕРНС И ЕГО «СТИХОТВОРЕНИЯ»

I

Хутор Моссгил находится на расстоянии мили от Мохлина, шотландского городка. Отсюда до Карлайла, ближайшего крупного английского города, пятьдесят миль — через единственную сухопутную границу между Шотландией и Англией. От Мохлина до другого шотландского городка, Килмарнока, меньше десяти миль. Теперь на поезде или на машине это вообще минутное дело, но и тогда даже у ленивого ходока на весь путь уходило не больше трех часов: жили близко. Но дочь мастера-каменотеса Джин Армор из Мохлина и бедный фермер Роберт Бернс из Моссгила все-таки не были людьми одного круга, даже среди немногочисленного и сравнительно однородного населения тех мест. Однако простой фермер, занимая столь скромное общественное положение, принадлежал к аристократии донжуанов, и можно ли упрекать восемнадцатилетнюю Джин за то, что она, нарушив границы своего круга и возраста, сумела убедиться в этом? С приближением лета 1786 года становилось все более очевидным, что фермер Бернс скоро будет отцом. Он дал Джин письменное подтверждение того, что она его жена, но мастера-каменотеса это нисколько не успокоило. Он не стремился получить в зятя простого парня из Моссгила, тем более поневоле. Имел он на то разные основания. Социальные и денежные соображения играли тут не последнюю роль, но самыми главными были соображения религиозные. Папаша Армор был старой закалки убежденный кальвинист¹. «Я становился известен как сочинитель стихов, —

¹ Наиболее строгое и вместе с тем наиболее ханжеское из направлений пуританской церкви.

между тем писал о себе Бернс. — Первым моим поэтическим детищем, увидевшим свет, был сатирический плач о ссоре двух почтенных кальвинистов... Он высмеивал и духовенство, и мирян, и был встречен шумными приветствиями». Папаша Армор вряд ли присоединился к этим приветствиям.

По настоянию отца Джин вернула бумагу Бернсу, а тот опрометчиво решил, что на этом его отцовские обязанности заканчиваются и обнаружил тем самым, что плохо разбирается в законах. В июне все того же года он писал: «Я по-прежнему люблю ее до безумия, хотя и не скажу ей об этом, если встречу». Мудрое решение, особенно если учесть, что несколькими днями раньше он и Мэри Кемпбелл, «горянка Мэри», стоя на противоположных берегах горной речушки и держа над бегущей водой библию, поклялись в вечной любви. Через пять месяцев Мэри погибла, и страсть превратилась в воспоминание, вдохновив Бернса на прекрасную элегию:

Опять с земли ночную тень
Ты гонишь, яркая звезда...
Семь лет назад я в этот день
Расстался с Мэри навсегда.
О, где ты, дорогая тень?
И видишь ли теперь меня,
Как я, простертый на земле,
Лежу, рыдая и стень?

Мне не забыть свиданья час —
Мне не забыть тот лес густой,
Где Эйр струится, серебрясь,
Где знали мы любовь с тобой...
Я вечно в сердце сохраняю
Былого пламень и твой лик,
И твой последний поцелуй
В печальный расставанья миг.

Пер. В. Буренина

Что сказал бы папаша Армор, узнай он про Мэри Кемпбелл! Впрочем, он и без того повел дело круто. Никакого Бернса в семье Арморов не будет, но это не значит, что кощунствующий рифмоплет избежит возмездия. Армор заставит его платить за содержание ребенка.

В то несчастливое лето Бернс ходил каяться в Мо-



Роберт Бернс. Гравюра Дж. Роджерса
с картины А. Насмита

хлинскую церковь, надеясь все же выйти из затруднительного положения холостяком. Напрасны были надежды. Роберт Бернс и Джин Армор стали мужем и женой и оставались ими еще десять лет, до смерти поэта. Надо сказать, что это был далеко не самый несчастливый брак на свете.

«Сегодня утром я заглянул в то, что Юнг так прекрасно назвал „темными воротами прошлого“, и ты легко догадаешься, насколько это было унылое зрелище. Что за сплетение легкомыслия, слабости и безрассудства! Моя жизнь напомнила мне разрушенный храм: какая сила, какая гармония в одних частях и какие уродливые провалы, какие груды развалин в других! Я встал на колени пе-



Гравюра Дж. Роджерса с картины Дж. М. Райта
в издании 1842 г.

ред отцом милосердным и сказал: „Отче, я грешил против неба, перед твоими очами и не достоин более называться твоим сыном". Я поднялся, чувствуя облегчение и прилив сил. Презираю суеверие фанатиков, но верю в человека». Так писал Бернс в письме, которое прекрасно передает его настроение тех времен, хотя написано гораздо позже.

II

Мстительность старшего Армора чуть было не довела Бернса до безумия, как вдруг явился неожиданный спаситель в лице некоего Дугласа. О нем почти ничего не известно. В Шотландии всегда было много Дугласов, и от-

личить его от бесчисленных однофамильцев исследователи так и не смогли. Этот Дуглас пришел предложить Бернсу работу счетовода на Ямайке. Для жителя Мохлина Ямайка была таким же отдаленным местом, как и Южный полюс, но Бернса, в его положении, привлекало именно это. Он горел желанием уехать, да только не знал, где взять девять гиней на дорогу.

Тут-то Гэвин Гамильтон и посоветовал Бернсу издать свои стихи. Гамильтон был владельцем земли, которую у него арендовал Роберт Бернс с братом. Хочется думать, что он был добрым землевладельцем, но даже если это и не так, мы должны его простить, потому что он подарил миру поэта. Он, наверно, ничего не смыслил в книгоиздательском деле и, возможно, даже не слышал стихов, за исключением тех, которые читал ему его арендатор; но он верил в этого человека и доказал свою веру на деле. Весной 1786 года началась подписка на будущую книгу, и Гамильтон был самым деятельным ее энтузиастом. Конечно, он был не так богат, чтобы поступить, как некто Паркер из Килмарнока, который подписался сразу на тридцать пять экземпляров. Но кто знает, не жест ли это тщеславного богача, и не лежат ли те тридцать пять книг где-нибудь на чердаке, еще перевязанные той же бечевкой? Для такого предположения нет достаточных оснований, но оно весьма заманчиво, потому что такой чердак хранил бы сокровище, неизмеримо большее, чем обрывки всего-навсего восьми экземпляров, известных сегодня библиографам.

Издать стихи взялся Джон Вильсон из Килмарнока. Книга печаталась три месяца, три долгих и тревожных для бедного Бернса месяца. Интересно было бы знать, приходил ли кто-нибудь к папаше Армору с подписным листком «На издание Шотландских стихов Роберта Бернса, изящное издание в восьмую долю листа, примерная цена три шиллинга»? Если и приходил, то вполне вероятно, что старый каменотес порвал бумагу в мелкие клочки, выражаясь при этом недостойным старого кальвиниста образом. Сохранился из этих листов только один, находится он теперь в мемориальном музее Бернса в деревеньке Алоуэй. Он содержит следующее заявление: «Автор денежно нисколько не заинтересован в издании. И как



Гравюра С. Булла с картины Дж. М. Райта
в издании 1842 г.

только наберется нужная сумма, сочинение будет отдано в печать». Уверения в том, что автор не хочет вознаграждения, а подписка призвана окупить только расходы на издание — это всего лишь рекламный трюк, сопутствующий всякой торговле, что-то вроде призыва «Спешите видеть! Всего одно представление!». Так что издатель Вильсон, должно быть, вставил его просто для вида. Каково это было читать Бернсу! Правда, его «денежный интерес» не простирался дальше девяти гиней, но уж в этих-то де-

вяти гинеях он был крайне заинтересован: они сулили ему свободу.

Гамильтон и друзья Бернса были так неутомимы, что когда «Стихи, написанные преимущественно на шотландском диалекте» вышли 31 июля 1786 года, то около трехсот пятидесяти экземпляров из шестисот разошлись сразу по подписке, а остальные тоже вскоре сбылись книготорговцам. Бернс получил двадцать фунтов — и бессмертие. Вильсон тоже остался в барыше. Более того, его предприятие стало процветать, потому что в издательство стали сбегаться местные поэты, собрав жалкие гроши в надежде осуществить «эту милую каждой поэтической душе мечту — стать знаменитым», как говорится в предисловии к стихам Бернса. В конце этого предисловия Бернс пишет, что «он просит своих читателей, особенно людей ученых и утонченных, которые, может быть, окажут ему честь своим вниманием, проявить снисхождение к его образованию и обстоятельствам жизни; но если по благожелательном и беспристрастном прочтении его обвинят в скуке и вздоре, пусть с ним поступят так, как он сам поступил бы на их месте — пусть его безжалостно предадут презрению и забвению».

Двадцать фунтов вполне его устраивали. Это было вдвое больше, чем нужно было на дорогу до Ямайки. Бернс перевел все будущие доходы от авторского права на имя дочери от Элизабет Пейтон, девушки, с которой он был знаком еще до встречи с Джин. Душой Бернс рвался в Гринок, откуда в сентябре отплывал его корабль, он уже распрощался со всеми друзьями, стараясь не попадаться на глаза все еще сердившемуся Армору, — и так и не поехал на Ямайку.

По его собственным словам, «письмо д-ра Блэклока одному из моих друзей перевернуло все мои планы». Блэлок был слепой поэт, в то время шестидесяти пяти лет, человек с большим влиянием в Эдинбурге, столице Шотландии. В современных антологиях, правда, его стихов обычно нет, но в свое время он был, наверное, достаточно известен и влиятелен. Во всяком случае, он помог Бернсу отправиться в Эдинбург — к славе, а не в Вест-Индию, к «презрению и забвению».

Знаменитый историк Карлейль дал классическое,

хотя, быть может, и не во всем точное описание жизни Бернса в Эдинбурге.

«Мы должны заметить, что зима, прожитая им в Эдинбурге, наделала ему много вреда. Живя там, он ближе познакомился с общественными условиями, но мало изучил человеческий характер и вместе с тем сохранил прежнее болезненное чувство к неравному распределению счастья в социальном отношении. Он видел блестящую, великолепную арену, где великим мира сего суждено играть роль; он сам находился в среде их и с еще большею горечью сознавал, что он здесь только зритель, которому нет роли в их блестящей игре. С этого времени им овладело негодование на социальное унижение и нарушило его личное довольство, извратило его чувства относительно своих богатых собратьев. Бернсу было ясно, что у него достаточно таланта, чтоб составить себе громадное состояние, если б у него была на это охота; но ему также было ясно, что его желания были другого рода, вследствие чего он не мог быть богатым. К несчастью, у него не достало силы выбрать одно и отказаться от другого, так что ему постоянно приходилось колебаться между двумя идеями, двумя целями. Подобные случаи бывают со многими людьми; у нас есть товар, мы крепко держимся в цене и до тех пор торгуемся с судьбою, пока не наступит ночь и не закроется рынок».

Последствием столичного триумфа Бернса было второе издание его стихов, вышедшее в апреле 1787 года. Около 2800 экземпляров разошлись среди полутора тысяч подписчиков, а Бернс получил пятьсот фунтов стерлингов. Это издание существует в двух видах, и библиографы ломают головы над вопросом — который же вариант более ранний. В стихотворении «Ода шотландскому пудингу» есть слово «skinking», что на шотландском диалекте значит «тонкий»; но наборщик, более знакомый с английским, чем с шотландским, решил сделать поправку — «stinking» — «вонючий». Успел ли он внести свою поправку уже в первых экземплярах издания, или книга поначалу печаталась с шотландским словом, и есть суть проблемы. Логично предположить, что первым был «вонючий» вариант, который затем был исправлен, но весьма возможно, что загадка и не так проста. Зато доподлинно

известно, что второй вариант набирался заново, т. е. варианты эти, в сущности, являются отдельными изданиями. «Вонючий» вариант обычно стоит около двухсот долларов, вдвое больше варианта «тонкого».

Главной причиной, почему Бернс поехал в Эдинбург, была его внезапная слава на родине. Бернс стал пророком, почитаемым во всей стране и особенно в его родном и глухом уголке. Сказать что-либо нелестное о Роберте Бернсе в кабачке где-нибудь в Эйршире или Думбартоншире и сегодня-то — рискованное дело, но в 1786 году это было просто опасно.

Повлияло ли это все на течение жизни в доме Арморов? Утешилась ли Джин тем, что отец ее будущего ребенка стал национальным героем? Сама она в срок свершила то, о чем сделана запись рукой Бернса в библии, которую он купил два года спустя в Эдинбурге: «3 сентября 1786 года родились близнецы, старший сын Роберт в четверть часа пополудни и Джин, умершая через год и два месяца». За эту библию Бернс заплатил два фунта; дом-музей приобрел ее в 1904 году за 1700 фунтов стерлингов.

III

«Стихи, написанные преимущественно на шотландском диалекте» — не очень броское название, поэтому книга вошла в историю как «Бернс из Килмарнока». Какой еще город так прославился в истории книжного дела? «Листья травы» не называют Бруклинским Уитменом или «Векфильдского священника» — Голдсмитом из Сейлсбери, но говорят о «Бернсе из Килмарнока» — и другого названия у библиофилов книга не имеет.

Современный Килмарнок, маленький деловитый провинциальный центр, свято помнит, что его слава родилась на чердаке, где некогда помещалась типография Джона Вильсона.

«Бернс из Килмарнока» — это солидный том в двести сорок страниц, прекрасно напечатанный. Пять страниц занимает словарь диалектных слов и выражений. Из его тридцати шести стихотворений наиболее известны — «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом», «Горной маргаритке, которую я примял своим плугом»,



Гравюра Дж. Роджерса с картины Дж. М. Райта
в издании 1842 г.

«Насекомому, которое поэт увидел на шляпе у нарядной дамы во время церковной службы».

Некоторые из самых первых шестисот экземпляров вышли в бумажной синей обложке, и они-то теперь считаются наиболее редкими и ценными. Известны всего четыре-пять таких экземпляров, лучший из них куплен домом-музеем поэта в 1908 году за тысячу фунтов. Немного уступают им по цене синие экземпляры в жесткой облож-

ке, оставшиеся в свое время неразрезанными. Заново переплетенных экземпляров с подрезанными краями страниц довольно много. В начале 1929 года такой потрепанный экземпляр был, правда, продан за 6750 долларов, но вместе с ним продавалась страница оригинальной рукописи.

В 1897 году продавался «Бернс из Килмарнока» в оригинальной обложке и новенький, как в день выхода.

Он был куплен за неслыханную тогда сумму — 572 фунта, к великому огорчению книготорговца, который несколькими годами раньше отказался заплатить за него 120 фунтов.

Первоначально экземпляр принадлежал одной вдове, которая продала его через рекламу в провинциальной газете тому, «кто предложил больше всех»: восемь фунтов десять шиллингов.

Послушайте, однако, историю некоего Джеймса Стилли из Лита, который в давние времена купил экземпляр в мягкой обложке и даже с дарственной надписью автора всего за шиллинг. Обложка была несколько потрепана, и Стилли решил доверить книгу переплетчику, с условием, что он не будет ровнять края. Переплетчик же имел свое мнение и подверг экземпляр самому разрушительному обновлению.

В довершение несчастья, из книги позднее была вырезана надпись автора. В результате остался только один «Бернс из Килмарнока» с дарственной надписью.

Вот еще одна история. В Англии прошлого века мало кто так хорошо разбирался в книгах, как ученый Джон Колльер, известный своими комментариями к изданиям Шекспира.

В «Дневнике старика» он рассказывает случай, происшедший с ним 1 августа 1832 года, т. е. когда «Бернсу из Килмарнока» было еще меньше пятидесяти лет.

«Вчера меня постигло досадное разочарование. Я проходил по Тернстайлу к Линкольн Инн Филдз и дальше к Сомерсет Хаусу, когда взгляд мой упал на лотки с книгами перед букинистической лавкой некоего Корниша. Тут я увидел книгу, которую очень хотел иметь, а именно

килмарнокское издание стихов Бернса. Поскольку я собирался идти дальше и намеревался вскоре вернуться, я поставил книгу обратно на лоток, решив купить ее по дороге домой. Цена была всего лишь один шиллинг шесть пенсов, но я знал, что она стоила и гинеи. Возвращаясь тем же путем, я ни на минуту не забывал о книге, считая ее уже своей. Велико же было мое огорчение, когда, проходя мимо того места, я увидел, что книги нет — она продана за шиллинг и шесть пенсов кому-то другому! С тех пор я поклялся никогда больше так не рисковать. Она была не разрезана и в оригинальной обложке. Такого экземпляра я больше никогда не видел».

Подобные вещи случаются со всеми посетителями букинистических магазинов, но все же Колльер — единственный покупатель, упустивший «Бернса из Килмарнока» за половину его первоначальной цены!¹

¹ Из бернсовских справочников и библиографий, а также из «Бернсовской энциклопедии» можно извлечь следующие дополнительные сведения о первом, вышедшем в Килмарноке, собрании стихотворений поэта. Точный размер тиража составлял 612 экз., которые разошлись, считая 350 подписных экз., в течение месяца по цене в 3 пенса. Издание карманного формата, отличается высоким качеством печати и корректуры: в нем почти нет опечаток. На сборник появилось шесть рецензий в шотландских и английских журналах, и все они приветствовали нового поэта. Однако, несмотря на очевидный успех сборника, второго издания в Килмарноке почему-то не последовало, оно вышло через год уже в Эдинбурге, в другой типографии. Печатный станок Джона Вильсона, выпустившего первое издание, сохранился, но — в виде кресла! После того как этот станок перестали употреблять по прямому назначению, его все же берегли как реликвию, но, учитывая великолепный материал, из которого он сделан, — мореный дуб, решили станок коренным образом переоборудовать и сделали из него массивное кресло для председательствования на торжественных собраниях. Сейчас это кресло — преемник типографского станка — вместе с килмарнокским сборником и другими редкостями сохраняется в музее Бернса. Последняя, зафиксированная на книжных аукционах, цена килмарнокского сборника поднялась до 2 тыс. фунтов, что, конечно, заставляет в порядке сравнения вспомнить гонорар Бернса, составивший, как верно указывает Винтерих, 20 фунтов.

IV

Бернса издали в Америке через два года после выхода килмарнокского издания его стихов. Это тем более поразительно, что первое американское издание Шекспира (и вообще первое его издание за пределами Англии) вышло на семь лет позже американского Бернса, почти через сто семьдесят пять лет после первого «фолио» Шекспира¹. За право представить Бернса американской публике боролись две фирмы, и два издания книги вышли почти одновременно в Филадельфии и Нью-Йорке. Нью-Йоркское издание считается более редким.

Бернс никогда не был в Америке (как не был он и на Ямайке), но его песни покорили Америку раньше, чем она приняла свою конституцию и стала Соединенными Штатами.

¹ Собрание шекспировских пьес, изданное его друзьями в 1623 году, через семь лет после его смерти.



ЧАРЛЗ ДИККЕНС И «ЗАПИСКИ ПИКВИКСКОГО КЛУБА»

I

Ранняя весна 1836 года была вдвойне примечательна для двадцатичетырехлетнего репортера лондонской «Утренней хроники» Чарлза Джона Хаффам Диккенса. В последний день марта выходил первый тонкий выпуск юмористического издания, над которым он трудился. Двумя днями позже ему предстояло жениться. Литературное предприятие, вначале малообещающее, неожиданно и очень скоро обернулось величайшим книгоиздательским триумфом. Женитьба же через двадцать два года окончилась полным крахом. Если уж из этих двух начинаний одно должно было закончиться так печально, то теперь, столетие спустя, мы можем радоваться, что горькая участь постигла не юмористическое издание, и да простит читатель нам нашу радость.

В тот момент, однако, любовь молодого Диккенса была безмятежна. «Мне предложили за четырнадцать фунтов в месяц, — восторженно сообщал он невесте, — писать и редактировать совершенно одному материал, для ежемесячного издания... Работа нешуточная, но вознаграждение слишком соблазнительно, чтобы отказываться». Он, очевидно, предпочел сообщить ей позднее на словах, что, предвидя семейные расходы, он уже взял жалование за два месяца вперед.

Даже если бы мистер Диккенс готовился умереть, а не жениться, он был бы совершенно прав, гордясь сделанной карьерой. Он зарабатывал с тринадцати лет, но поначалу он запечатывал банки с ваксой — сначала промасленной бумажкой, потом синей бумажкой,

завязывал бечевкой, подрезал края и приклеивал этикетку. Платили ему за это шесть шиллингов в неделю. В шестнадцать лет он уже работал у адвоката, получал тринадцать шиллингов и шесть пенсов в неделю, а после прибавки — шестнадцать шиллингов. В девятнадцать был репортером и за четыре года дослужился до пяти гиней в неделю. Он начал понемногу писать и после того как с успехом выступил с несколькими короткими вещами в вечернем выпуске все той же газеты, осмелился попросить прибавки. В отличие от многих подобных просьб, эта была удовлетворена. Мистер Диккенс получал теперь семь гиней в неделю — совсем неплохо для бывшего наклещика этикеток. Кроме того, он стал автором книги. Короткие вещицы, напечатанные в «Вечерней хронике» и других журналах, собраны под названием «Очерки Боза». Диккенс и раньше иногда подписывался в газете именем Боз, хотя вне семьи Диккенсов оно мало что значило. Зато имя иллюстратора говорило о многом. Им был знаменитый художник Крукшенк, друг писателя.

Прошение о прибавке было Диккенсом подано за год до этого в доме 15 по Фернивалз Инн. В начале 1836 года он все еще был занят устройством квартиры. Гостей здесь принимали в «неуютной комнате без ковра», в которой был «стол, два-три стула и несколько книг». Так описал обстановку один из современников Диккенса. Вверив свое достоинство «шаткому стулу», он принялся рассматривать писателя: «Коротко стриженные волосы, одежда бедна, хотя и изысканного покроя. Сменив потертый служебный сюртук на потрепанный синий, он стал у двери, наглухо застегнутый и без воротника, и казался мне олицетворением авантюризма». Биограф Диккенса, его «Босуэлл», Джон Форстер, цитируя придирчивого современника, добавляет, что они с Диккенсом «от души смеялись над этим описанием, в котором едва ли есть одно слово правды. И я, — добавляет Форстер, — привожу его как достойный пример той чепухи, которой и после его смерти писалось более чем достаточно».

Человечество, однако, должно быть благодарно современнику даже за те крупницы правды, которые содер-



Чарлз Диккенс в 1839 г.
Художник Д. Маклес

жаты в его рассказе, потому что это единственное сохранившееся описание репортера «Хроники» и его окружения в тот решающий момент его жизни. Примерно в это же самое время в «неуютной комнате без ковра» произошел разговор, который стоило бы запечатлеть с документальной точностью.

Участниками разговора были Диккенс и некий мистер Холл. Уильям Холл — книгоиздатель, партнер

Эдварда Чапмена. Обоим было немногим больше тридцати, и издательский опыт их был под стать возрасту. За три месяца до этого разговора они выпустили небольшую книжку под названием «Сатирический ежегодник» с иллюстрациями Роберта Сеймора, одного из известнейших художников той, счастливой для «книжек с картинками», эпохи.

Сеймору было тридцать восемь, т. е. больше, чем издателям, и в полтора раза больше, чем Диккенсу. В том, что в критическую минуту его настойчивыми партнерами оказались совсем молодые люди, и заключалось несчастье Сеймора. Когда человеку за тридцать, то уступать двадцатилетним гораздо труднее, чем в шестьдесят. Два года назад Сеймор поссорился с Гилбертом Абботом Беккетом, двадцатитрехлетним редактором сатирического журнала «Фигаро в Лондоне». Сеймор был самоучкой; свои ранние работы он делал на дереве, потом перешел на медь и получил известность под псевдонимом Шипшенкс — «овечьи ноги». Но Джордж Крукшенк (кривоногий) умел постоять за свое имя. Чтобы их не путали, Сеймору пришлось довольствоваться более скромной славой под своей настоящей фамилией. Работал он с жадностью, что, возможно, ускорило катастрофу. Стоит заметить, что многие из его ранних, но уже вполне зрелых работ оплачивались не меньше чем по полгинеи каждая.

Успех сатирического ежегодника воодушевил обе стороны, и был заключен контракт на «серию гравюр о лондонцах и спорте». Идея принадлежала Сеймору и обсуждалась с Чапменом и Холлом, но дальше обсуждения дело не пошло. Тем временем Сеймор получал новые предложения и, не зная, как с ними поступить, он наконец потребовал от издателей определенного ответа. Было решено гравюры издать, сопроводив их юмористическим текстом. Сеймор согласился, и встал вопрос, кто же будет его напарником. Наконец, вспомнили об авторе очерков в «Хронике». Вот почему мистер Холл пришел в дом 15 по Фернивалз Инн, где жил Диккенс.

Сколько продолжался разговор, никто не знает. Как бы то ни было, мистер Холл ушел с убеждением, что

его новый автор умеет добиться своего. План Холла заключался в том, что художник делает ежемесячно четыре гравюры на спортивные темы, а мистер Диккенс пишет к ним текст. Мистер Диккенс, однако, имел контрпредложение: сначала текст, а потом — гравюры. Ведь лошадь впрягают впереди телеги, а не позади нее. Этот аргумент, а может быть, личность писателя, или все вместе, произвело впечатление на мистера Холла, и он сдался.

Начались напряженные дни, и новые события только усугубили их напряженность. Заключив контракт с Холлом, Диккенс начал работать наперегонки с типографским станком, и так продолжалось тридцать четыре года, до того самого дня, когда шестая часть «Тайны Эдвина Друда», последнего романа Диккенса, так и осталась недописанной...

II

31 марта 1836 года появился первый выпуск «Посмертных записок Пиквикского клуба, содержащих правдивую летопись прогулок, путешествий, приключений и спортивных предприятий его членов. Под редакцией Боза. С четырьмя иллюстрациями Сеймора». Появление книги не было замечено. Джеймс Грант, редактор «Ежемесячного журнала», в котором печатались многие ранние очерки Диккенса, писал позже, что в первые месяцы «Пиквик» терпел «редкостную неудачу» и добавлял: «Чарлз Тилт, в то время влиятельный книгоиздатель, из дружбы к Чапмену и Холлу прилагал все усилия к тому, чтобы обеспечить изданию успех. Он разослал по провинциям не меньше полутора тысяч экземпляров каждого из пяти первых выпусков. Это была для «Пиквикского клуба» широкая реклама, тем не менее продано было всего пятьдесят экземпляров каждого выпуска. Правда, кое-что было, кроме того, продано через другие каналы». Грант ошибался относительно числа разосланных экземпляров. Достоверно известно, что было напечатано не больше четырехсот экземпляров первых выпусков. Что же касается проданного количества, то тут он прав. А «через другие каналы» тоже вряд ли разошлось больше пятидесяти

книг. В итоге получается с натяжкой сотня экземпляров.

Задолго до этих грустных событий, второго апреля, был освящен брак Чарлза Диккенса и Кэтрин Хогарт. После короткого медового месяца они вернулись в дом на Фернивалз Инн, где, следует надеяться, Кэтрин немедленно обзавелась ковром. Второй выпуск «Пиквика» был, наверное, уже в наборе утром 21 апреля, когда молодоженов разбудил брат писателя Фредерик, принесший печальную новость. Утренние газеты сообщали, что художник Роберт Сеймор застрелился у себя в доме в Айлингтоне, в летней беседке. Он привязал веревку к курку охотничьего ружья, встал перед дулом и дернул за веревку, сделав таким образом неразрешимой одну из величайших литературных загадок той эпохи. Эта трагедия имела библиофильские последствия: наиболее ценными считаются те экземпляры «Пиквика», в которых часть вторая содержит листок, объясняющий, почему очередной выпуск появился только с тремя гравюрами вместо обещанных четырех. Грустно, что и человеческие несчастья становятся иногда предметом коллекционирования...

О том, насколько Диккенс обязан Сеймору рождением «Пиквика», много спорят. Спор разгорался неоднократно еще при жизни Диккенса, всякий раз вызывая его раздражение. Последнее не свидетельствует против писателя, так как человеку вообще свойственно острее реагировать на незаслуженную обиду, чем на угрызания совести. «Пиквикские записки» принадлежат Диккенсу, и его противники не выдвигали пока достаточно веских аргументов, чтобы мы могли в том сомневаться. Самым яростным из противников была вдова Сеймора, и все наше сострадание к ее горю не мешает учесть, что она, конечно, судила предвзято. Через тринадцать лет после катастрофы она написала Диккенсу письмо, по его словам, «совершенно безумное, на редкость оскорбительное и содержавшее различные утверждения о происхождении «Пиквика», лживые от начала и до конца». Пятью годами позже, в 1854 году, миссис Сеймор опубликовала на ту же тему злой памфлет, которому, как полагают, не дали ходу

ее же друзья. Во всяком случае, сегодня известно только два экземпляра этого издания.

После самоубийства Сеймора сложилось положение, подобного которому не было во всей истории книгоиздания. Книга была задумана как серия иллюстраций, скорее картинки, чем записки Пиквикского клуба, но писатель настоял на обратном распределении ролей. Потом художник вышел из этой игры. Первенство так и оставалось за писателем, кто бы ни был новый художник, но художник был во всяком случае необходим. После отчаянных поисков Чапмен и Холл остановили свой выбор на Р. Бассе.

Участие Басса в издании оказалось тоже неудачным, хотя и не таким трагичным. Басс был самой бледной звездой в созвездии иллюстраторов Диккенса, от Крукшенка до Файлдза. Существует мнение, ошибочное и поспешное, что он был просто плохим художником, случайно приглашенным участвовать в издании, подобно кошке, оказавшейся на сцене в самый драматичный момент спектакля. Был он, напротив, талантливым и опытным графиком. Просто рисунок на металле был для него совершенно новым делом. Ибо в то время издатели не просто помечали на рисунке размеры и отсылали его граверу, а требовали готовых гравюр. Раньше художник сам гравировал или же нанимал гравера. Гравировали тогда вручную, поэтому гравер становился как бы автором иллюстрации.

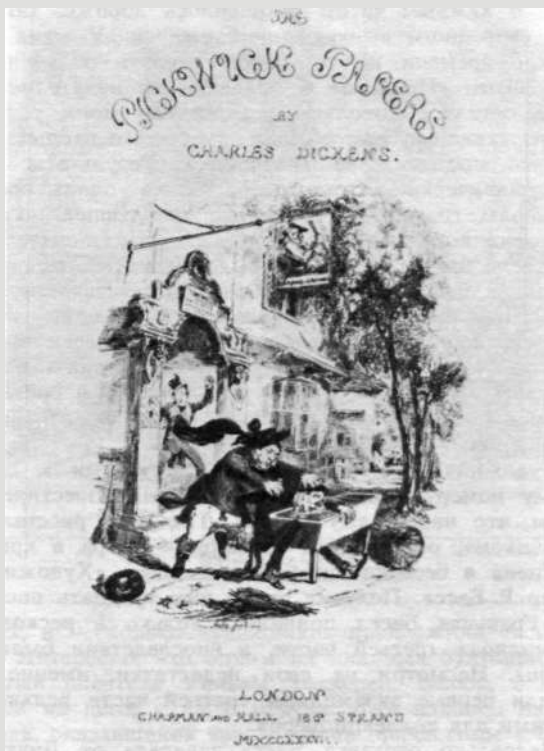
Статья о Бассе в биографическом словаре занимает полстолбца, но в ней ни слова нет о его работе над «Пиквиком». Форстер в биографии Диккенса, вышедшей после смерти писателя, но при жизни Басса, уделил ему одно предложение: «Были трудности с заменой Сеймора, и тогда на один выпуск был приглашен мистер Басс». В прекрасной во всех отношениях биографии Диккенса, написанной Джорджем Гиссингом, это предложение повторено с небольшим, но обидным для художника добавлением: «некий мистер Басс».

Снисходительный тон Форстера задел старого художника. Басс был, однако, не из тех людей, что раздражаются гневными письмами в «Таймс»; в качестве опровержения он написал простое изложение событий,



Разворотный титул первого издания.
Художник Физ

ради того, чтобы его дети знали, как было дело. По его словам, к нему явился Холл с просьбой спасти издание. «Я очень удивился и сказал, что я ни разу за всю мою жизнь не держал в руке гравировальной иглы и совершенно не искушен в этом деле. Он уверял меня, что это очень просто, и я, при моем таланте, конечно же, с такой задачей справлюсь».



Разворотный титул первого издания.
Художник Физ

Привыкший работать мелом и карандашом, Басс должен был срочно переходить на тушь. Через три недели он приступил к изготовлению первой доски. «Конечно же, она имела множество недостатков, неизбежных на первых порах. Она была показана Чапмену и Холлу и, в общем, одобрена ими, хотя и не принята к печатанию. Все это заняло много времени, ко-

торое с каждым часом становилось дороже, так как срок очередного выпуска приближался. У меня едва хватило времени на то, чтобы сделать рисунки для следующего «Пиквика» и показать их издателям, которые остались довольны результатом моих усилий». В напутствие ему они обещали учесть его неопытность.

Басс принялся за гравировку. Результаты были катастрофические. Оставалось только одно: послать оригиналы граверу и надеяться на лучшее. «Гравер прекрасно выполнил работу, но, как и следовало ожидать, если бы вообще у нас было время ждать, манера оригинала была погублена. Гравюра не удалась, хотя «вырезана» она была великолепно. А времени уже не было. Гравюры нужно было немедленно нести в типографию, и, раз другого выхода не было, они были напечатаны, номера сверстаны и выпущены в срок. Так под моим именем вышли иллюстрации, в которых ни одной линии не было моей».

Художник уже работал над рисунками к следующему номеру, когда Чапмен и Холл известили его о том, что нашли ему замену. Так Басс расстался с «Пиквиком», оставив две гравюры — «Игра в крикет» и «Сцена в беседке», обе подписанные: «Художник и гравер Р. Басс». Получил он за них тридцать шиллингов. Гравюры Басса появились только в нескольких экземплярах третьей части, а впоследствии были заменены. Несмотря на свои недостатки, именно они сделали первые экземпляры третьей части редкими и ценными для коллекционеров.

Насколько отставка Басса зависела от Диккенса, неизвестно. Вообще неизвестно, например, встречались ли они во время пиквикского кризиса или после него. Басс определенно не таил обиды на Диккенса. Из его многочисленных работ некоторые изображают сцены из более поздних романов Диккенса, а его последним произведением был прекрасный этюд под названием «Сон Диккенса» — писатель, спящий в кресле в своем кабинете, вокруг него витают воздушные видения, его известнейшие герои.

За отставкой Басса последовали отчаянные поиски иллюстратора. Об этом узнали в профессиональных



Иллюстрация Физа
к «Запискам Пиквикского клуба»

кругах, и несколько художников предложили свои услуги. Интересно, что одним из них был будущий знаменитый писатель Уильям Теккерей. Выбор, однако, пал не на него, а на Г. Брауна. Был наконец найден человек, оказавшийся впоследствии причастным к славе не только «Пиквика», но и других романов Диккенса: «Николас Никльби», «Мартин Чеззлвит», «Домби и сын», «Дэвид Копперфильд», «Холодный дом», «Крошка Доррит» и «История двух городов». Подобно самому Диккенсу — Бозу, Браун принял забавный псевдоним Физ. Это имя, однако, не появлялось на зеленых обложках «Пиквика». Части с четвертой по двадцатую, а также более поздние издания первых трех частей, имели указание «С иллюстрациями», но без имени художника. Чапмен и Холл, видно, не хотели больше рисковать. Однако обложку, оформленную Сеймором, сохранили до конца издания.

Замена иллюстратора, впрочем, мало помогла популярности издания. Четвертый выпуск, вышедший уже с картинками Физа, продавался немногим лучше первого. Не повезло и пятому выпуску. Но в этом выпуске был заложен заряд, благодаря которому «Пиквик» разлетелся по всему миру. «Заряд» явился на сцену «в черной куртке с синими пуговицами, в полосатом жилете и серых брюках. На шее у него болтался красный платок, а голова была украшена белой шляпой, надетой набекрень». Как читатель, наверное, уже догадался, под шляпой был Сэм Уэллер, остроумный слуга мистера Пиквика.

Если издатель мистер Тилт был хоть сколько-нибудь спортсменом в душе, он наверняка снял свою шляпу перед талантом мистера Уэллера завоевывать публику. Начиная с шестой части, тираж стал увеличиваться с невероятной быстротой и достиг к концу издания сорока тысяч экземпляров. Сегодня эта цифра не кажется сенсационной, но в 1837 году она была рекордом, и Форстер не преувеличивал, называя ее «почти баснословной». После этого стали появляться шляпы, сигары, трости, пальто «под Пиквика», плагиаты, подражания, продолжения романа и даже его сценический вариант — все это тогда же, в октябре 1836 года. И если «баснословные» сорок тысяч все еще не производят на вас должного впечатления, вспомним, что, по словам Джона Эккеля из Филадельфии, самого тщательного библиографа Диккенса, «Пиквик» с момента своего появления стал по популярности на четвертое или даже на третье место среди английских книг, уступая только Библии, Шекспиру, и, как полагают некоторые, молитвеннику. А если посчитать, многие ли в самом деле читали Шекспира, Библию и молитвенник (что мы вправе сделать), то, скорее всего, получится, что «Записки Пиквикского клуба» — самая читаемая книга в мире.

III

Пиквику и его друзьям недолго пришлось ждать встречи с американскими читателями. Знаменитая фирма Кэри, Ли и Бланчард в Филадельфии издала



Иллюстрация Физа
к «Запискам Пиквикского клуба»

первые четыре номера в ноябре 1836 года и закончила издание к декабрю 1837 года, всего на месяц позже, чем в Англии. Серия вышла в картонном переплете, с матерчатым корешком и с надписью «Пиквикский клуб. Под редакцией Боза» на бумажной наклейке и без иллюстраций. Генри Ли, будущему главе фирмы, было в то время одиннадцать лет. Тридцать лет спустя он писал: «Автор был тогда малоизвестен, а все предприятие довольно сомнительно, поэтому напечатана была только тысяча пятьсот экземпляров по сорок пять центов за выпуск. Выпуски выходили отдельными тонкими книжками в двенадцатую долю листа, в картонном переплете. Они, должно быть, знакомы всем читателям старых романов. Дело оказалось выгодным, и к декабрю, когда вышел заключительный, пятый том, тираж увеличился, были дополнительно выпущены в небольших количествах первые номера и появились конкурирующие

дешевые издания в Нью-Йорке. Единственной пользой, какую автор извлек из этого издания, помимо известности, полученной Диккенсом-Бозом в Америке, был перевод в пятьдесят фунтов, сделанный издательством в 1838 году в знак признания его успеха. Этот успех привел к изданию в 1837 году «Очерков Боза», которых было напечатано, правда, только тысяча двести пятьдесят экземпляров. Это предприятие, видимо, оказалось не очень удачным, потому я не нахожу в делах фирмы никаких указаний на переиздание «Очерков» до того, как много лет позже мы включили их в собрание сочинений».

О последнем утверждении можно сказать словами одного библиографа Диккенса: «Мистеру Ли изменяет память. Его фирма издавала «Очерки» не меньше четырех раз». Филадельфийское издание «Пиквикского клуба» таким образом, завоевало популярность не только себе, но и «Очеркам Боза».

Первое издание «Пиквика» теперь — очень редкая книга.

Мистер Пиквик и его друзья, особенно Уэллер-младший, покорили американскую публику и на сцене. Правда, некоторые из инсценировок так смахивали на фарс, что американцы вообще стали иронически относиться к романам. Очень серьезный молодой человек по имени Чарлз Лестер разделял их точку зрения и имел достаточно мужества в этом признаться. Но «Оливер Твист» и «Николас Никльби» покорили его. Один друг дал ему «Оливера», «чтобы помочь скоротать бессонную ночь», и он увлекся Диккенсом так же, как многие тогда увлекались религией. Год или два спустя он поехал за границу и навестил Диккенса. Свой визит в июле 1840 года он подробно описал, и нам особенно интересен словесный портрет Диккенса, нарисованный через четыре года после появления «Пиквика»: «Мне показалось, что Диккенс обладает прекрасной внешностью. Портрет в филадельфийском издании его произведений хорош, но ни один портрет не может вполне передать его лица, когда он оживлен интересным разговором. Тут в его глазах появляется нечто, что нельзя скопировать. Рост его, должно быть, не многим выше



Иллюстрация Физа
к «Запискам Пиквикского клуба»

среднего, но он держится благородно и кажется выше, чем он есть на самом деле. Он изящно сложен, ни худ, ни толст. Лицо красивое. Цвет лица у него нежный, обычно довольно бледный; но когда он воодушевлен, лицо его озаряется румянцем. Я думаю, он гордится своими волосами, и это вполне понятно. Они напомнили мне слова из «Аркадии» Сиднея: «Каштановые волосы, весьма длинные, придавали ему великолепный вид». О лбе его френолог сказал бы (особенно если бы знал его характер заранее), что это свидетельство ясного ума, в котором господствуют чувствительность, веселость и воображение. Кажется, нос его сначала намеревался стать римским, но пробыл в нерешительности достаточно долго, чтобы принять классические греческие очертания».

IV

«Пиквик» стал предметом коллекционирования еще при жизни Диккенса и уже тогда был труднодоступен. Джон Декстер в 1870 году писал в своих «Советах диккенсовским коллекционерам», что уже пятнадцать лет в продаже не было хорошего экземпляра полного комплекта всех выпусков.

Безупречных комплектов «Пиквика» теперь меньше, чем экземпляров первого фолио Шекспира. «Пиквик» принадлежит к тому избранному кругу редких книг, библиофильская ценность которых так велика, что требуется перепись всех сохранившихся экземпляров. Это и сделал Эккель в книге «Первые комплекты «Пиквиков», где дана история и местонахождение четырнадцати известных комплектов, признанных безупречными. Из них тринадцать находятся в Соединенных Штатах, а один в Англии.

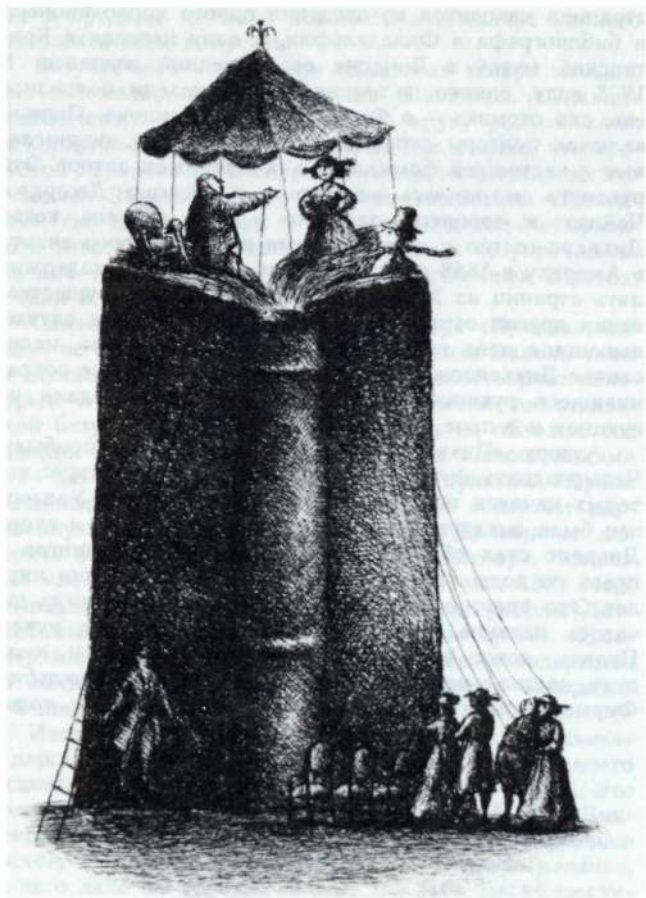
Самый желанный для коллекционера «Пиквик», однако, не входит в эти четырнадцать, хотя Эккель тоже не обошел его в своей книге. Он не удовлетворяет некоторым из одиннадцати принятых условий пиквикианской безупречности: непременно иметь на обложке год издания 1836, не иметь подписей под иллюстрациями в I—XII частях и т. п. — еще девять пунктов. Первые четырнадцать частей в этом комплекте содержат дарственную надпись, сделанную самим Диккенсом для горячо им любимой свояченицы, Мэри Хогарт. Остальные части не надписаны, потому что 7 мая 1837 года, семнадцати лет, Мэри Хогарт трагически умерла. Диккенс был так потрясен, что не смог во время закончить июньский выпуск. Его издание было задержано на месяц, до июля. Теперь этот комплект находится в Филадельфии.

Известен еще один комплект номеров «Пиквика» с дарственной надписью автора. Он не самого раннего издания, и надпись есть только на первой части. Это подарок «Миссис Джонс от преданного Чарльза Диккенса», и если бы даритель надписал еще несколько частей, или лучше все, и выбрал более старое издание, за него дали бы гораздо больше тех трех тысяч шести-

сот долларов, которые этот экземпляр стоил в книжном магазине Керна.

От рукописи «Пиквика» сохранилось только несколько отрывков. До 1928 года считалось, что существуют тридцать две страницы в четверть листа, содержащие XXXV и XXXVI главы. Из них тридцать одна страница находится во владении одного коллекционера и библиографа в Филадельфии, а одну передал в Британский музей в Лондоне ее последний владелец. В 1928 году, однако, в течение одной недели появились еще два отрывка — в Филадельфии и Лондоне. Первый включал полторы страницы из XLIII главы, подписанные и настоящей фамилией, и псевдонимом автора. Эта рукопись находилась когда-то в коллекции Джорджа Чайлдза и, вероятно, для него и была списана, когда Диккенс гостил у него во время своего второго визита в Америку в 1868 году. Лондонская рукопись содержит пять страниц из XXXIII главы. Вероятность существования других отрывков очень мала. Во всяком случае, нынешняя цена по тридцати долларов за слово, написанное Диккенсом, достаточно высока, чтобы все сохранившиеся рукописи не залеживались, а попадали на аукцион и в поле зрения библиофилов.

Автору «Пиквик» тоже принес немалую прибыль. Четырнадцать фунтов автору за каждый выпуск, с которых начался контракт, — после успеха Сэма Уэллера это было смехотворно мало. Сумму увеличили, и скоро Диккенс стал обладателем 2500 фунтов стерлингов и права на долю прибыли от издания по истечении пяти лет. Это право особенно пригодилось автору, когда началось издание «нового сочинения в том же духе». Правда, новое сочинение получилось в совсем ином духе, но тоже неплохом — это был «Николас Никльби». Фирма Чапмен и Холл пошла в гору. Диккенс тоже.



УИЛЬЯМ ТЕККЕРЕЙ И «ЯРМАРКА ТЩЕСЛАВИЯ»

I

Среди всех категорий книгопродавцев самые бедные и самые несчастные те, что торгуют в поездах. Они ходят из вагона в вагон, предлагая свой товар, к великой досаде тех пассажиров, которые решили вздремнуть в дороге. Так ничего и не сумев продать, торговцы покидают вагон, а пассажиры тут же забывают об их существовании, и никому даже в голову не приходит задать себе вопрос: куда пошел этот горемыка и что вообще ждет его впереди? Совсем другое дело — уличные разносчики газет. Известно, что из них получают миллионеры, во всяком случае, все миллионеры в юности торговали газетами на перекрестках.

Жаль, что осталась неизвестной судьба книготорговца, который 16 ноября 1852 года ходил по экспрессу Бостон—Нью-Йорк, предлагая в числе других книг произведения некоего Теккерей. История помнит о нем только, что он был розовощек и что в одном вагоне он продал пассажиру экземпляр «Обыкновенной истории и других рассказов» этого самого Теккерей. Книга была в красном матерчатом переплете и в конце ее красовался список готовых к выходу изданий Популярной библиотеки, среди которых было еще пять книг У. Теккерей. Кроме того, одно его произведение значилось в списке «почти готовых». Шесть красных книжек были всего лишь собранием всякой всячины для чтения в поезде (то было время «дорожных библиотечек»), и вряд ли имя Теккерей было способно привлечь покупателей к бедному продавцу, поэтому осталось непонятным, что побудило его предлагать эту книгу. Теккерей мог бы



Уильям Теккерей в 1864 г.
Гравюра Дж. Брауна с картины С. Лоуренса

тогда же выяснить причину столь необъяснимого предпочтения, ибо пассажир, купивший книгу у румяного торговца, был сам автор, собственной персоной, за четыре дня до этого приплывший из Англии на пароходе «Канада» и путешествовавший с лекциями по Америке. Но торговец шагнул в следующий вагон — и навсегда потерялся из виду.

Книжка, купленная в вагоне во время путешествия, которое увело Теккерей на другой конец земли из тех мест, где сорок один год тому назад он родился, эта красная книжка напоминала о печальных событиях прошитых лет. «Обыкновенная история» впервые издавалась в «Журнале Фрезера» в 1840 году, но ее выход был прерван тяжелым ударом, постигшим автора в личной жизни. Невеста писателя, уже четыре года с ним помолвленная, заболела неизлечимым нервным расстройством. Они встретились в Париже в 1836 году,

когда Теккерей работал там корреспондентом «Конституционалиста» — издания, впоследствии потерпевшего провал и унесшего все состояние Теккерей.

За несколько месяцев до трагедии 1840 года был основан сатирический журнал «Панч». «Фрезер» и «Панч», да еще несколько подобных журналов вскоре сделали Теккерей известным журналистом, но от известности журналиста до славы писателя — долгий и трудный путь. Само собой напрашивается сравнение с Диккенсом: на год моложе Теккерей, он был тогда, в 1846 году, уже автором «Пиквика», «Оливера Твиста», «Лавки древностей», «Мартина Чеззлвита» и других произведений, обеспечивших ему бессмертие шекспировского масштаба.

Теккерей в тот, 1846 год, занялся произведением, которое, как он надеялся, «возьмет, наконец, глупую публику за живое». У него был грандиозный план. Он работал над большим романом, для которого пока не мог придумать более внушительного названия, чем «Карандашные зарисовки английского общества». Уже была готова значительная часть рукописи, когда Теккерей пришла идея, заставившая первоначальное название потесниться и стать подзаголовком. То было самое настоящее вдохновение, и, как и прилично вдохновению, пришло оно в самый неожиданный миг — Теккерей лежал в постели. Вдохновенная мысль заставила его вскочить, и, вспоминая писатель, «я трижды обежал вокруг комнаты, повторяя на ходу «Ярмарка тщеславия, Ярмарка тщеславия!».

Ярмарка тщеславия описывается в назидательной книге «Путь паломника». Но все потому об этом и знают, что так назвал свой роман Теккерей. Паломник рассказывает: «Тогда я увидел в моем Сне, что когда они выбрались из Пустыни, они сразу увидели перед собой Город, и называется тот Город Тщеславием; и в том Городе Ярмарка, которая называется Ярмаркой Тщеславия... На той Ярмарке продается всякий товар, вроде Домов, Земли, Ремесел, Чести, Предпочтений, Титулов, Стран, Королевств, Желаний, Удовольствий и Восторгов всех сортов, например, Продажных Женщин, Жен, Мужей, Детей, Хозяев, Слуг, Жизней, Крови, Тел,

Душ, Серебра, Золота, Жемчуга, Драгоценных Камней, и чего только еще там не продается. Более того, на этой Ярмарке можно все время наблюдать Надувательства, Обманы, Игры, Дураков, Болванов, Мошенников и Плуттов всех мастей. Как на всякой ярмарке, здесь есть Ряды и Улицы, все под названиями, где это продается, — Площади, Ряды и Улицы, по названиям которых легче всего отыскать Товары: Английский ряд, Немецкий ряд, где продается несколько разновидностей Тщеславия»¹.

Сколько прекрасных сюжетов для «карандашных зарисовок» из жизни любого общества!

II

«Ярмарка тщеславия» — из той благородной компании знаменитых книг, о которых ходят романтические легенды, будто они долго не могли найти издателя. Иногда эти истории правдивы — нас даже убеждают, что все они правдивы, так же как говорят, будто каждый капиталист был в молодости беден. Но что касается «Ярмарки тщеславия», то легенды о ней не подтверждаются. Отрывок из романа был показан редактору «Нового ежемесечника» и отвергнут им, и это единственный романтический эпизод в его судьбе. После этого первые главы были отправлены в «Панч» с несколькими рисунками Теккерей и просьбой заплатить пятьдесят гиней, и все это было с такой готовностью принято, что писатель очень расстроился, как же он «не попросил на десятку больше».

Книга издавалась по частям, и первая часть вышла в январе 1847 года. Обложки были желтые, потому что все остальные цвета уже ассоциировались с каким-либо известным серийным изданием. Теккерей сам нарисовал эскиз этой обложки, но его творение не могло соперничать с прекрасным эскизом злосчастного Сеймора для «Пиквика» или обложками «Очерков Боза» и «Оливера Твиста», нарисованными знаменитым Крукшенком.

¹ Этой книгой XVII века интересовался Пушкин, переложивший из нее один отрывок стихами — «Однажды, странствуя среди долины дикой».

Возможно, обложка тут и не причем, но первые номера «Ярмарки тщеславия» жестоко обманули все коммерческие ожидания издателей. Ожидания были большие, так как фирма процветала и только недавно заключила восьмилетний контракт с Диккенсом, заплатив ему солидный аванс. Книга Теккерера продолжала выходить наверно лишь потому, что издатели предпочитали терпеть убытки, чем признать свою неудачу и подорвать престиж фирмы.

И вдруг «Ярмарку» начали раскупать. Это напоминает историю «Пиквика», но сходство здесь только внешнее. «Ярмарка тщеславия» так и не стала вторым «Пиквиком». И не было у Теккерера никакого Сэма Уэллера, благодаря которому обрел популярность Диккенс. Кроме того, даже во времена высшего успеха «Ярмарка тщеславия» расходилась только по семь тысяч экземпляров каждого выпуска, а это не составляет и шестой части проданных «Пиквиков». Правда, этого количества оказалось достаточно, чтобы вселить надежду в сердца издателей и самого Теккерера. А также для того, чтобы в 1848 году роман переиздали в Америке: два тома в мягкой бумажной обложке и один том в матерчатом переплете.

Для успеха «Ярмарки тщеславия» нет особых объяснений — просто роман понравился. К счастью, угодил он и критике, которая имеет так много влияния на «глупую публику». В январе 1848 года, когда появилось двенадцать выпусков «Ярмарки тщеславия», «Эдинбургское обозрение» поместило статью, которая существенно повлияла на судьбу книги:

«Нам хотелось бы, чтобы читатель понимал: говоря об этом писателе, мы имеем в виду в первую очередь, если не исключительно, «Ярмарку тщеславия» (ежемесячное издание). Правда, роман еще не закончен, но, на наш взгляд, превосходит все написанное этим автором. Главное обаяние произведения — в его полной свободе от нарочитости и вычурности, как в стиле, так и в чувстве, в доверительной откровенности с читателем, в благородной небрежности, с которой автор позволяет мыслям и чувствам, подсказанным событиями, течь их естественным руслом, словно он сознает, что ничто



Иллюстрация У. Теккерея
к «Ярмарке тщеславия»

мелкое или недостойное, нуждающееся в приукрашивании или сокрытии, не может исходить от него. Одним словом, это книга человека благородного по духу, а не просто претендующего на благородство. Его чувство хотя и не так глубоко, как у Диккенса, но возвышенно; может быть, тем более возвышенно, что он, кажется, борется с ним и почти стыдится его. Но попытки настроиться на сатирический, иронический или философ-



Иллюстрация У. Теккерея
к «Ярмарке тщеславия»

ский лад напрасны; снова и снова мы восхищаемся тем, как тонкая и добрая натура его остается свободной от суеты и, гордая своим высоким умом, все же платит дань сердцу».

В те времена от критики зависело все: она могла создать репутацию, а могла и погубить. «Эдинбургское обозрение» чаще губило, чем создавало. Поэтому хвалебная статья о «Ярмарке тщеславия» (написанная,

кстати, другом Теккерея, что не должно вызывать у нас сомнения в его беспристрастности) сыграла большую роль в судьбе романа.

III

В 1848 году вторым изданием вышел роман «Джейн Эйр» с длинным и восторженным посвящением Теккерю. Первое издание было подписано псевдонимом Каррер Белл и пользовалось огромным успехом. Тогда никто не знал, кто скрывается за псевдонимом, думали даже, что это сам Теккерей. Настоящее имя автора было Шарлотта Бронте, но об этом узнали только в 1849 году. А тогда, в 1848 году, имя автора было не так уж важно, потому что все читали «Джейн Эйр», говорили о «Джейн Эйр»; заметили все и посвящение, которым открывалась книга:

«Условности — это еще не мораль. Ханжество — не благочестие. Может быть, не всем приятно видеть эти понятия разделенными, ибо их привыкли смешивать, находя удобным выдавать видимое за действительное, белить стены храма, не заботясь о чистоте гробниц. Может быть, даже возненавидят того, кто постигнет их и выставит на показ, но, ненавидя, будут в долгу перед ним.

Есть в наше время человек, слова которого не для нежных ушей и который провозглашает правду голосом пророческим, бесстрашно и дерзновенно. Признан ли автор «Ярмарки тщеславия» в высших кругах? Не могу сказать. Знаю только, что если бы те, на кого направлен его сарказм и гнев, вняли бы его предостережениям, то они и их потомство могли бы еще избежать полной гибели.

Почему я упоминаю об этом человеке? Потому что, как мне кажется, я вижу в нем талант, более глубокий и редкий, чем думают его современники; потому что он более других способен возродить наше общество и восстановить пошатнувшийся миропорядок; и, наконец, потому, что ни один критик до сих пор не нашел для него правильных слов и верных сравнений. Писали, что он похож на Филдинга, говорили о его юморе, меткости и комическом даре. Он так же похож на Филдинга, как орел на стервятника. Филдинг мог довольствоваться



Шарлотта Бронте.
Художник Дж. Томсон

легкой добычей, Теккерей — никогда. Его остроумие ярко, его юмор обаятелен, они — следствие глубокого таланта, подобно тому, как стальная молния, озаряющая летнюю тучу, есть следствие электрической смертоносной искры, сокрытой в ее лоне. Наконец, я упоминаю о мистере Теккерее, потому что ему я посвящаю это издание «Джейн Эйр» — если он согласится принять этот дар от незнакомого ему автора».

Прочтя это посвящение, публика принялась читать «Ярмарку тщеславия». Сам Теккерей называл его «величайшим комплиментом, когда-либо ему сделанным», и, когда по окончании серийного издания роман вышел отдельным томом, один из первых экземпляров был послан в подарок автору «Джейн Эйр» — «С благодарностью и уважением от У. М. Теккерей». Они



Лорд Стайн. Рисунок У. Теккерея

встретились только в 1849 году, когда Шарлотта Бронте, уже известная миру под своим настоящим именем, гостила в Лондоне. Оттуда она написала письмо домой отцу — типичное письмо провинциальной барышни из столицы домой родителям, если бы только оно не содержало рассказа о встрече с Теккереем:

«Пишу тебе опять, чтобы рассказать, как я здесь живу. С тех пор, как я уехала из дому, я увидела столько такого, о чем с удовольствием буду рассказывать

тебе дома за чаем. Я была в театре и видела Макреда в «Макбете». Видела картины в Национальной галерее. Видела прекрасную выставку Тернера, а вчера видела Теккеря. Он обедал здесь с несколькими джентльменами. Высокий мужчина, с необычным лицом, вовсе не красивым, а даже довольно уродливым. Выражение у него большей частью серьезное, несколько сатирическое, хотя он умеет выглядеть и добрым. Ему не сказали, кто я, и его не представили мне, но я скоро заметила, что он смотрит на меня сквозь свои очки. А когда мы все встали из-за стола, он просто и спокойно подошел ко мне и сказал: «Дайте мне пожать вашу руку». Он сказал мне всего несколько слов, но, уходя, опять очень ласково пожал мне руку».

В другом письме она описывает этот случай более подробно и эмоционально:

«Когда назвали имя мистера Теккеря, и я увидела, как он входит в комнату, увидела его высокую фигуру, услышала его голос, мне показалось, что все это происходит со мной во сне. Я только потому поняла, что это наяву, что стала от смущения совсем глупой. Какие муки я терпела! Если бы еще мне не пришлось говорить, все сошло бы гладко. Но ко мне обращались с вопросами, надо было отвечать, что стоило больших усилий и говорила я глупо».

А своей подруге она писала: «Мне было легко со всеми, кроме Теккеря, а с ним я была ужасно глупа». А ведь эта застенчивая северянка была красноречива на бумаге и сумела лучше других распознать словесный дар автора «Ярмарки тщеславия».

IV

«Ярмарка тщеславия» не представляет столько библиографических загадок, как «Пиквик». Ведь путаница с первым изданием «Пиквика» возникает из-за смены иллюстраторов; Теккерей же сам иллюстрировал свой роман — к радости издателей и будущих библиографов и коллекционеров. В самом подробном библиографическом каталоге, вышедшем в 1919 году, «Ярмарке тщеславия» отведено девять страниц, и каждый собиратель старых изданий Теккеря обязательно справляет-

ся с этим каталогом. Однако для того, чтобы отнести экземпляр к первому изданию, достаточно, чтобы он обладал тремя признаками:

1. Заголовок «Ярмарка тщеславия» на первой странице текста должен быть напечатан простым крупным шрифтом.

2. На странице 336 должна быть иллюстрация, изображающая лорда Стайна.

3. На странице 453 в девятнадцатой строке снизу должны быть слова «мистер Пит» (в более поздних изданиях исправлено на «сэр Пит»).

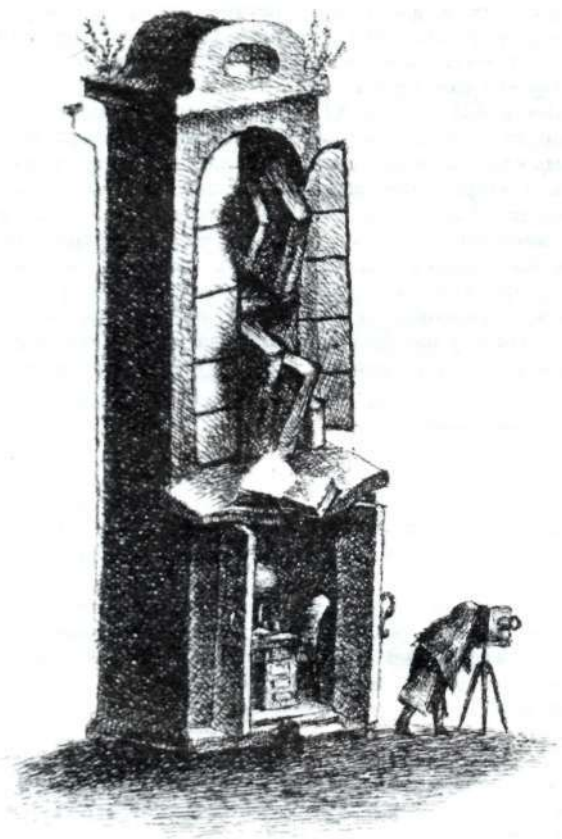
Пункты 1 и 3 — всего лишь технического характера, но за пунктом 2 скрывается целая история. Дело в том, что когда вышло первое издание романа с иллюстрациями Теккерей, многие нашли, что портрет лорда Стайна на стр. 336 слишком напоминает маркиза Хартфорда. Так это или нет, можно спорить, но что таково было намерение самого Теккерей — несомненно. Национальный биографический словарь так и пишет о маркизе, что его помнят в основном как прототипа лорда Стайна в «Ярмарке тщеславия» Теккерей. А надо сказать, что этот словарь никогда не полагался на одни лишь слухи, к тому же одним из редакторов словаря был выдающийся критик Лесли Стивен, зять Теккерей, а кому уж знать, как не ему? Старшая дочь Теккерей, Анна, позже вспоминала: «Наверно, моему отцу сказали, что портрет похож на лорда Хартфорда, и он предпочел не печатать его в следующих изданиях; а может быть, это издатель дал ему такой совет. Я помню, как старшие разговаривали об этом, но не могу сказать, что именно они говорили».

Биографы Теккерей тоже не могут сказать ничего определенного. Интересно, правда, как они оценивают самого маркиза Хартфорда. Один из биографов пишет: «Настоящий Хартфорд был гораздо более странным существом, чем его литературное воплощение. На первый взгляд, свидетельства современников противоречивы. Например, один говорит: «Я никогда не видел человека, до такой степени сосредоточенного на том, что он считает своим долгом». Другой же утверждает: «И жизнь и смерть его были одинаково безобразны

и отвратительны для всякого, кто имел понятие о добре и морали». Вот крайние суждения, конечно, не свободные от личной и политической предвзятости. На самом же деле личность Хартфорда остается непостижимой».

Что маркиз послужил прототипом Стайна — несомненно, а следовательно, так же несомненно и то, что, рисуя Стайна, Теккерей имел в виду маркиза. Спорно здесь следующее: потребовали ли друзья вельможи изъятия портрета, издатель ли настоял на этом, или же сам Теккерей решил, что нарушил границы дозволенного, а может быть, даже и нормы хорошего вкуса.

Но это еще не все. Ведь лорд Стайн изображен и на странице 421 (часть XIV), и почему эту иллюстрацию сочли возможным оставить — вторая половина загадки. Возможно, первый портрет изъясил сам автор или издатель, а второй они оставили, решив, что он не так напоминает Хартфорда. Логично заключить, что если бы тут вмешались друзья маркиза, их претензии относились бы к обеим иллюстрациям с лордом Стайном. Как жаль, что Анна Теккерей была слишком мала и не запомнила разговор, который ей посчастливилось слышать! Тогда у нас был бы ключ к загадке. Хотя, впрочем, какая радость в загадке, если ответ на нее известен?



ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ И «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС»

I

Шел 1862 год. Это был восемьдесят шестой год независимости Америки и, наверно, самый грустный и тревожный ее год. Накануне годовщины Декларации Независимости президент Линкольн обратился с призывом к нации: армии требовались еще шестьсот тысяч добровольцев. Непокойно было на Потомаке, тревожно на Миссисипи, и пушки преграждали дорогу в залив. Уже пятнадцать месяцев шла гражданская война между Севером и Югом.

В то время как американская нация вела отчаянный бой за свое существование, за океаном, в Англии, три маленькие девочки, Лорина, Алиса и Эдит Лидделл слушали увлекательный рассказ о приключениях своей ровесницы Алисы, которая спустилась через кроличью нору под землю и увидела там много удивительного. До них не долетал гром пушек, и маленькие слушательницы ничего не знали о том, какие потрясения переживают их соплеменники за океаном. Бурные события июля 1862 года их нимало не касались.

Рассказчиком удивительных историй был преподаватель математики из Оксфорда. Ему совсем недавно минуло тридцать, но он опубликовал «Замечания к Эвклиду», «Программы по алгебраической геометрии», «Формулы простой тригонометрии» и еще одну-две такие же книжки, одни названия которых способны вселить страх и ненависть в детское сердце. Правда, отец девочек сам был составителем греческого словаря, так что они привыкли к соседству ученых книжек. К тому же, их отец был деканом оксфордской церкви



Льюис Кэрролл. 80-е годы XIX века

Христа и, следовательно, старшим коллегой этого математика, а тот был в доме своим человеком. Поэтому у девочек не было причин пугаться своего старшего друга, даже несмотря на то, что он недавно принял церковный сан и теперь подписывался не только Магистром наук, но и его преподобием.

4 июля 1862 года река Чарвел в Оксфорде была, конечно, куда более подходящим местом для прогулки на лодке, чем Потомак или Миссисипи. В тот день его преподобие и маленькие барышни Лидделл отплыли на две мили вверх по течению, до самого Годстоу, на берегу они с удовольствием попили чаю и принялись слушать Приключения Алисы в Подземелье. Далека от них была война в Америке в тот жаркий летний день, и еще дальше первая мировая война, во время которой

полвека спустя, в одном и том же бою, во Фландрии, погибли два сына Алисы Лидделл.

Имя оксфордского математика было Чарлз Лутвидж Доджсон. Был он душой этого маленького общества. Он вообще умел занимать людей, с которыми бывал дружен. В 1843 году, когда ему исполнилось одиннадцать лет, он построил у себя в саду игрушечную железную дорогу — одну из первых в истории. На ней было несколько станций, снабженных буфетами, а с пассажиров требовали билеты. Умел он показывать самые настоящие фокусы. Однажды построил кукольный театр, для которого сам делал марионеток, сам писал пьесы и сам их разыгрывал. Как-то раз, чтобы развеять скуку зимнего дня, он построил в снегу лабиринт — просто всем лабиринтам лабиринт, такой он был запутанный. Вообще распутывать загадки было его страстью, и такой же страстью, естественно, стала для него математика. По той же причине он увлекся фотографией, а в то время любителей-фотографов было так же мало, как теперь любителей-авиаторов, или даже еще меньше. И так же страстно он любил детей, особенно девочек. Он любил их с нежностью, которую часто можно встретить в закоренелых холостяках, но он к тому же обладал даром, который очень редок среди холостяков и которым даже не всякий отец может похвастаться, — он умел доставлять детям удовольствие.

Но мистер Доджсон был не только хорошим математиком и рассказчиком интересных историй. Он написал несколько юмористических стихотворений, которые с успехом были напечатаны. Ему, однако, не хотелось, чтобы эти два его лица — математика и сочинителя — путались. Поэтому он придумал себе псевдоним. Сначала он взял фамилию Дэрс — по названию местечка Дэрсбери в графстве Чешир, где он родился. Потом переименовал в своем имени Чарлз Лутвидж порядок букв и получил Эдгар Кутвеллис, а потом Эдгар У. Х. Вестхилл; затем он переделал на латинский лад Чарлза в Каролуса, а Лутвиджа в Лудовикуса, переставил их местами, одно из этих имен опять перевел, и получился Луис Кэрролл, красоты ради превратившийся в Льюиса Кэрролла.



Рисунок Л. Кэрролла

На берегах Чарвела 4 июля было всего лишь обычным днем. Алиса Лидделл вспоминала только, что стояла жара и сидеть в тени на берегу было лучше, чем грести в лодке. Поэтому, возможно, рассказанная история особенно понравилась, и Доджсон обещал записать ее для Алисы. Эта рукопись потом только дважды покидала руки своей хозяйки: первый раз в 1885 году, когда она оказалась нужна Доджсону для факсимильного издания, и второй раз в 1928 году, когда на самом знаменательном книжном аукционе у Сотби в Лондоне она была продана за 75 250 долларов. Купил эту рукописную книгу американец, и она так и осталась в Америке, где ее часто выставляют в публичных библиотеках по всей стране.

«У меня и мысли не было об издании, когда я писал эту историю, — заявлял Льюис Кэрролл в предисловии к факсимильному изданию 1886 года. — Эта идея пришла потом, и подали ее те самые «слишком снисходительные друзья», которые вообще часто бывают вино-

ваты в том, что автор слишком поспешно бежит в типографию». Самым виноватым из друзей, судя по всему, оказался Джордж Макдональд, сам детский писатель. Теперь мало кто читает его «Дэвида Элджинброда» или «Роберта Фалконера», но даже если бы Макдональд не написал ни строчки, его заслуга перед литературой от этого не уменьшилась бы. У него были сын и дочь, Гревил и Мэри, и, возможно, Льюис Кэрролл рассказывал им историю Алисы в присутствии отца. Во всяком случае, Макдональд эту историю узнал и уговорил автора показать ее издателю.

Фирма Макмиллана была тогда еще молодой, издавала главным образом религиозные книги и большое количество литературы по математике, и милостиво отнеслась к новому автору. Льюис Кэрролл не решался сам иллюстрировать книгу, хотя для рукописи, подаренной Алисе, он нарисовал неплохие картинки. Ему повезло, он получил согласие художника Джона Тэннила, тогда не столь знаменитого и не звавшегося еще сэром Джоном Тэннилом. Правда, он уже очень успешно начал сотрудничать в «Панче», для которого работал всю жизнь, до 1901 года, и сделал почти две с половиной тысячи рисунков. Договор с Тэннилом на издание книги Кэрролла был заключен в 1864 году, в апреле. Через девять месяцев книга вышла из печати. Она называлась уже не «Алиса в Подземелье», и не «Алиса в Стране Эльфов», как раньше, а «Приключения Алисы в Стране Чудес». 4 июля 1865 года, когда Америка встречала уже восемьдесят девятую годовщину независимости, омраченную убийством Линкольна, Алисе Лидделл был вручен первый дарственный экземпляр.

II

«Приключения Алисы в Стране Чудес» имели успех, хотя и не произвели сенсации. Только с пятого издания, через три года, ее начали печатать с матриц, стереотипными изданиями. К тому времени книга стала уже так популярна, что когда в 1872 году вышло ее продолжение, «Алиса в Зазеркалье», спрос был так велик, что восемь тысяч экземпляров разошлись даже раньше, чем Льюис Кэрролл получил авторские экземпляры. К



Иллюстрация Джона Тэннила. 1866 г.

1885 году, через двадцать лет после первого издания, в Англии было продано 120 000 «Алис». К 1898 году, когда умер Льюис Кэрролл, их общее число в Англии превысило 260 000. А вместе с переводами и американскими изданиями тираж «Приключений Алисы» в конце века приблизился к миллиону. С тех пор цифры росли так стремительно, что счет «Алисам» давно потерян.

Неожиданная слава и всеобщее признание для автора были таким же испытанием, как для застенчивого человека — вдруг оказаться лицом к лицу с многотысячной толпой восторженных поклонников. Ясно, что Льюис Кэрролл не хотел, чтоб ему поклонялись, но по своей деликатности не мог он и сопротивляться поклонению. Поэтому он продолжал внушать, даже самому себе, что писатель Льюис Кэрролл и его преподобие Чарлз Лутвидж Доджсон — разные люди. В 1890-х годах Эдвард Бок, редактор «Дамского Домашнего Журнала», популярного в то время, навестил его в Окс-



Иллюстрация Джона Тэннила. 1866 г.

форде и предложил написать продолжение «Алисы». «Вы ошибаетесь, мистер Бок, — был ответ. — Перед вами не тот, кто вам нужен». «Так ли я вас понял, мистер Доджсон, — не унимался Бок, — вы хотите сказать, будто вы не Льюис Кэрролл и не писали «Алисы в Стране Чудес?» Мистер Доджсон ушел и тут же вернулся с одним из своих сочинений по математике: «Вот что я написал». Бок вспоминал, что его лицо при этом «не выражало ничего кроме сочувствия редактору, который совершил глупейшую ошибку».

«Как я вам уже сказал, мистер Бок, — вы ошибаетесь, — продолжал Доджсон, — перед вами не Льюис Кэрролл». Пауза, потом вопрос: «Вы первый раз в Оксфорде?» «После этого я провел в его обществе два замечательных часа, — вспоминал Бок, — которые закончились обедом. Но все попытки навести разговор на Льюиса Кэрролла оказались бесплодны». Провожавший редактора оксфордский профессор, коллега Доджсона, объяснял: «Он ведет себя так со всеми,

даже со мной. Он не хочет быть Льюисом Кэрроллом и очень ревниво оберегает свою тайну. Поэтому он живет так замкнуто. Всякую минуту он боится, что кто-нибудь упомянет при нем «Алису».

III

Что бы он почувствовал — раздражение, смущение или просто сострадание — если бы он мог узнать, что первые издания «Приключений Алисы в Стране Чудес» стали теперь самой желанной добычей коллекционеров? На первом месте, конечно, первое и второе издания. Мы говорим о них сразу, потому что собственно первое издание выделить очень трудно. «Алиса» — единственная в своем роде книга, потому что путаница с первым ее изданием не объясняется разными выпусками. Конечно, было одно, самое первое издание, но от него осталось так мало экземпляров, что по молчаливому соглашению книголюбов оно признано несуществующим. В этом негласном заговоре коллекционеров и книготорговцев не участвуют только с полдюжины счастливых обладателей этого сокровища, да и эти-то экземпляры большей частью принадлежат не частным лицам. Но все, в общем, предпочитают игнорировать существование подлинного первого издания «Алисы». Что ж, книголюбы обманывают лишь самих себя.

Виноват в том, что столько нормальных во всех отношениях людей стали жертвами самогипноза, Льюис Кэрролл. Когда в 1865 году из печати вышли самые первые две тысячи экземпляров, автор остался недоволен типографской работой и сумел уговорить издателей изъять все издание. Неизвестно, сколько книг было уже продано к тому времени. Скорее всего, немного. Во всяком случае, торговцы с готовностью вернули полученный товар в издательство. Книги были возвращены и разосланы в детские больницы и рабочие клубы, где их очень скоро зачитали до дыр. Если бы Британский музей содержал в то время детскую больницу, он мог бы теперь похвастаться «Алисой» 1865 года.

Тот, кому было поручено собрать у торговцев книги, проявил такое прилежание, что, должно быть, получил от издателей награду, но коллекционеры, знай они имя

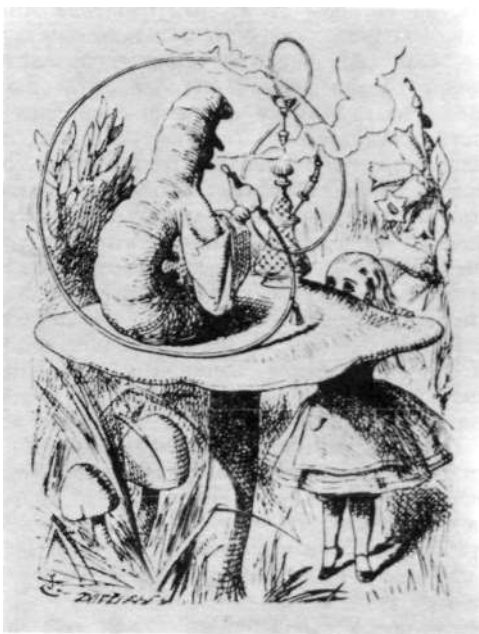


Иллюстрация Джона Тэннила. 1866 г.

этого человека, предали бы его анафеме. Это благодаря его усердию экземпляров самого первого издания осталось не больше шести и надежды на новые находки нет.

Хотя с «настоящими первоизданиями» «Алисы» дело обстоит крайне плохо, все же у библиофилов есть возможность достать нечто почти равное по ценности и к тому же гораздо более дешевое. Дело в том, что не все изъятое издание было распространено в Англии. Большая часть его осталась на складе и потом была отправлена в Америку. Таких экземпляров было семьсот пятьдесят, правда, их отличает новый титуль-

ный лист, на котором стоит имя издателя Аплтона и год издания — 1866. Такие экземпляры гораздо реже и ценнее, чем лондонское издание того же года, но им, конечно, далеко до экземпляров с титульным листом 1865 года. Все же американские экземпляры, в сущности, принадлежат к первому изданию, и ничем, кроме одного листа, от него не отличаются, тогда как лондонское издание 1866 года — это уже совсем другая книга, заново набранная и по-другому сшитая.

Обиделись ли американцы, что этот негодный товар сочли достаточно хорошим для «неотесанных янки»? Правда, надо сказать, что у издателей, по всей вероятности, не было никаких обидных для американцев мыслей. Наверняка они не были согласны с Льюисом Кэрроллом, что гравюры Тэннила плохо отпечатаны, а текст нечеток. Но они уступили автору, и уж, конечно, не могли продолжать продажу у него под носом, в Англии. По оставшимся экземплярам Аплтона и сейчас видно, что Льюис Кэрролл был излишне придиричив — печать вполне качественная. Встает вопрос, знал ли Льюис Кэрролл, что часть издания отсылается в Америку? Если это было сделано с его ведома, значит, и с его одобрения. Тогда американские патриоты могут обижаться на него, а не на издателей.

Лондонская «Алиса» 1866 года, как было уже сказано, это совсем новое издание, но именно оно везде принимается за первое. Правда, каталоги обычно оговаривают: «первое вышедшее в свет издание», или «первое принятое издание» или даже «первое издание согласно каталогам». Два последних обозначения верно передают суть проблемы, первое же — просто неправильно. Издание 1865 года вышло так же несомненно, как выходит всякая книга. То, что вышло, можно потом изъять, но это же не отменяет факта издания.

Лондонское издание 1866 года — «принятое первое» — достаточно дорого, несмотря на то, что оно только условно первое. Вряд ли в какой-либо другой книге коллекционеры столько внимания обращают на состояние экземпляров. И на то есть веские причины, ибо, хотя коллекционируют «Алису» главным образом взрослые, читали-то ее в основном дети. Говорят, что маль-



Мэри Хилтон Бэдкок,
модель тэнниловской Алисы

чики есть мальчики, но и девочки, несмотря на предпочтение, которое отдавал им Льюис Кэрролл, оказываются ничуть не лучше мальчиков, когда они пытаются выяснить, долго ли можно терзать книгу, прежде чем она истреплется, и сколько каракуль и пятен на ней можно поставить. Редкая «Алиса» записана в каталоге как «безупречный экземпляр», и что для «Алисы» счи-

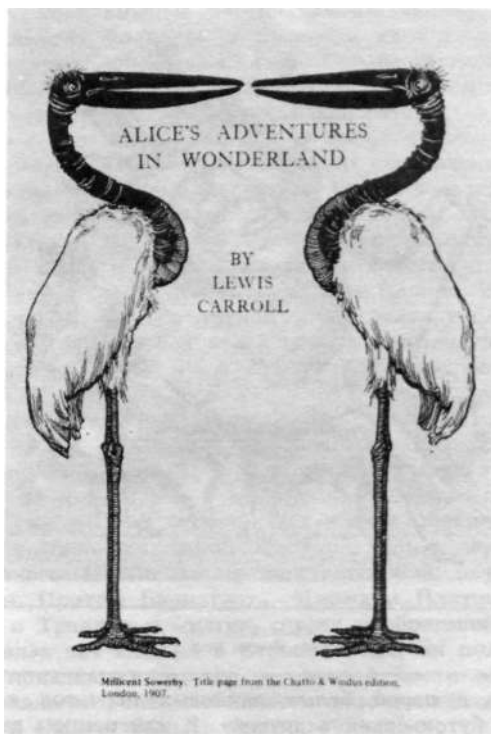
тается безупречностью, то для другой книги едва сносно. Переплетное дело процветает уже лет пятьдесят, благодаря множеству оригинальных «Алисы», по недальновидности родителей оказавшихся в руках детей и изорванных этими прелестными мальчиками и девочками. А надо ли говорить, что переплетенные экземпляры куда менее редки и ценны, чем те, что сохранили оригинальную обложку в целости.

Английские издатели «Алисы» сами выпустили переводы на французский, немецкий и итальянский языки, причем Джон Тэннил остался Джоном на титульных листах немецкого и французского изданий, но в итальянском он превратился в Джованни.

IV

«Алиса» 1865 и 1866 годов недостижима для большинства коллекционеров, но «Приключения Алисы в Подземелье», которые вполне по средствам многим собирателям, в одном отношении более драгоценное сокровище. Эта книга представляет собой фотокопию оригинальной рукописи, только слегка сокращенную, и с последней страницы убрана фотография Алисы Лидделл, которую писатель, сам, кстати, сделавший фотографию, приклеил в конце текста; а также слегка изменены последние строчки текста. Вот эта фотокопия и была отпечатана так же, как ее написал автор, — четким и ясным почерком, над чем он, должно быть, немало потрудился, желая порадовать «милого ребенка». К тому же он, наверно, считал рассказ достойным того, чтобы он был так кропотливо оформлен.

Как бы то ни было, а через двадцать четыре года рукопись понадобилась Льюису Кэрроллу для издания, и он писал Алисе Лидделл, тогда уже миссис Харгривс: «Все фотографии делаются в моей собственной студии, так что к рукописи никто не прикаснется, кроме меня. Таким образом, я надеюсь возратить вам ее в том хорошем состоянии, в каком вы так милостиво ее предоставили, или даже в лучшем, если вы разрешите мне ее переплести перед возвращением. Можно?» К счастью, миссис Харгривс не разрешила. Рукопись до сих пор в оригинальном кожаном переплете, не-



Титульный лист лондонского издания 1907 г. Художник М. Саурби

сколько истрепанном и потертом, потому, что это была любимая книжка Алисы, и она часто ее читала.

«Приключения Алисы в Стране Чудес» примерно в два с половиной раза длиннее «Приключений Алисы в Подземелье» и вместо четырех глав содержат двенадцать. Начало книги почти одинаково в обоих вариантах. Самые заметные из ранних изменений касаются Белого Кролика, который появляется «великолепно



Шалтай-Болтай.
Художник Филип Гоф. 1940 г.

одетый, с парой белых лайковых перчаток в одной руке и бутоньеркой в другой». В измененном варианте у Кролика — перчатки и большой веер.

Добавлением был, например, знаменитый «бег на месте» в третьей главе «Алисы в Стране Чудес». Мышь стала рассказывать совсем другую, длинную и печальную, историю, хотя, как и в рукописи, эта знакомая всем читателям история набрана постепенно уменьшающимся шрифтом и расположена так, что напоминает длинный извивающийся мышиный хвост: по-английски слова «история» и «хвост» звучат одинаково. Некоторые изменения сделаны и в стихотворении о папаше Вильяме, который «спокойно стоит вверх ногами», — пародия на стихи известного поэта Роберта Саути. Баночка с

мазью, сохранившей этому замечательному старому джентльмену бодрость и ловкость, стоила «в Подземелье» пять шиллингов, а в «Стране Чудес» только шиллинг. Всего в первых пяти главах «Алисы в Стране Чудес» добавлено только несколько сотен слов по сравнению с соответствующими им тремя главами «Алисы в Подземелье». Этот кусочек почти идентичного текста составляет уже семь десятых «Алисы в Подземелье», но едва ли пятую часть «Алисы в Стране Чудес», так как дальше добавлений сделано очень много. Среди них та часть, в которой Алиса встречается с Герцогиней, Чеширским Котом, Мартовским Зайцем, Безумным Шляпником. Теперь трудно представить себе «Алису в Стране Чудес» без этого самого знаменитого в литературе чаепития, и мы можем только радоваться, что Льюис Кэрролл не побежал к издателю с первым же вариантом своего сочинения.

В «Алисе в Стране Чудес» также гораздо длиннее диалог между Черепахой и Грифоном, песня о супе состоит из двух строф вместо одной. Сцена суда занимает уже не три страницы, а почти тридцать благодаря новому появлению Мартовского Зайца, Сони и Безумного Шляпника и защитительной речи самой Алисы. Притом Бармаглота, Моржа и Плотника, Труляля и Траляля и многих других изобретений Льюиса Кэрролла нет еще ни в Стране Чудес, ни под землей. Они появляются только во второй части книги, «В Зазеркалье». Теперь обе части обычно издаются, как тому и следует быть, в одном томике.

Льюис Кэрролл сам первый признал бы, что он неважный художник, и всякий, кто хоть немного разбирается в графике, согласился бы с ним. Зато он отчетливо представлял себе то, какие картинки ему нужны. Поэтому Джон Тэннил поступил очень разумно, во всем следуя замыслу автора. Рукопись Льюиса Кэрролла изобиловала иллюстрациями — всего их было тридцать семь. Тэннил нарисовал сорок две, двадцать из которых в композиции и деталях точно повторяют рисунки автора.



ВАШИНГТОН ИРВИНГ И «КНИГА ЭСКИЗОВ»

I

Только когда «Полумесяц» достиг того места, где стоит теперь город Олбани, Генри Гудзон понял, что ошибся и что широкий и спокойный поток, по которому он плыл уже месяц, не приведет его в Китай. Разочарование было горько, но зато открывшиеся ему виды этой благодатной долины были прекрасны, и к тому же то было самое лучшее время года: конец лета — начало осени. Для современных путешественников все эти красоты безвозвратно погибли, но тогда, в 1609 году, река предстала перед Генри Гудзоном во всем блеске.

Прошло почти два века, и уже другой человек ехал вверх по Гудзону, но с гораздо более прозаической целью — в гости к замужней сестре. Ему было семнадцать лет, т. е. родился он за пять месяцев до провозглашения независимости Америки. Тогда, в только что образованных Штатах самой популярной личностью был Джордж Вашингтон, поэтому естественно, что своего одиннадцатого и последнего ребенка супруги Ирвинг назвали Вашингтоном.

Нью-Йорк, где родился Вашингтон Ирвинг, насчитывал в те времена всего двадцать три тысячи жителей. Однако дух космополитизма уже в то время царил в молодой столице, хотя был более органичен и менее назойлив, чем теперь. Вашингтон Ирвинг не получил особенно хорошего образования, но охотно черпал знания и опыт из чтения книг. В то время Европа как бы обезумела, не зная, как отнестись к Французской революции, одна половина кричала «ура», другая разража-

лась ругательствами — середины не было. Отдельные части Европы в ярости грызли друг другу глотки, между тем Америка преуспевала в мирных делах, и еще далеко было до той Америки, которая вызвала презрение Чарльза Диккенса. Молодые Соединенные Штаты набирали силы для роста, а Европа, казалось, искала способ покончить с собой. В такую эпоху формировался Вашингтон Ирвинг. Многое он видел и понимал, но и бессознательно он, человек гибкий и восприимчивый, носил свое время в себе.

Европу он посетил впервые в 1804 году с тем, чтобы поправить здоровье. Он сошел на берег в Бордо и узнал, что Бонапарт положил конец Республике, а Франция ждет приезда папы римского для коронации и возрождения Священной Римской империи Карла.

В начале 1806 года Ирвинг был уже опять в Нью-Йорке. Здесь он участвовал в развлекательном периодическом издании под названием «Салмагунди», выступал в суде и вообще проявлял пристальный интерес ко всему происходящему. В результате в 1809 году он закончил и издал «Историю Нью-Йорка, написанную Дидрихом Никербокером». Книга имела почти ошеломляющий успех. Среди описанных в ней семейств были, между прочим, и «Ван Винкли, из Гарлема, любители сырых яиц».

II

После успеха «Истории» Ирвинг не писал несколько лет. К концу войны 1812 года он стал помощником и военным секретарем губернатора Нью-Йорка и стал даже называться полковником Ирвингом, но военной службы, кажется, не нес никогда. Потом он собрался было в Вашингтон, чтобы получить направление в армию, но не успел — был заключен мир. Через несколько недель, в мае 1815 года, он отплыл в Англию. Когда он туда приехал, Ватерлоо уже состоялось и Наполеон был разбит. Следующие три года Ирвинг провел без определенных занятий, без цели, как это умел делать только он. Особое место в его жизни этого периода занимает дружба с Вальтером Скоттом. Она началась в 1817 году, когда Ирвинг с рекомендательным письмом



Вашингтон Ирвинг. 1824 г.

пришел в Абботсфорд — дом в романтическом стиле, который Скотт сам для себя построил. Он явился с письмом и просьбой, если возможно, принять его. «Мистер Скотт, — вспоминал Ирвинг, — сам вышел встретить меня и с искренним радушием, напоминающим старинные времена, пригласил войти в дом. Я сразу же оказался за столом, накрытым для завтрака, и почувствовал себя как со старым другом. Вместо нескольких часов мой визит продлился несколько дней — и каких дней!»

Читатель, наверно, уже представил себе богатого и досужего джентльмена, беспечно путешествующего

по свету и не думающего о завтрашнем дне, потому что думать вообще скучно, а заботы о будущем излишни. На самом же деле Ирвинг был беден и зависел от милости добрых и любящих родственников. Ему было уже тридцать четыре года, а прочного положения он не имел, и никого это так не тяготило, как его самого. К лету 1817 года у него созрело решение стать писателем. Почему бы и нет? Он уже пробовал писать.

В марте 1819 года он сообщал из Лондона своему другу Бревурту в Нью-Йорк: «Я только что отослал моему брату Эбenezеру рукопись первой части одного произведения, которое в случае успеха я надеюсь продолжить. Сначала я хотел, чтобы брат отправил это для напечатания Томасу, но теперь должен искать другого издателя. Не мог бы ты, как знаток литературы и бездельник, взять на себя заботы об этой вещи? Я хочу закрепить за собой авторское право, вещь напечатать и продать одному или сразу нескольким книготорговцам, которые взяли бы все издание на выгодных основаниях и заплатили бы наличными или надежными бумагами. Так меньше забот и больше выгод для автора, чем если продать авторское право. Я бы хотел, чтобы первому вещь предложили все-таки Томасу, так как он был мне хорошим другом, и я хочу, чтобы ему достались все выгоды, возможные от этого издания. Если вещь будет печататься в Нью-Йорке, держи, пожалуйста, корректуру, так как я боюсь, что в рукописи могут быть неясности, иногда ошибки, а ты знаком с моим почерком».

Стоит прочесть целиком эту переписку, единственную в своем роде по детальности изложения всего издательского процесса. К счастью, почти все письма были опубликованы в 1915 году.

Другое место из этого же письма передает отношение Ирвинга к этому изданию: «Очень боюсь вторичного вступления в литературу. Сознаю свои недостатки, и моя душа так долго была терзаема и волнуема различными тревогами и заботами, что могла утратить бодрость и энергию. Я не брался за высокие темы и не старался выглядеть умным и ученым, как это теперь модно среди американских писателей. Я предпо-

чел обратиться скорее к чувствам и фантазии читателя, чем к его литературному вкусу. Мои писания могут поэтому показаться легкими и банальными в нашей стране философов и политиков, но пусть они будут одобрены в своем духе — все, чего я жду. Я постараюсь подыгрывать на флейте в нашем национальном концерте, а партию первой скрипки предоставляю другим». (Ирвинг символически выбрал себе флейту, потому что действительно очень любил этот инструмент.)

Вторая часть задуманного произведения была закончена в апреле, третья — в марте. От Бревурта Ирвинг за это время не имел вестей. В этом, конечно, Бревурт был не виноват. Он действовал энергично, ловко и к тому же бескорыстно. Просто тогда еще не было самолетов. «Я всей душой хотел бы знать твое мнение о первой части, поэтому с нетерпением жду корабля из Нью-Йорка, — писал Ирвинг. — Моя судьба зависит от этого».

III

Первый выпуск «Книги эскизов Джеффри Крейна, джентльмена» появился в мае 1819 года. На титульном листе стояло «Ч. С. Ван Винкль, типограф». Тираж был две тысячи экземпляров — по семьдесят пять центов. Книгу встретили шумным одобрением, но даже тем, кто больше всех расточал ей похвалы, не могло прийти в голову, что это первая американская книга, которая станет мировой классикой. На этот раз автор не пытался скрываться за псевдонимами, вроде озорного Дидриха Никербокера, и критика знала, кому адресовать похвалы:

«Изыщество стиля, теплый благожелательный тон, непринужденность и сердечность юмора, острая наблюдательность, сочетающаяся с мудрым пониманием и руководимая чувством меры, — качества, и раньше отличавшие мистера Ирвинга, — вновь продемонстрированы в «Книге эскизов» с еще большим обаянием и прелестью... Шедевр, конечно, рассказ «Рип Ван Винкль». Благодаря своему комическому духу без примеси горечи, ибо нелепое здесь подано со смехом, в котором, однако, нет ничего презрительного, потому что автор



«Книга эскизов». Титульный лист

отдает предпочтение чудачествам простой и неприятельской жизни перед современным сумасбродством и фальшью, благодаря яркости и правдивости, с которой нарисован характер Рипа и его родная деревня, благодаря изящной легкости повествования этот рассказ имеет мало соперников».

«Рип Ван Винкль», действительно, был и остается

шедевром до сих пор. Как писал другой критик, «Книга эскизов» держится на двух новеллах: «Рипе Ван Винкле» и «Легенде о Сонной Лощине». Справедливость этого суждения может быть подкреплена авторским «Предупреждением», которым открывалась первая часть книги, но которое далеко не всегда входило в последующие издания:

«Эти новеллы опубликованы в виде опыта; если они встретят одобрение, за ними последуют другие. Автор вынужден мириться с некоторыми неудобствами. Он не имеет постоянного жилья и обременен многими заботами. Поэтому он не может сказать заранее, ни что будет в следующих частях, ни когда они появятся. Их объем также будет зависеть от того, каким количеством материалов автор будет располагать в то время. Его писания будут следовать за его мыслями и настроениями. Иногда это будут непосредственно наблюдаемые им события, иногда чистая фантазия, иногда же он будет обращаться с воспоминаниями к своей родине. Он не сможет уделять литературной работе безраздельное внимание, необходимое для вполне завершенных произведений. Поскольку для печати их надо пересылать через Атлантику, автор вынужден доверить другим исправление ошибок, часто возникающих при издании. Однако, если его опыты, при всех их недостатках, будут благосклонно приняты, то это будет лучшей наградой автору, ибо, хотя он и не претендует на честь, оказываемую более высоким умам, все же самая дорогая его мечта — завоевать скромное, но прочное место в сердцах своих соотечественников».

Ирвингу лучше всего удавались сцены из родной жизни, а «самой дорогой его мечтой» было одобрение соотечественников — не ясно ли это говорит о его тоске по родине? В тетради, озаглавленной «1817 год. Заметки для „Книги эскизов"», есть такая запись: «Благотная праздность летнего дня в деревне: лежать в поле клевера с книгой и смотреть на Гудзон. Лодки с хлопающими о мачты парусами...» Что могли предложить ему взамен все реки Англии, все реки Европы, даже все реки рая?

Несмотря на опасения Ирвинга, ему удалось и



Иллюстрация Ф. Дарли к «Книге эскизов»

писать, и публиковать следующие части довольно регулярно. Последняя, седьмая часть вышла 13 сентября 1820 года, через полтора года после первой части. «Легенда о Сонной Лощине» вошла в шестую часть.

Продолжавшаяся в это время переписка Ирвинга с Бревуртом очень интересна с библиографической точки зрения. Ирвинг давал подробные инструкции о необходимых исправлениях, а Бревурт отчитывался перед ним в тех изменениях, которые он вносил самостоятельно. Дело сильно осложнялось тем, что письма

шли очень долго, и из-за этого возникали недоразумения. Так появились библиографические загадки, до сих пор еще не разрешенные, хотя они и разрешимы. Просто «Книга эскизов» еще ждет исследователей, которые изучат ее историю и решат все проблемы. Например, почему в пяти частях первого издания каждый последующий том продолжает нумерацию страниц предыдущего, а в шестой и седьмой частях страницы пронумерованы отдельно.

«Книга эскизов» — самое значительное произведение, выходявшее в Америке по частям. Поэтому полный комплект семи частей книги — редкость и большая ценность. Заново переплетенные экземпляры с подрезанными краями страниц — и то очень редки, и даже за разрозненные части коллекционеры готовы платить большие суммы в надежде когда-нибудь собрать полный комплект.

IV

В Англии первые номера «Книги эскизов» были встречены с одобрением, а также со скрытым или явным удивлением. Станным казалось, что такая книга родилась не в Англии, а в Америке: американцы, стало быть, не только могут говорить по-английски, но и писать на этом языке книги. Утешением служило то, что книга написана все-таки на английской земле. Уильям Годвин, издатель, политик-радикал, писатель¹, тесть великого английского поэта Шелли, писал по этому поводу: «Я нахожу в ней немало признаков ума, отмеченного изяществом и утонченностью, т. е. качествами, которые я никак не ожидал увидеть в американце». Были, правда, люди среди издателей, которые обрадовались именно тому, что книга американская: они могли незаконно перепечатывать ее, сколько им захочется. Это обстоятельство, а также многочисленные изменения в тексте, сделанные издателями-пиратами, заставили Ирвинга искать законного английского издателя. Конечно, еще одна причина заключалась в простом и понятном же-

¹ Автор изданного у нас романа «Калед Вильямс, или Вещи как они есть».

ланий увидеть свое имя на лондонском издании. Сначала Ирвинг обратился к Джону Мюррею, издателю Байрона. В октябре от него пришел ответ:

«Я прошу Вас поверить мне, что я искренне признателен Вам за Ваши добрые намерения в отношении меня и что я питаю самое непритворное уважение к Вашему таланту. В настоящее время мой дом полон рабочими, и для занятия делами я располагаю только моей конторой, а вчера я был очень занят, иначе я не отказал бы себе в удовольствии видеть Вас. Если я не берусь издавать Ваш настоящий труд, то лишь потому, что не вижу в нем тех возможностей, которые позволили бы нам вступить в тот выгодный контракт, без которого я не могу чувствовать никакого удовлетворения от работы с Вами; но я сделаю все, что смогу, чтобы обеспечить книге распространение, и готов рассмотреть Ваши планы в будущем».

Можно ли получить более любезный отказ? Но он был так же любезен, как и непреклонен. Через три месяца Ирвинг договорился с Джоном Миллером об издании отдельным томом первых четырех частей. Все расходы писатель брал на себя. Миллер издал тысячу экземпляров. Книга пошла. Но вдруг, вовсе не по вине «Книги эскизов», Миллер разорился.

Ирвингу помогло счастливое стечение обстоятельств. Вальтер Скотт приехал в Лондон, чтобы получить титул и стать сэром Вальтером Скоттом. Он отправился с «Книгой эскизов» к Мюррею и уговорил его взять ее. То ли Скотту самому нравилась книга, то ли Мюррей был сговорчивым человеком, во всяком случае, Скотт добился успеха, а вскоре и «Книга эскизов» тоже. К середине лета 1820 года издание Миллера, продолженное Мюрреем, было распродано, и уже быстро расходился второй том, содержащий последние три части, а кроме того «Черты индейского характера» и «Филипп из Поканокета» (эти две новеллы не вошли в первое американское издание, но позже всегда включались). Мюррей купил авторское право за двести фунтов, однако, увидев успех, великодушно прибавил сто гиней, а затем еще сто фунтов. Поистине, Мюррей недаром звался Королем книгоиздателей.

В середине 1822 года Ирвинг мог сообщить Бревурту, что получил легкий доступ во все слои общества. «Среди моих новых интересных знакомых, — писал он, — миссис Сиддонс¹. Удивительно, как мало время искажило ее величественную осанку и благородное выражение лица». Как видно, оно не изменило и ее трагического темперамента. Когда Ирвинг был ей представлен, актриса воскликнула: «Вы заставили меня плакать!» Писатель так растерялся от неожиданного комплимента, что едва нашел что сказать, и уж, конечно, не сумел дать ответ, которого, очевидно, ждала миссис Сиддонс. Через некоторое время Мюррей издал новую его книгу, и вновь Ирвинг встретился с миссис Сиддонс. «Вы опять заставили меня плакать», — произнесла она, и на этот раз не застала Ирвинга врасплох. Он любезно намекнул, что сочувствие не трудно вызвать у отзывчивой души, и попал в точку.

V

В 1832 году Ирвинг вернулся в Америку и убедился, что за время отсутствия не только не был забыт соотечественниками, но стал даже еще более популярен. Однако он всегда был застенчив и чуждался большого общества, да и льстивое поклонение столицы его не привлекало. В двадцати милях выше Нью-Йорка по течению Гудзона он построил себе дом с усадьбой и назвал все это «Солнечный край». Через пятнадцать лет и туда вторглась цивилизация: по берегу Гудзона стали строить железную дорогу. Для Ирвинга это было равносильно концу света, но он тем не менее любезно принял руководителей работ и что касалось необходимых разрушений, положился на скромность строителей.

Через два года Ирвингу пришлось искать защиты у закона. В письме своему другу и директору железной дороги губернатору Кемблу он рассказывал: «Ужасное нервное состояние было у меня вызвано тем, что в полночь я был разбужен адскими звуками парового гудка вашей железной дороги. Они привели меня в возбуждение, которое длилось с час. Я не спал до рассвета и

¹ Выдающаяся трагическая актриса.

плохо чувствовал себя весь следующий день». Ирвинг явно был покладистее характером, чем многие его братья по искусству, и уж, конечно, не обладал качествами американского бизнесмена с его беззастенчивостью и железным упорством. Ирвинг был олицетворением мягкости и доброжелательности. Жалоба на «адские звуки» гудка — единственная жалоба на те неприятности, которые принесло ему соседство с паровозами.

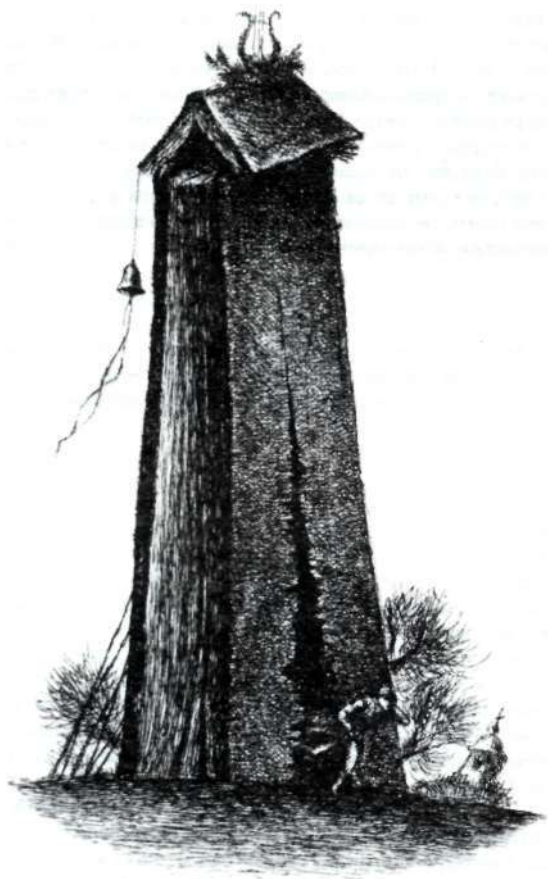
Тысячи людей в наше время проезжают «Солнечный край» дважды в день, исключая праздники, воскресенья и время отпусков, т. е. те дни, когда они не ездят на работу. Но надо полагать, что быстро скользящие электропоезда, не имеющие к тому же повода свистеть вблизи «Солнечного края», меньше нарушают покой тихого города Ирвингтона, чем их грохотавшие и дымившие предки. Озеро Тапан Зее выглядит по соседству с «Солнечным краем» так же, как и в прежние времена, разве что ветер тревожит это озеро, а так оно спокойно и невозмутимо, как дух самого Ирвинга. Гудзон хранит этот дух в благодарность писателю, черпавшему из него свои мотивы и легенды, заменившие Америке фольклор.

VI

За несколько месяцев до смерти Ирвинг видел в театре игру Джозефа Джефферсона, молодого потомственного актера. Он заметил в нем большое сходство с его знаменитым отцом и позднее, прочтя об этом в опубликованных письмах Ирвинга, Джефферсон был польщен таким сравнением и вниманием писателя. «Я оторвался от книги, — пишет актер в воспоминаниях, — и думал, что такой похвалой можно гордиться по праву. Я подумал также о том, что Вашингтон Ирвинг — автор «Книги эскизов», а в ней есть странный рассказ «Рип Ван Винкль». Рип Ван Винкль! Имя волшебное. Не тот ли это герой, которого я ищу для сцены? Американская легенда американского писателя, конечно, была бы прекрасным материалом для американского актера».

В то время уже было поставлено по крайней мере четыре разные инсценировки этого рассказа. Сам Джеф-

ферсон-старший играл в одной из них. Его сыну, однако, ни одна из этих постановок не нравилась. Тогда он сделал свою. Она тоже не вполне его устраивала, но он верил в свой замысел, и, когда после очередной переделки пьеса была показана в Лондоне 5 сентября 1865 года, она получила восторженный прием. Имя Джефферсона и теперь связано прежде всего с ролью Рипа. Однажды он показал спектакль в деревне Катскиль, родине Рипа Ван Винкля. На приеме после окончания спектакля церемониймейстер от волнения представил Джефферсона так: «Мистер Вашингтон Ирвинг!» Ирвинг, наверно, сумел бы оценить комичность ситуации и даже был бы польщен. В новелле Рип проспал двадцать лет, но когда он наконец проснулся, то оказался бессмертным, а вместе с ним его создатель и лучший исполнитель этой роли на сцене.



ЭДГАР ПО И ЕГО «РАССКАЗЫ»

I

Бедняга Кальвин Томас умер, так и не узнав, как близок он был к славе. Умер в Спрингфилде, в штате Миссури, через несколько лет после окончания Гражданской войны, отделенный тысячью миль и почти полувеком от того времени и места, где соприкоснулся он с бессмертием. В 1827 году, вскоре после того, как этот Томас завел типографию в Бостоне, имя его появилось на титуле тоненькой книжки, называвшейся «Тамерлан и другие стихотворения». Кроме Тамерлана и мистера Томаса, на титуле других имен не было; вместо автора стояло уклончивое — Бостонец.

Книга была даже вдвойне анонимна, потому что Томас знал «бостонца» под именем Эдгара А. Перри, рядового 1-го артиллерийского полка Соединенных Штатов, служившего в то время в форте Независимость возле Бостона. А на самом деле имя Перри было Эдгар Аллан По. Поэтому, если позднее Томасу приходилось слышать о знаменитом писателе Эдгаре По, он и не догадывался, что это и есть тот самый рядовой Перри, который весьма неудачно дебютировал в литературе в давнишние бостонские времена. Через несколько месяцев после издания «Тамерлана» Томас переехал в Нью-Йорк, а батарею, где служил Перри, перевели в Чарльстон. Издатель забыл своего бывшего автора, и, по словам его дочери Марты Томас, «не отождествлял со знаменитым поэтом, автором „Ворона“».

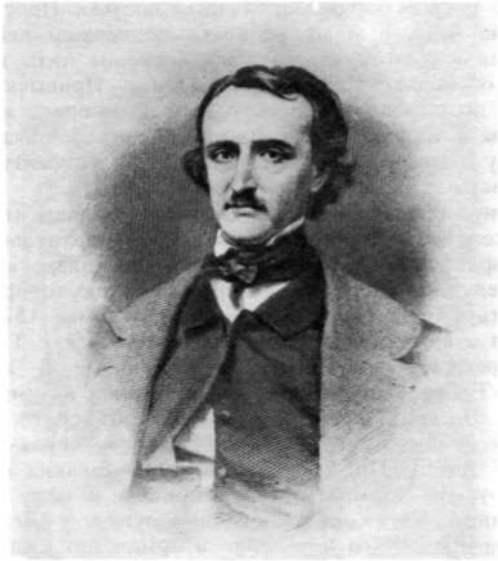
Книжка с «Тамерланом» не была шедевром поли-

графии. Впрочем, и содержание книги не было верхом совершенства. Автору и издателю нечем было гордиться, скорее, они могли надеяться на снисхождение к неудаче двух восемнадцатилетних юнцов. Томас постарался продемонстрировать на титульном листе все шрифты, которыми располагала его типография на Вашингтон-стрит, и все это заключил в самую безобразную обложку, какую только можно было придумать. Книга вышла примерно в сорока экземплярах, из них сохранилось семь или восемь — довольно большой процент. Есть множество книг, в том числе и несколько произведений самого Эдгара По, от которых осталось куда меньше экземпляров, но «Тамерлан» всегда будет символом редкой книги для американцев. Теперь это библиофильская ценность, хотя, конечно, если бы Эдгар По ничего больше не написал, «Тамерлан» остался бы всего лишь образцом посредственной лирики той эпохи.

II

Родители Эдгара По были актерами, они оставили его сиротой, когда ему еще не было трех лет. О матери достоверно известно, что она умерла рано, об отце это можно сказать со значительной определенностью. Во всяком случае, он исчез, и судьба его так и осталась тайной.

Ребенка усыновил Джон Аллан из Ричмонда, преуспевший табачный торговец. Материальный достаток в семье был, конечно, переменной к лучшему для маленького Эдгара, но он скоро стал баловнем своих бездетных приемных родителей, а это ни одному ребенку не идет на пользу. Через четыре года, когда мальчику было семь лет, Алланы переехали в Лондон. Война с Англией была окончена, путь для торговых судов опять сделался безопасен, и мистер Аллан собирался открыть контору в Лондоне. Война Англии с Францией тоже была окончена, но об этом Алланы узнали уже в Англии, потому что во время битвы при Ватерлоо они находились в пути. Они пробыли в Англии до лета 1820 года. Эдгар По провел это время в школе, причем ни разу за все время не переплывал пролива меж-



Эдгар По

ду Англией и европейским континентом, и с тех пор вообще за границей не бывал.

Дома в Америке он закончил школу и поступил в Виргинский университет, где проучился только один семестр, но вовсе не потому, что его исключили, как принято думать. И репутацию пьяницы и игрока ему вряд ли придумали бы, если бы он не стал знаменитым писателем. Всего четырьмя годами раньше в Боуденском колледже был оштрафован на пятьдесят центов за игру Готорн. К счастью, из этого случая не раздули для Готорна дурной славы. По, несомненно, играл на большие суммы и чаще, чем его собрат по перу, и пил больше. Что ж, с тех пор миновали поколения студентов, более злостных игроков и пьяниц, не обла-

давших в свое оправдание гениальностью. Просто По, на свою беду, был на редкость подвержен действию алкоголя и к тому же имел обыкновение пить залпом. А это очень несчастливое совпадение. Привычка пить залпом до сих пор распространена в Америке и породила два исторических явления: горького американского пьяницу и Восемнадцатую поправку к Конституции — сухой закон.

Вернувшись в Ричмонд, По некоторое время работал в конторе Аллана, дела которого пошатнулись после возвращения из Англии. Спустя несколько месяцев По, следуя давнишнему своему желанию, отправился повидать мир. Он поехал в Бостон и в мае 1827 года вступил в армию. В Бостоне он встретился с Томасом и, собрав все написанное в отрочестве и юности, издал «Тамерлана». Почему он записался в армию под именем Эдгара Перри, невозможно объяснить. Таких случаев в армии тысячи, и у каждого — своя подоплека. У Эдгара По, конечно, не было никаких особенных мотивов; возможно, идея пришла к нему только в ту минуту, когда на вербовочном пункте у него спросили фамилию. Его поведение в армии, по словам его командира, было безупречным: «Имеет хорошие привычки и совсем не пьет». Стоит отметить, что за несколько месяцев он был произведен в старшины — это наивысший чин, которого он как доброволец мог добиться.

Почему бы ему не стать офицером? С согласия и частично при поддержке своего приемного отца Эдгар По в июле 1830 года поступил в Военную академию Соединенных Штатов. За год до этого он издал вторую книгу стихов, или, вернее, переиздал первую с некоторыми добавлениями. Книга называлась «Аль Аараф, Тамерлан и мелкие стихотворения», вышла она в Балтиморе в 1829 году. Лучше бы он посвятил себя литературе уже тогда и избежал бы многих неприятностей, которые ожидали его в Военной академии в Вест-Пойнте. 28 января 1831 года военный суд обвинил его в уклонении от обязанностей и неподчинении приказам. Решение суда утвердил военный министр, и По был исключен из академии. Покидая



Иллюстрация к произведениям По

Вест-Пойнт, он имел только двадцать четыре цента. Он отправился в Нью-Йорк, где выпустил третью свою книгу (опять сборник уже печатавшихся стихов с добавлением новых), названную «Стихи» и помеченную как «второе издание». Потом он уехал к родственникам в Ричмонд и поселился у своей вдовой тетки Марии Клемм.

III

Два года прошли в одиночестве и размышлениях. Эдгар По объявился вновь на литературном горизонте в октябре 1833 года — выиграл 50 долларов в конкурсе на лучший рассказ, устроенном «Балтиморским суб-ботным посетителем». Его рассказ назывался «Рукопись, найденная в бутылке». Поэтический конкурс того же журнала опять выиграл По — его стихотворение называлось «Колизей». Однако «Посетитель» счел неуместным присудить оба приза одному человеку, и поэтическое первенство отдали некоему Джону Хьюиту, которому эти деньги (25 долларов) даже не были нужны: он предпочел взять вместо них серебряный кубок, где его успехи более долговечно запечатлены.

50 долларов в 1833 году — это не 50 долларов теперь, но такому человеку, как Эдгар По, эта сумма показалась бы огромной в любом веке. Вообще литературным трудом тогда можно уже было хорошо заработать, но для По все это еще было ново. Он приобщился к литераторской профессии, с тех пор жизнь его — часть истории американской периодической печати. Положим, не только периодической, но началось с периодики.

В 1839 году рассказов, напечатанных По в журналах, набралось достаточно, чтобы выпустить двухтомник «Гротески и арабески». Два тома вышли в 1840 году в Филадельфии. По оставил за собой авторское право (которое стоило, правда, гораздо меньше, чем серебряный кубок мистера Хьюита) и двадцать экземпляров из семисот пятидесяти напечатанных. В 1836 году он женился на своей двоюродной сестре Вирджинии Клемм, которой тогда было едва четырнадцать лет. Она умерла совсем молодой в 1847 году.

По не был плодовитым писателем, как Диккенс или Теккереи; ему не хватало нетерпения публики, ждущей и требующей от любимого писателя все новых и новых произведений, и следствия этого нетерпения — издателей, торопящихся удовлетворить публику. По этому прошло пять лет, прежде чем появилась следующая книга Эдгара По; вернее, это были две кни-

ги, и на них-то и покоится слава По. В 1845 году вышли «Ворон и другие стихотворения» и «Рассказы».

«Рассказы» представляли собой том в 228 страниц в кожаном переплете. Титульный лист был чудом немногословности. Не было ни предисловия, ни перечня более ранних периодических выпусков; читатель сразу вовлекался в самые захватывающие поиски клада, какие только случались в Америке. Из двенадцати включенных в книгу новелл по крайней мере шесть стали известны всему миру. Какой еще сборник может похвастаться такой известностью? Многие, пожалуй, знали два-три рассказа из «Книги эскизов» Ирвинга, может быть, по одному из «Дважды рассказанных историй» и «Легенд старой усадьбы» Готорна. Но шесть из двенадцати! Посмотрите, сколько старых знакомых встретите вы в этом сборнике:

Золотой жук.
Черный кот.
Месмерическое откровение.
Страницы из жизни знаменитости.
Падение дома Эшеров.
Низвержение в Мальстрем.
Беседа Моноса и Уны.
Разговор Эйрос и Хармионы.
Убийство на улице Морг.
Тайна Мари Роже.
Похищенное письмо.
Человек толпы.

Из этих новелл «Страницы из жизни знаменитости», «Падение дома Эшеров», «Разговор Эйрос и Хармионы» уже печатались в сборнике «Гротески и арабески».

«Рассказы» По стали одиннадцатым томом «Библиотеки американских книг», которую издавали Вили и Путнам. Это собрание иногда путают с их же «Библиотекой отборного чтения». Хотелось бы надеяться, что никто не усмотрит здесь намека на то, что американская литература — не отборное чтение. Правда, «Библиотека отборного чтения» первой взяла на вооружение лозунг-рекламу: «Только настоящая литература», между тем «Библиотека американских книг» к рекламе

не прибегала, и ее тома расходились по мере их литературных достоинств. А достоинства эти были весьма неравны. Но в списке готовящихся к выпуску изданий значится и «Новая книга Натаниэля Готорна». Этой «новой книгой» оказались «Легенды старой усадьбы». Поистине, без По и Готорна «Библиотека» выглядела бы довольно бедной. Эти же два автора прославили ее. Любой современный издатель был бы счастлив, если бы его рекламный список за полгода содержал столько кандидатов в бессмертие.

IV

«Рассказы» были настоящим литературным триумфом, хотя в то время это не для всех было очевидно. Даже сами издатели Вили и Путнам искали одобрения у газет и утешались такими отзывами: «захватывающе интересные рассказы», «написаны с большой силой», «доставят многим редкое удовольствие» и так далее. Но ни один критик не увидел истинного своеобразия этой книги и не угадал ее места в американской литературе.

«Рассказы» были также издательским триумфом. Сборник составлял не сам Эдгар По, а издатель Эверт Дуйкинк. Отец Дуйкинка был одним из первых нью-йоркских издателей. Человек довольно состоятельный, Дуйкинк бросил адвокатскую карьеру вскоре после окончания Колумбийского университета и, с 1835 года до самой смерти, в 1878 году, посвятив себя изданию самых лучших произведений американской литературы, устроил судьбу не одного шедевра. Эдгар По, однако, был недоволен отбором рассказов. «Эти «избранные» вовсе не лучшие мои вещи. Они ни в коей мере не дают обо мне верного представления». Дуйкинк, к счастью, был опытнее По и угадал вкусы будущих поколений читателей. И правда, Эдгар По вряд ли написал потом что-нибудь, достойное заменить лучшие из «Рассказов». Он умер в Балтиморе 7 октября 1849 года. Через пять дней исполнялось шестнадцать лет с того дня, когда он впервые вы-



Иллюстрация к произведениям По

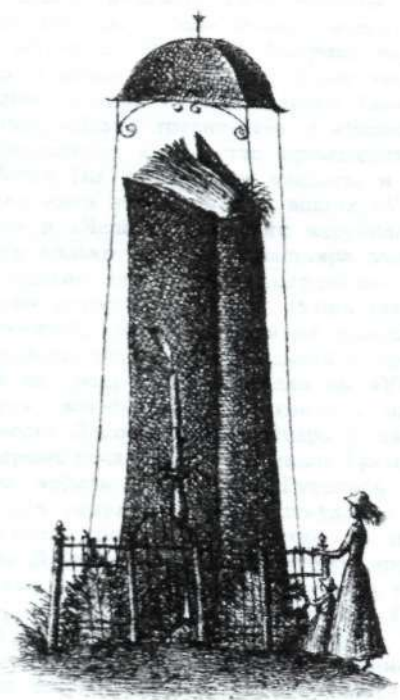
ступил с прозаическим произведением, выиграв конкурс «Субботнего посетителя».

Несмотря на то, что «Рассказы» 1845 года — самое значительное произведение По, они не представляют особой ценности для коллекционера. Это объясняется, конечно, тем, что экземпляров сборника довольно много, их сравнительно легко достать. Зато «Тамерлан», «Аль Аараф» и «Стихи» практически недоступны, «Гротески и арабески» встречаются чаще, но тоже не так часто, как «Рассказы». Из «Рассказов» наиболее редки экземпляры, которые сохранили оригинальные бумажные обложки.

За два года до появления сборника «Рассказов» Эдгар По решил издавать свои новеллы серией, по одной в номере. Эту идею подал литераторам Диккенс, чей «Пиквик» вышел в Америке частями еще семью годами раньше. С тех пор были таким же образом изданы «Очерки Боза», «Оливер Твист», «Николас Никльби», «Лавка древностей» и «Барнаби Радж», а также бесчисленное количество произведений других авторов. Затея По, однако, не удалась, и был напечатан только один номер. В него вошли «Убийство на улице Морг» и «Человек, которого изрубили в куски». Сохранилось только четыре экземпляра этого номера, т. е. вдвое меньше даже, чем «Тамерланов».

Интересна история рукописи «Убийства на улице Морг», — пожалуй, самой знаменитой новеллы сборника и, безусловно, весьма значительной с точки зрения ее влияния на литературу. Не было бы «Убийства на улице Морг», возможно, не появились бы Шерлок Холмс и месье Лекок, Эркюль Пуаро и патер Браун. Рассказ впервые печатался в «Журнале Грема» в Филадельфии за апрель 1841 года. Рукопись выбросили в корзину для ненужных бумаг, откуда ее извлек по каким-то своим соображениям один из наборщиков по фамилии Джонстон. Через некоторое время Джонстон переехал в Ланкастер, где работал в типографии «Вестника», а потом открыл фотоателье. Он прослужил всю Гражданскую войну в пехотном полку, но, к счастью, за время его отсутствия рукопись не пропала. После войны здание, где находилась рукопись,

дважды горело, но всякий раз она оказывалась в уцелевшей части помещения. Чья-то небрежная рука опять ее выбросила, и опять, по самой невероятной случайности, она была спасена. Правда, рукопись несколько истрепалась во всех этих приключениях, поэтому Джонстон отдал ее в переплет. В конце концов он продал ее одному неутомимому коллекционеру из Филадельфии за двести долларов. Коллекционер завещал рукопись государству и теперь она хранится, надежно укрытая от всех случайностей.



НАТАНИЭЛЬ ГОТОРН И «АЛАЯ БУКВА»

I

Сидя в тускло освещенном вагоне поезда, едущего из Сейлема в Бостон, Джеймс Филдс был поглощен чтением рукописи. Это была рукопись в прямом смысле: пишущая машинка еще не была изобретена. Более того, рукопись была свернута в трубочку, и поэтому ее было неудобно читать. Был конец 1849 года, холодная ночь, и наверняка в вагоне было или холодно до дрожи, или жарко, как в пекле. Трудно придумать менее благоприятные условия для первого знакомства автора с издателем. А Филдс был издателем, и от него зависело, быть или не быть книге.

Несмотря на все неудобства, Филдс был поглощен чтением. Рукопись была не закончена, однако издатель не сомневался, что продолжение будет не хуже отрывка, который он держал в руках. Прежде чем лечь спать в ту ночь, он отправил записку автору: «Вернись в Сейлем завтра и договоримся об издании».

Эта весть, должно быть, обрадовала бывшего таможенника сейлемского порта Натаниэля Готорна, хотя, впрочем, он имел основания ее ожидать. Имя его уже появилось на обложках нескольких книг, а еще несколько вышло без его имени (в основном мало интересная писанина). Две из этих книг были встречены не без одобрения. В числе поклонников нового автора был и Филдс. Поэтому он и поехал в Сейлем сообщить таможеннику Готорну, что «готов издать двухтысячным тиражом все, что тот напишет».

«Помнится, я уговаривал его показать мне уже им начатое, — писал Филдс через двадцать лет. — Он

качал головой, давая понять, что ничего еще не написал. В эту минуту я бросил взгляд на его бюро, стоявшее тут же. Мне почему-то подумалось, что там непременно должна быть спрятана новая рукопись, и я был так в этом убежден, что тут же высказал ему свое предположение. Казалось, он смутился, однако опять покачал головой. Я поднялся, чтобы идти, и просил его не провожать меня в холодную прихожую, однако предупредил, что навещу его опять через несколько дней. Я уже спускался по лестнице, когда он окликнул меня из комнаты, прося подождать минуту. И тут, вбежав в прихожую со свернутой рукописью, он сказал: «Как только вы догадались, что она была там? Раз уж вы меня разоблачили, возьмите и когда приедете домой и прочтете, скажете мне, годится ли она на что-нибудь? Сам я не могу понять: то ли это очень хорошо, то ли очень плохо».

Сам Готорн, кстати, был все-таки уверен, что «очень хорошо». У него были к тому же самые практические причины желать себе успеха. Три года назад влиятельные друзья достали ему место в сейлемской таможне с годовым окладом в 1200 долларов. В 1847 году генерал Тэйлор выиграл сражение при Буэна Висте и в 1849 году на гребне успеха поднялся на пост президента Соединенных Штатов. Явились новые фавориты, и в конце концов таможенник пал последней жертвой войны Америки с Мексикой, оставшись без места с женой, двумя детьми и домом, за который надо было платить двести долларов в год. У Готорнов же было всего сто пятьдесят долларов, накопленных в лучшие времена. Вот почему успех от продажи книги был бы как никогда кстати.

II

Вряд ли был другой такой страстный и непреклонный поборник того, что он считал справедливостью, как полковник Джон Готорн. На счастье или на беду себе — неизвестно, но именно ему довелось председательствовать на знаменитом «процессе ведьм» в 1632 году. В результате несколько человек были осуждены за колдовство на смертную казнь. Что бы ни ждало



Натаниэль Готорн

бедных грешников на том свете, оно не могло сравниться с ужасом их последних часов. Правда, вопреки существующей легенде, не все ведьмы были женщинами, а было среди них и несколько мужчин, и были они не сожжены, а повешены. Это, однако, несколько не смягчило дальнейшей участи судьи Готорна, и проклятие несчастных повисло над ним и его родом, и все неудачи Готорнов с тех пор объясняются этим проклятием.

Правда, проклятие не омрачило дней сына судьи, Джозефа, который был фермером и спокойно умер в своем доме. Не повлияло оно и на судьбу его внука Даниэля, морского офицера, вышедшего невредимым

из нескольких столкновений с англичанами. Даниэль умер восьмидесяти пяти лет и, должно быть, тоже у себя дома. У Даниэля было три сына, один из которых, Натаниэль, стал капитаном торгового судна. Вот он сделался первой жертвой проклятия. Судьба привела его в Голландскую Гвиану, на север Южной Америки, где он заболел лихорадкой и умер в тридцать два года. Наверно, прошли месяцы, прежде чем это известие дошло до Сейлема, где жила его вдова с тремя детьми. Средним был Натаниэль, четырех лет, а кроме него были еще две девочки, одна старше, другая младше его.

Двадцатисемилетняя вдова с тех пор вела затворнический образ жизни, не выходя из своей комнаты даже к обеду. Несмотря на столь мрачную атмосферу, у Натаниэля было вполне нормальное детство. Как и подобает его возрасту, он дрался с неким Томом Найтом на том основании, что Том был «мальчиком очень задиристого нрава», а однажды Натаниэль «серьезно поранил ногу, играя в мяч».

В 1820 году высшее образование было дешевле, чем стало оно впоследствии, но даже тогда Готорн вряд ли мог поступить в Боуден, если бы семья его матери не имела достаточно средств, чтобы помогать вдове капитана и трем его детям. Итак, Натаниэль поехал в Боуден, на дилижансе, в который на одной из остановок вошел Франклин Пирс, через тридцать два года ставший президентом Соединенных Штатов. Его правление было самым неинтересным, зато он был джентльменом и хорошим другом. Пирс был уже второкурсник и мог многое рассказать о жизни в Бранзвике. Бранзвик в то время был полон будущими знаменитостями. Там учились Пирс и Готорн, с Готорном на одном курсе учился поэт Генри Лонгфелло, а среди однокурсников Пирса был Кальвин Стоу, будущий муж писательницы Гарриет Бичер-Стоу. Там учился Джонатан Силли, которому было суждено через восемнадцать лет заслужить печальную славу единственного конгрессмена, убитого на дуэли другим конгрессменом.

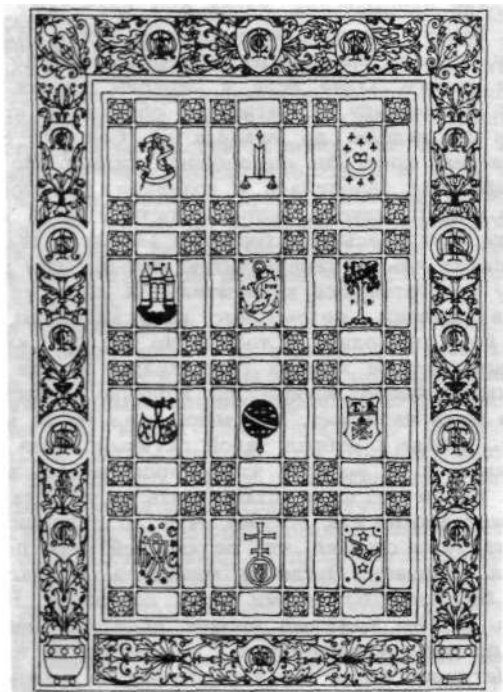
Много ли семнадцатилетних юношей знают, «чем

они хотят заниматься», когда они поступают в колледж? Теперь, впрочем, еще меньше, чем в 1821 году, потому что в те времена из университета было только четыре дороги. Одна вела в церковь, другая в суд, третья в больницу, а четвертая обратно в колледж. Готорн за неделю до отъезда из Сейлема еще не был уверен, хочет ли он вообще учиться. Но мысль об учебе уже зародилась в сознании, как показывает его письмо матери, которая гостила тогда у брата в штате Мэн. Письмо датировано 13 марта 1821 года:

«Всяких книг я теперь читаю меньше, чем раньше, потому что готовлюсь к занятиям. Я согласен поступить в колледж, потому что ведь каникулы я все равно буду проводить с тобой. Но все же жаль выбрасывать четыре лучших года жизни. Я еще не решил, какую выберу профессию. Конечно, о пастырстве и речи быть не может. Я думаю, даже ты не можешь желать, чтобы я избрал такой скучный образ жизни. Нет, мама, я не рожден, чтобы произрастать все время на одном месте и чтобы жить и умереть тихим и безмятежным, как — лужа. Что до законников, то их и так уже столько, что по крайней мере половина из них голодает. Остается медицина. Однако я не хотел бы жить болезнями моих братьев. На мою совесть лег бы тяжелый камень, если бы мне пришлось послать какого-нибудь злосчастного пациента «ad infernum», что в переводе значит «в нижнее царство». О, если бы я мог быть достаточно богат, чтоб жить без профессии! Как ты думаешь, не стать ли мне писателем и не положиться на свое перо? Право же, мои писания совсем по-писательски невразумительны. Какую гордость ты бы испытывала, видя, как критики хвалят мои сочинения наравне с лучшими произведениями наших отечественных писак! Но писатели обычно бедны, так что к черту их...»

«Никому не показывай это письмо», — добавлено после подписи, и такова уж участь человеческая, что именно это письмо стало известно всем!

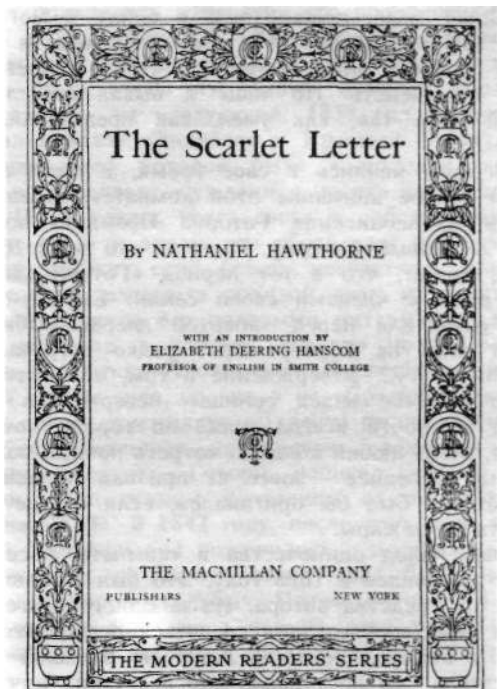
Однокашники Готорна знали по крайней мере, что они собираются делать, когда закончат колледж. Силли и Пирс стали юристами, Стоу остался в Бранзвике



Разворотный титул «Алой буквы»

библиотекарем и через год поступил в Андоверскую духовную семинарию. Лонгфелло поехал в Европу, готовясь занять место на кафедре современных языков в своем родном колледже. А Готорн вернулся в Сейлем и десять лет провел в одной комнате. Это были годы тягостного одиночества, описанные им позднее:

«Вот я сижу в моей старой привычной комнате, где я часто сидел в дни минувшие... Здесь я написал много рассказов, сожженных и уцелевших, но достойных той же судьбы. В этой комнате, наверно,



Разворотный титул «Алой буквы»

живут духи, ибо тысячи и тысячи видений являлись мне здесь, а некоторые из них стали даже видимы для всего мира. Если у меня когда-либо будет биограф, он должен уделить особое внимание этой комнате, потому что столько лет моей одинокой молодости бесплодно протекли здесь, здесь сложился мой ум и характер, здесь я радовался и надеялся, здесь впал в отчаяние. И здесь я долго и терпеливо ожидал, когда же мир узнает обо мне, и подчас недоумевал, почему же еще мир не узнал меня, узнает ли вообще —

по крайней мере, прежде чем я сойду в могилу. А иногда мне казалось, что я уже в могиле, и жизни во мне осталось лишь настолько, чтобы медленно остывать и цепенеть. Но чаще я бывал счастлив, по крайней мере так, как умел, как представлял себе счастье».

Биографы явились в свое время, и один из них «уделил особое внимание этой комнате», назвав одну из глав жизнеописания Готорна «Комната под сводами». А первый биограф Готорна, его зять Джордж Латроп, пишет, что в тот период «Готорн мало общался даже с членами своей семьи. Ему приносили еду и оставляли перед запертой дверью. Обитатели старого дома на Герберт-стрит редко встречались в семейном кругу... Утверждение о том, что Готорн несколько лет «не видел солнца», неверно, но правда то, что он почти всегда гулял по городу ночью, и, говорят, очень любил ходить смотреть ночные пожары». Впрочем, последнее — вовсе не признак гениальности; наоборот, он был бы оригинален, если бы не любил смотреть на пожары.

Первый плод одиночества в «комнате, населенной духами», появился в 1828 году. Это был «Фаншо», изданный на средства автора. Из-за одного этого книга должна была впоследствии сделаться редкостью, потому что у Готорна не было денег на большой тираж. Но писатель сам постарался впоследствии уничтожить это издание, так что от автора и времени удалось спастись не более чем двадцати экземплярам. Готорн писал также для ежегодника «Болтовня», издателем которого был Дж. Гудридж (Питер Парли). Вместе с сестрой они составили «Всемирную историю Питера Парли» — на основе географии, не менее удачную, чем сто семьдесят других книг, вышедших с именем Питера Парли, которых, по сообщению их неутомимого издателя, к 1856 году разошлось до семи миллионов экземпляров¹. Но имя самого Готорна тогда

¹ Так называемый Питер Парли вел с читателями, преимущественно юными, общедоступные беседы о всевозможных науках. Книги эти переводились и в России, например, «Беседы Питера Парли о солнце, луне и о звездах».

еще не появлялось в печати. Это произошло позднее, в 1837 году, с выходом «Дважды рассказанных историй», включивших восемнадцать рассказов, из которых восемь были взяты из разных номеров «Болтовни». В «Болтовне» за следующий, 1838 год Готорн опубликовал новеллу «Эндикотт и Красный Крест», одним из персонажей которой была «...молодая женщина, довольно красивая, осужденная носить на груди платья букву П на глазах всего света и собственных детей. И даже ее дети знали, что обозначает эта буква. Выставляя напоказ свой позор, несчастная, доведенная до отчаяния, вырезала роковой знак из красной материи и пришила его золотыми нитками, по возможности изящнее, к платью, так что можно было подумать, что буква П означает «Прелестная», или что-нибудь в этом роде, но никак не «Прелюбодейка».

На одном экземпляре «Дважды рассказанных историй», переплетенных коричневым сафьяном по его особому желанию, Готорн написал: «Мисс Софии Пибоди, с искренним почтением от ее друга, Нат. Готорна. 1838». В 1842 году, после трех- или четырехлетней помолвки они поженились и поселились в доме в Конкорде, где через четыре года были написаны «Легенды старой усадьбы». Потом Готорны вернулись в Сейлем, а еще через четыре года произошла его знаменательная встреча с Филдсом.

III

Верный своему слову, Филдс на следующий день приехал в Сейлем «в таком необыкновенном волнении», что бывший таможенник «никак не мог поверить, что с ним говорят вполне серьезно». Как ни сомневался Готорн в серьезности похвал Филдса, он во всяком случае мог видеть, что тот действительно намерен издать его произведение. Следующие дни прошли в обсуждении деталей. Готорн хотел выпустить книгу новелл, подобно «Дважды рассказанным историям» и «Легендам старой усадьбы». Он хотел назвать ее «Легенды былого, а также наброски, экспериментальные и вдохновенные». Рукопись, которую читал Филдс, должна была занять в книге около двухсот страниц.



Иллюстрация к «Алой букве».
Эстер выходит из тюрьмы

Это была повесть, называемая «Алая буква». Готорн считал ее слишком «мрачной», чтобы быть изданной отдельно. Филдс держался обратного мнения и в конце концов победил. Незадолго до того, как решение было принято, Готорн писал Филдсу:

«В рассказе нет отклонений от темы и нет никакого разнообразия, кроме различных поворотов той же мрачной идеи, поэтому, я думаю, он многим покажется утомительным, а некоторым даже отвратительным. Не рискуем ли мы, ставя судьбу всей книги на одну эту



Иллюстрация к «Алой букве».
Перл и Алая буква

карту? Охотник заряжает ружье пулей и несколькими дробинками. Следуя этому благоразумному примеру, я хочу объединить одно длинное произведение с полдюжиной коротких, чтобы в том случае, если не удастся попасть в публику самым крупным зарядом, я еще мог бы надеяться на более мелкие. Впрочем, я готов довериться вашему суждению и не огорчусь, если вы будете настаивать на отдельном издании.

В последнем случае единственным подходящим заголовком может быть «Алая буква», ибо «Таможня» —

это введение, своего рода дверь в целое здание, которую я распахиваю для своих гостей. Было бы смешно, если бы они предпочли там остаться у входа, видя впереди темноту и угрюмость! Если название книги будет «Алая буква», то нельзя ли напечатать его на титульном листе красной краской? Я не уверен, что это в хорошем вкусе, но несомненно это пикантно и уместно, и, я думаю, послужит приманкой для публики».

Рукопись «Алой буквы» была закончена 3 февраля 1850 года. На следующий день Готорн писал другу:

«Я только вчера закончил мою книгу; начало уже печатается в Бостоне, а конец до последнего дня был еще здесь в Сейлеме у меня в голове, так что, как видишь, это история не меньше четырнадцать миль длиной... Моя книга, по словам издателя, выйдет не раньше апреля. Он говорит о ней с восторгом, как и миссис Готорн, которой я вчера вечером прочитал конец. Она очень расчувствовалась и ушла спать с головной болью, что я считаю своим большим достижением. Судя по воздействию повести на мою жену и на издателя, я мог бы ожидать крупного успеха. Однако я ни на что подобное не рассчитываю. Некоторые части книги написаны сильно, но мои сочинения не отвечают и никогда не будут отвечать вкусам широкой публики, а потому не получают большой популярности. Некоторым они очень нравятся, другие ничего в них не находят. В книге есть введение, описывающее мою жизнь на таможне. Оно написано с фантазией и, может быть, окажется более привлекательным, чем само повествование, в котором не хватает солнечного света и проч. Сказать правду, дьявольски мрачная книга, в которую просто невозможно было внести радостную ноту».

«Алая буква» вышла в середине марта, т. е. через полтора месяца после того, как была написана. По словам Латропа, первое издание в пяти тысячах экземпляров разошлось в течение десяти дней. Мы помним, что Филдс вначале обещал издавать по две тысячи экземпляров «всего, что автор напишет». Прочтя рукопись, он, возможно, решил увеличить тираж, но вряд ли думал, что дойдет до пяти тысяч. Для этого

у Филдса было слишком много профессиональной осмотрительности, или, может быть, вернее сказать, недостаточно профессиональной дальновидности. С технической точки зрения, маловероятно, чтобы тираж был пять тысяч экземпляров, так как не было сделано матриц.

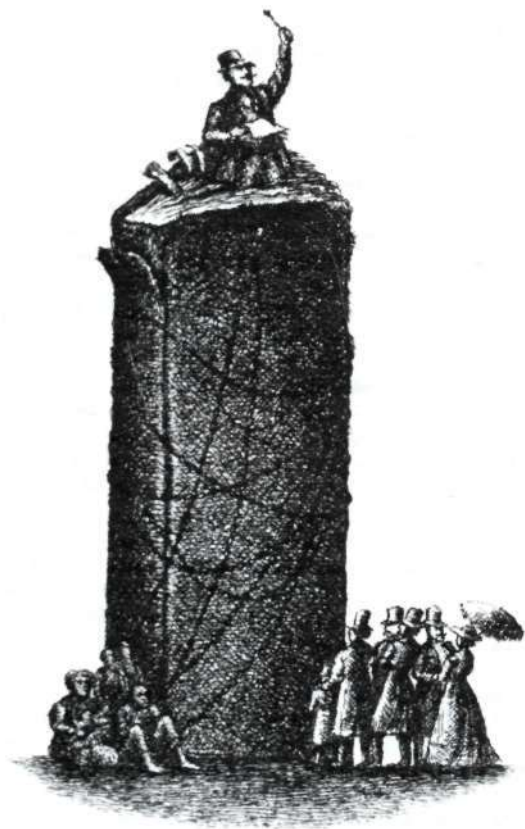
Второе издание вышло 30 марта 1850 года, во всяком случае, эта дата стоит под предисловием к нему. Для третьего издания текст был заново набран и сделаны матрицы, поскольку предприятие было явно удачным и издатель это понял. «Алая буква» не стала сенсационным бестселлером, как «Хижина дяди Тома», но все же это был тот случай, когда издатель мог сожалеть о том, что его право на издание не вечно.

Популярность книги была такова, что уже через год после ее появления вышло три разных ее издания в Англии. В том же году в Лейпциге был издан немецкий перевод, а в 1853 году — французский перевод в Париже. Появились три инсценировки повести и даже одна опера. Со временем «Алую букву» экранизировали, и этот фильм, с Лилиан Гиш в роли Эстер Прин, был одним из последних фильмов немого кино.

«Алая буква» вышла в коричневом переплете, в каком выходили все книги издательства Филдса и без которых трудно представить Бостон пятидесятых годов. На четырех страницах помещалась реклама, делающая честь любому издательству: в списке рекламируемых изданий были произведения Лонгфелло, Лоуэлла, Браунинга, Теннисона, Ли Ханта, Де Квинси¹. Название «Алая буква» было напечатано на титульном листе красной краской, как хотелось Готорну. Филдс, очевидно, не считал это нарушением хорошего тона. Красная надпись была сохранена и во втором и в третьем изданиях.

Первоиздания «Алой буквы» ценятся, конечно, высоко, но «Алая буква» вряд ли догонит «Фаншо», которого Готорн, почти уничтожив тираж, сам невольно сделал большой библиографической редкостью.

¹ Выдающиеся английские и американские писатели, произведения которых стали классикой.



ГАРРИЕТ БИЧЕР-СТОУ И «ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА»

I

20 января 1837 года некий д-р Кальвин Э. Стоу, профессор Лейнской духовной семинарии в Цинциннати, прибыл в Нью-Йорк на судне «Гладиатор». Его путешествие из Лондона длилось два месяца и один день, что очень много даже по тем временам. Несомненно, д-р Стоу успел дорогой обдумать доклад, который он собирался представить семинарии и штату Огайо. Доклад был посвящен системам образования в Европе и в первую очередь в Пруссии, этой «образцовой маленькой стране». Д-р Стоу был вторично женат немногим больше года и встретил в открытом море первую годовщину свадьбы.

В Нью-Йорке он узнал, что за время отсутствия стал отцом двух девочек-близнецов, Элизы и Изабеллы. Имя одной было выбрано в честь первой жены д-ра Стоу, Элизы Тайлер, с которой мать близнецов была очень дружна. Вторую девочку она назвала в честь своей сводной сестры. Д-р Стоу опоздал к крестинам на четыре месяца, но все же пожелал сказать свое веское слово. Его дочери должны вступить в жизнь под именами Элиза Тайлер-Стоу и Гарриет Бичер-Стоу, то есть каждая должна носить имя одной из дорогих подруг его жизни.

II

Мать девочек, Гарриет Бичер-Стоу-старшая, в девичестве Гарриет Элизабет Бичер, родилась двадцать шесть лет тому назад в Коннектикуте, в прелестной маленькой деревне Личфилд, стоявшей на холме. У

нее было два младших брата, и мужское большинство сказывалось в этой семье со строгими религиозными и педагогическими взглядами. Хэтти, как ее звали все дома, рано обнаружила склонность к литературе определенного сорта. В двенадцать лет она выступила на Личфилдской академической выставке с собственным сочинением объемом примерно в две тысячи слов. Оно называлось: «Можно ли доказать бессмертие души в силу ее собственной природы». Вот две фразы из него: «Первый аргумент для доказательства бессмертия души вытекает из самой природы духа. Дух не состоит из частей, не подвержен делению и распаду, поэтому, раз он не разрушается, то будет существовать вечно».

В 1832 году Хэтти Бичер начала писать школьный учебник по географии и закончила его в 1833 году. Семья тогда уже жила в Цинциннати, где глава семьи стал президентом Лейнской семинарии. Через год Гарриет приняла участие в конкурсе на лучший рассказ, установленный «Западным ежемесячником», и победила, получив приз в пятьдесят долларов. Рассказ назывался «Дядя Лот». Редактор «Ежемесячника», должно быть, позаимствовал идею конкурса у «Субботнего посетителя» в Балтиморе, только что присудившего такую же сумму Эдгару По за рассказ «Рукопись, найденная в бутылке». После этого Гарриет еще несколько раз печаталась в журналах, но сосредоточиться на литературной работе ей не давали разные обстоятельства — начало семейной жизни, хлопоты с путешествием мужа, появление близнецов.

Вне семейного круга тоже было много тревожных событий, отвлекавших от мирного сочинительства. Будучи за границей, д-р Стоу получил от жены письмо, сообщавшее о разгроме редакции газеты «Филантроп», выступавшей против рабства. Отцы города остались к этому событию совершенно равнодушными. Редактор газеты Джеймс Берни, однако, отделался легче, чем его преподобие Э. П. Лавджой из Алтона (штат Иллинойс) — редактор «Обозревателя» и близкий друг брата Гарриет, Эдварда. Лавджой был убит, после того как трижды была разгромлена его типография. Проб-



Гарриет Бичер-Стоу в 1853 г.
Рисунок Дж. Ричмонда

лема рабства волновала Гарриет с девятилетнего возраста, с того времени, когда ее отец, возмущенный Миссурийским компромиссом (запрещение рабства севернее тридцать шестой параллели), воодушевился до такой степени, что его красноречие, по словам Гарриет, «вызвало слезы на суровых лицах старых фермеров-прихожан». В Цинциннати только река отделяла ее от этой проблемы. На другом берегу Огайо был уже Юг, где владение людьми было узаконено. Когда рабам удавалось бежать, «мы никогда не отворачивались от беженцев, — писала Гарриет, — и помогали им

всем, чем могли». А возможностей помочь беглым было у них не так уж много.

III

Несмотря на растущие семейные заботы и тревожную обстановку, миссис Стоу сумела сделать небольшую литературную карьеру. Вряд ли она тогда мечтала о славе, но д-р Стоу мечтал за нее и еще раз показал, что имел твердое мнение относительно имен: «Моя дорогая, — писал он ей, когда она гостила на Востоке в 1842 году, — ты должна стать писательницей. Это предназначено тебе судьбой. Соответственно этому, освежи свою память. Выкинь «Элизабет» из своего имени. Оно портит его, нарушая плавность и благозвучие. Подписываясь полностью и всегда Гарриет Бичер-Стоу, это имя благозвучно, плавно и полно значения. Тогда, будь уверена, твой муж воспрянет духом, а твои дети назовут тебя благословенной».

В 1843 году вышел сборник рассказов и очерков «Мэйфлауэр»¹. Он не вызвал сенсации, но, по крайней мере, был более к лицу «писательнице», чем учебник географии. Следующая книга вышла только через девять лет. Как ни сильна тяга к литературе, все же трудно писать шедевры, растя шестерых детей.

В 1849 году профессор Стоу получил приглашение в Боуденский колледж, и, хотя в Нью-Йорке ему предлагали 2300 долларов в год, а в Боудене только 1000, из которой от 75 до 100 долларов надо было платить за дом, чувство возобладало над разумом. Он был сам выпускником Боудена, однокашником Франклина Пирса, который, став потом президентом Соединенных Штатов и поселившись в Белом доме, таким образом временно решил свою жилищную проблему. Пирс и Стоу оба были из выпуска 1824 года, поэтому они несомненно чувствовали превосходство над выпускниками 1825 года — Лонгфелло и Готорном.

Госпожа Стоу первой отправилась на Восток, взяв троих детей с собой, а троих других оставив на по-

¹ Символическое заглавие: так назывался корабль, на котором прибыли в Америку первые поселенцы из Европы.

печении мужа, справедливо решив таким образом проблему переезда семьи. В Бруклине она провела неделю у брата Генри, жалование которого было 3300 долларов в год и которому любящие прихожане как раз подарили «красивую лошадь и коляску стоимостью в 600 долларов». Сама Хэтти в то время обдумывала, как бы обставить на 150 долларов свой новый дом в Бранзвике. Несколько месяцев спустя она писала мужу: «У меня нет сомнения, что наши издержки в этом году превысят доход на двести долларов, если не больше... Я могла бы рассказами зарабатывать еще долларов четыреста в год, однако не хочу насильно, устав от уроков с детьми, от забот о маленьком, от покупок, от починки платьев и штопанья чулок, садиться и писать по обязанности для какой-нибудь газеты».

Это было написано в канун 1851 года. Меньше чем через два месяца пришло вдохновение, положившее конец всем заботам о еде, мебели и обуви. Это было действительно чистое вдохновение, если оно вообще бывает. В биографии матери Чарлз Стоу рассказывает, что когда она сидела в церкви на службе, «вдруг, словно разворачивающееся полотно, перед ее мысленным взором возникла сцена смерти дяди Тома. Она была так потрясена, что едва сдержала рыдания. Придя домой, она немедленно взяла ручку и бумагу и записала видение, которое ворвалось в ее душу, как будто было принесено мощным ветром. Собрав вокруг себя семью, она прочла написанное. Двое младших, десяти и двенадцати лет, затряслись от слез, и один из них сказал, рыдая: «О, мама! Рабство самая жестокая вещь на свете».

IV

Писательница с такой живостью принялась превращать свое видение в рукопись, что уже 5 июня 1851 года в «Национальной Эре» в Вашингтоне началось серийное издание еще не законченной книги. С появлением ее первого номера 1 января 1847 года «Национальная Эра» стала главным органом пропаганды аболиционистов. Своим влиянием газета в большой степени обязана редакторскому таланту Гамалиэля Бейли.

Получив в возрасте двадцати одного года медицинское образование, он плавал судовым врачом в Китае, по возвращении редактировал в Балтиморе «Методиста-протестанта», потом стал больничным врачом в Цинциннати, но затем вернулся к журналистике, став сотрудником редактора Берни в «Филантропе» в 1836 году. После нападения на редакцию он остался единственным редактором газеты, поскольку прежний глава редакции посвятил себя деятельности пропагандиста в публичных собраниях и законодательных учреждениях свободных штатов. В 1840 и 1844 годах Берни был кандидатом на пост президента от аболиционистов. В первый раз он собрал 7369 голосов, на следующих выборах уже 62 263.

Новый орган аболиционистов сразу оказал поддержку борьбе с рабством. На втором году своего существования он уже был гоним. Толпа противников караулила у подъезда редакции три дня, пока Бейли не удалось уговорить их разойтись. Ни Бейли, ни Берни не увидели плодов своих усилий. Из шести сыновей Берни пятеро были офицерами армии Соединенных Штатов, четверо из них умерли от ран и болезней, полученных во время службы. Сам Берни, уроженец Юга, в 1839 году освободил двадцать одного своего раба. Это было время, когда люди имели мужество следовать своим убеждениям.

Сочинение, которое миссис Стоу послала в «Национальную Эру» по просьбе Д-ра Бейли, называлось «Жизни дяди Тома, или Жизнь среди низов». Сначала предполагалось, что повесть займет всего несколько номеров, но интерес к ней оказался так велик, а сама миссис Стоу так убеждена, что совершает святое дело, что серия продолжалась до апреля следующего года. Когда издание закончилось, «Эра» писала: «Миссис Стоу наконец завершила свое великое дело. Мы не помним какого-либо произведения американского писателя, возбудившего более широкий и глубокий интерес». За это издание она получила триста долларов.

Среди тех, кого заинтересовала повесть в «Эре», был Джон П. Джуэтт, глава издательства в Бостоне. Он сам был страстным аболиционистом, уроженцем

штата Мэн и бывшим учеником в книготорговом и переплетном заведении в Сейлеме. Его издательство выпускало разнородную литературу, особо принимая во внимание полезность. «Хижина дяди Тома» казалась ему верной ставкой. Он надеялся издать книгу на началах «равных затрат — равных прибылей», т. е. хотел, чтобы автор взял на себя половину расходов по изданию, а потом поделился бы выручкой. На это д-р Стоу, который вел дела своей жены, возразил, что бюджет семьи не позволяет ему брать таких обязательств. В конце концов Джуэтту пришлось согласиться взять весь риск на себя.

С разрешения «Эры» Джуэтт выпустил книгу в двух томах 20 марта 1852 года, т. е. за два номера до окончания серии. По словам Чарлза Стоу, первое издание было в пять тысяч экземпляров. Три тысячи были проданы в первый же день. Второе издание разошлось полностью к концу марта. К августу ошеломленная домохозяйка из Бранзвика получила уже 10 000 долларов. Одни доходы с этой суммы превышали те ежегодные четыреста долларов, которые она надеялась зарабатывать рассказами для газет. За лето количество проданных экземпляров достигло ста двадцати тысяч, а спрос все не падал. Книга разошлась в трехстах тысячах экземплярах раньше, чем ей исполнился год. Если учесть возросшее с тех пор население, то этой цифре сегодня соответствовало бы полтора миллиона экземпляров.

Беспрецедентный успех книги, должно быть, подорвал отношения между М. Филлипсом и Уильямом Ли, партнерами по фирме Филлипс, Сэмпсон и компания. Сестра Гарриет Кэтрин обратила внимание мистера Филлипса на серию в «Эре», и тот говорил о ней с мистером Ли. Ли, однако, не проявил интереса: издательство имело широкую клиентуру на Юге и, более того, держало за правило не вмешиваться в политику. Поэтому книге был оказан такой холодный прием. Что ж, книгоиздатели никогда не умели заранее угадывать бестселлер.

«Хижина дяди Тома» впервые вышла в черном переплете, с виньеткой на титульном листе, внутри ко-

UNCLE TOM'S CABIN;

OR,

LIFE AMONG THE LOWLY.

BY

HARRIET BEECHER STOWE.



VOL. I.

BOSTON:
JOHN P. JEWETT & COMPANY.
CLEVELAND, OHIO
JEWETT, PROCTOR & WORNINGTON.
1852.

Later printings were indicated under the volume designation

«Хижина дяди Тома».
Титульный лист первого издания

торой «дети валяются на полу маленькой хижины», или по крайней мере, один из них валяется на земле у самого входа в нее. То же изображено на обложке золотом. Некоторые экземпляры были переплетены

лиловой материей, с четырьмя золотыми линиями по краю, охватывающими не только виньетку с картинкой, но и орнаменты по углам, наверху и внизу, тоже золотые. Все это было сделано на крышках переплета. Корешок был украшен золотым орнаментом из цветов. Обрез был тоже золотой. Эти экземпляры, очевидно, предназначенные автору и издателям для раздачи, встречаются гораздо реже простых черных. Более нарядный переплет использовался и в других изданиях. Так оформлены, например, экземпляры с пометкой «Десятая тысяча». Для рождественской торговли издатели приготовили богато иллюстрированное однотомное издание. Первое издание, кроме виньетки на обложке и титульном листе, содержало шесть иллюстраций, по три — в каждом томе. На титульном листе о них почему-то не упоминается.

В Англии книга расходилась еще быстрее. В течение 1852 года в Лондоне вышло более двадцати изданий, но автору было заплачено только за одно из них. Его редактор Томас Босуорт сообщал в рекламе: «Издатель считает нужным заявить, что автор «Хижины дяди Тома» прямо заинтересован в распродаже этого издания, и он надеется, что это, а также превосходство технического исполнения и низкая цена издания привлекут к нему больше покупателей, чем к какому-либо другому, выпущенному в этой стране». Книга содержала «Предисловие автора, написанное специально для этого издания», интересное тем, что оно отвечало на критику английских читателей.

«Автор видел в английской печати замечания по поводу параллели, проведенной... между положением английской трудящейся бедноты и рабами в Соединенных Штатах. Следует помнить, что эти идеи высказаны в драматическом эпизоде книги и вложены в уста благородного и великодушного рабовладельца. Невозможно было драматично представить этого героя, не проводя такой параллели. Вся печать Юга, всякий политик на Юге оправдывает рабство тем, что рабу живется гораздо лучше, чем трудящемуся классу какой-либо другой страны, за исключением, возможно, Свободных Штатов Америки; и они более охотно при-

входят данные о положении бедноты в Англии, чем в другой стране, потому что иначе невозможно было бы сносить то общественное возмущение рабством, пример которого подает английская нация.

Наши представления о положении английской бедноты взяты из современной английской литературы. Такие произведения, как «Булавочные головки», «Кружевницы» и «Элен Флитвуд» Шарлотты Элизабет, где все ужасные детали подтверждены парламентскими отчетами и другими документами, произведения Диккенса и автора «Алтона Лока» и «Дрожжей»¹, широко распространены в нашей стране и вызвали не меньше волнения по поводу условий английской бедноты, чем волнение, вызванное в Англии подробностями о рабстве в Америке.

Так неразрывно переплетены судьбы человечества, что всякое усилие, предпринятое в Англии к улучшению положения трудящейся бедноты, действует в пользу интересов свободы в Америке; и когда всеми средствами, которые сейчас используются и еще будут использоваться, положение бедноты будет действительно и навсегда улучшено, — тогда благородный пример свободы человека в Англии будет оказывать непрерывное воздействие. Правильно было сказано, что в наши дни поднимается сила, которая больше силы армий и флотов, — «общественное мнение наций». Оно должно, наконец, положить конец всякой форме несправедливости и жестокости».

Другое замечание было встречено так:

«О дяде Томе говорили, что он неправдоподобен. Во-первых, писатель имеет право на художественный вымысел; кроме того, автору хотелось бы привести слова одного рабовладельца, описывающего своего любимого раба.

Нижеследующее было взято из опубликованного завещания судьи Апшера, покойного министра иностранных дел при президенте Тайлере:

«Я даю свободу моему слуге, Дэвиду Райсу, и велю

¹ Второстепенный, но популярный в свое время романист Чарлз Кингсли.

моим душеприказчикам дать ему сто долларов. Я рекомендую его всякому обществу, в котором ему придется жить, как достойного уважения и доверия. Он был моим рабом двадцать четыре года, в течение которых пользовался моим безграничным доверием. Его положение в моей семье ежедневно предоставляло ему случай обмануть нас или причинить нам вред, но он ни разу не был замечен в серьезном проступке или даже ненамеренном нарушении правил, приличествующих его положению. Его ум благороден, цельность его характера выше подозрений, его понятия о том, что правильно и прилично, верны и даже возвышенны. Я думаю, что он достоин получить от меня этот документ и начать новую жизнь по причине долгой и верной службы и искренней и постоянной дружбы, которую я к нему питаю. За все время я не сказал ему ни одного резкого слова, ибо не имел на то причины. Я не знаю другого человека, который имел бы так мало недостатков и так много достоинств, как он».

Райс получил завещанную ему сумму в 1845 году, после того, как на пароходе «Принстон» взорвалось ружье в присутствии судьи Апшера и Джилмера, министра морского флота. Сам президент тоже был на борту, но ему повезло — в этот миг он находился внизу. Интересно, какова дальнейшая судьба внезапно разбогатевшего Райса?

Несмотря на низкую цену (три с половиной шиллинга), издание Босуорта вряд ли раскупалось с той же скоростью, что и остальные лондонские издания. Это издание имело серьезный недостаток: в нем не было иллюстраций. Самое известное из иллюстрированных изданий «Хижины дяди Тома» (кстати, оно стоило почти вдвое меньше, чем издание Босуорта) вышло в тринадцати еженедельных номерах, каждый из которых содержал две гравюры Джорджа Крукшенка, иллюстратора Диккенса. Имя художника было напечатано на обложках крупнее, чем имя г-жи Стоу, и не случайно: Крукшенк уже рисовал иллюстрации, когда Гарриет Элизабет Бичер еще не родилась. Это издание — единственное, когда «Дядя Том» печатался



Фронтиспис лондонского издания 1853 г.
Гравюра Дж. Дж. Хинклифа

по частям, — теперь очень редко. Рекордная цена его на аукционе 1926 года 150 долларов. Последовавшее за ним однотомное издание с иллюстрациями Крукшенка стоит теперь около двадцати пяти долларов. В 1853 году вышло лондонское издание «Дяди Тома» со ста пятьюдесятью иллюстрациями Джорджа Томаса и Т. Маквоида. Под заголовком помещалось объяснение: «Рассказ о жизни рабов в Америке» — чтобы никто не подумал, что дядя Том — это добрый английский сквайр, а его хижина — домик где-нибудь в Швейцарии.

Экземпляров первого издания «Хижины дяди Тома» сейчас осталось очень мало. Так обычно случается

с книгами, которые раскупаются в неделю и распространяются по стране, как пожар в прерии. Их быстро зачитывают до дыр. Книга стала такой редкостью, что у обладателей одного из ранних изданий может возникнуть соблазн выдать его за самое первое, что уже не раз случалось. На титульных листах обоих томов во всех ранних изданиях, кроме первого, указано количество выпущенных уже экземпляров. Вот эту строчку достаточно стереть, чтобы книгу, датированную 1852 годом, можно было выдать за первоиздание. Однако каждый книготорговец и коллекционер знает это и не купит книгу, не посмотрев титульный лист на свет.

Первой такой надписью была пометка «Десятая тысяча». Это наводит на ужасную мысль. Если Чарльз Стоу прав, и первое издание составляло пять тысяч экземпляров, то значит, было второе издание, о котором нет никаких указаний на титульном листе и которое, следовательно, неотлично от первого. Библиографы еще не нашли способа их различать. Возможно, издания ничем и не отличаются друг от друга.

V

«Хижина дяди Тома» вызвала появление на свет романа Мэри Истмен «Хижина тети Филлис, или Жизнь на Юге как она есть», вышедшего в 1852 году в Филадельфии. Книгу открывало предисловие на четырнадцать страниц, в котором автор пытался доказать, что рабство оправдано библией. Ни в предисловии, ни в самом романе нет упоминания о миссис Стоу, но шестнадцать страниц «Заключительных примечаний» целиком посвящены ей и «Хижине дяди Тома». Аргументы миссис Истмен нарочито ироничны. Говоря о плантаторе Легри, она восклицает: «Можем ли мы судить об обществе по нескольким отдельным случаям? Если так, то ученые профессора в Новой Англии берут в долг деньги, а когда не хотят их возвращать, убивают своих кредиторов и разрезают их на части». Нарочито говоря во множественном числе о «профессорах», миссис Истмен, вероятно, имела в виду действительный случай, когда в ноябре

1849 года некий профессор Вебстер, заведовавший тогда кафедрой химии и минералогии в Гарвардском университете, убил Джорджа Паркмена, слишком настойчиво требовавшего оплаты векселя, и попытался сжечь труп в лаборатории Медицинского колледжа. К несчастью для профессора, как, впрочем, и для самого Паркмена, убитый имел вставную челюсть, которую узнал потом сделавший ее зубной врач. В 1850 году Вебстер был повешен. События были еще свежи в памяти, и миссис Истмен была наверняка.

О дяде Томе она сказала следующее:

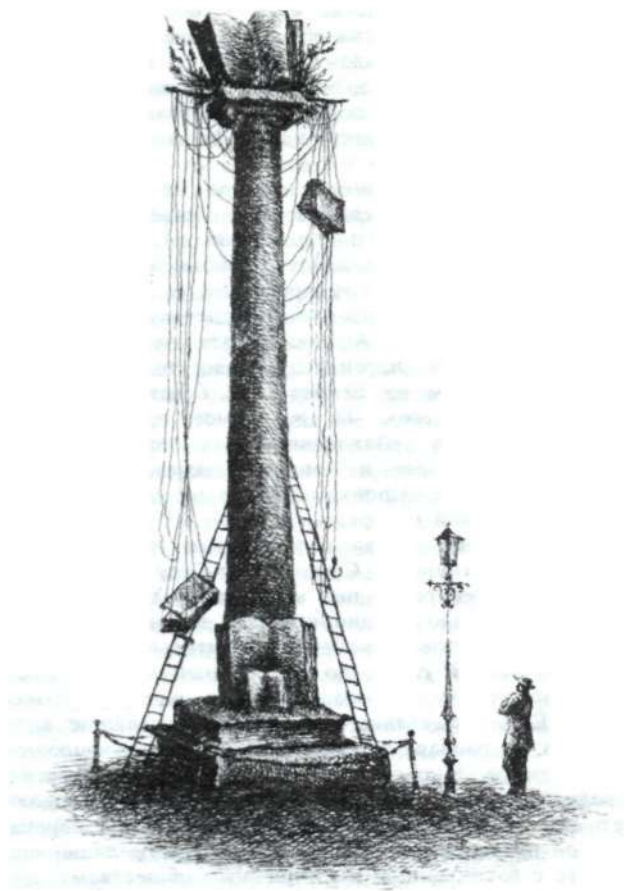
«И притом такой святой, как дядя Том! Следовало бы ожидать, что его хозяин будет держать его при себе до самой смерти, а потом по косточкам продаст католикам. Каждый его зуб принес бы доход. Св. Павел просто самый заурядный человек по сравнению с ним, потому что св. Павел один раз согрешил, и даже после своего чудесного превращения он чувствовал, что грех толкает его на поступки, которых он не хочет совершать. Совсем не то дядя Том! Он само олицетворение святости... Госпоже Стоу следовало бы дальше развить свои идеи и сделать его епископом Карфагенским. Я никогда не слышала и не читала о столь совершенном человеке. Все святые и мученики, когда-либо умершие неестественной смертью, не выказали столько достоинства. Я удивляюсь только, что он смог так долго пробыть в этом грешном мире».

Миссис Истмен — уроженка Виргинии и на семь лет моложе миссис Стоу. Семнадцати лет Мэри Гендерсон вышла замуж за капитана Истмена, который провел много лет в самых глухих пограничных фортах. Такая жизнь дала ей материал для нескольких ценных книг о жизни индейцев и их легендах. Краснокожих она рисовала убедительнее, чем чернокожих. Судьба отнеслась к ней с такой же иронией, какая сквозит в «Заключительных примечаниях». Ее сын, Роберт Истмен, закончив Военную академию в Вест-Пойнте, участвовал в Гражданской войне. Он вернулся в Вест-Пойнт инвалидом и умер двадцати пяти лет от ран, полученных в борьбе против зла, которое так упорно защищало перо его матери.

Бичер-Стоу тоже пострадала за свои принципы. Ее сын Фредерик вступил в первый Массачусетский полк добровольцем в начале войны, когда ему было двадцать два года, и к лету 1863 года был уже капитаном. Он получил тяжелую рану в голову в битве при Геттисберге, от которой так никогда и не оправился. После войны миссис Стоу купила ему плантацию во Флориде, но смена обстановки не помогла ему. В 1872 году он пустился в плавание вокруг мыса Горн до Сан-Франциско, надеясь, что морское путешествие принесет ему пользу. Он добрался до Сан-Франциско, но что случилось с ним дальше, так никто и не узнал.

Писательницы наверняка никогда не встречались. Если бы такая встреча произошла, общее горе заставило бы их забыть разногласия; но не только горе роднило их. Обе они одинаково туманно представляли себе решение негритянской проблемы. Вот проект Бичер-Стоу: «Когда просвещенное и христианизированное общество на берегах Африки будет иметь законы, язык и литературу, перенятые у нас, тогда, подобно иудеям, изгнанным из Египта, оно будет благодарно Тому, Кто спас его». То же самое предсказывала Мэри Истмен в «Заключительных примечаниях»: «...свободные цветные в Америке должны видеть в Либерии свой дом. Африка, некогда их мать, должна стать им приемной матерью».

«Хижина дяди Тома» в различных переложениях появилась и на сцене. Сама Бичер-Стоу написала в 1855 году инсценировку под названием «Христианский раб», но уже было поздно вступать в конкуренцию с толпой драматургов-выскочек, стремительно несшихся если не к вечной славе, то, по крайней мере, к коммерческому успеху. В побеге Элизы и вознесении маленькой Евы скрывались для театра богатейшие возможности, а гончая собака была на сцене воплощением кошмара. Мир содрогался и рыдал, и прекрасно проводил время, и вот уже восемьдесят лет продолжает это делать, взволнованный до глубины сердца картиной предвоенных невзгод «расы, доселе лишенной контакта с воспитанным и утонченным обществом».



УОЛТ УИТМЕН И «ЛИСТЬЯ ТРАВЫ»

I

Кранберри-стрит в Бруклине — это довольно невзрачная улица. Она пересекается с Фультон-стрит под железнодорожной эстакадой. Эта улица — наглядный пример упадка, в который приходит всякий район большого города, соседствующий с главными магистралями. Она по-деловому оживлена, но сама мало привносит в это оживление, а Кранберри-стрит еще меньше. Почти на самом перекрестке высятся опоры эстакады, и, расходясь широким стальным веером, образуют каркас Бруклинского моста. Но путь на мост не здесь. В нескольких метрах восточнее стоит Плимутская независимая церковь, самая знаменитая в этом городе церковь, а чуть подальше, с Бруклинских холмов, открывается лучший вид на нижний Манхеттен, особенно в ясные декабрьские сумерки. В четверти мили от перекрестка с Кранберри, у муниципального собрания, Фультон-стрит обретает респектабельность и превращается в полнокровную и процветающую торговую артерию самого большого района города, больше даже Манхэттена, который настоящий бруклинец и сейчас еще называет Нью-Йорком.

Процветание и респектабельность царили раньше и на углу Кранберри и Фультон-стрит. Правда, и теперь ничто не говорит о нищете или сомнительной репутации района. На южном углу перекрестка находится ресторан, а северный угол занимает цирюльня. Здесь определенно заботятся и о внешних, и о внутренних потребностях человека.

За шесть лет до начала Гражданской войны район

Кранберри и Фультон выглядел куда приветливей. Эстакада с ее грохотом еще не заслоняла солнца. Не было и Бруклинского моста. В Нью-Йорк добирались на пароме. Впрочем, любители необычных ощущений и сейчас могут им воспользоваться.

В здании на северном углу Кранберри и Фультон была типография Эндрю и Джеймса Роумов. Справочник того времени в замешательстве дважды упоминает слишком быстро выдвинувшегося Роума: один раз правильно и еще раз как Эндрю Г. Рума. Типография была тесная, но Роумы сумели найти место для высокого медлительного бородача тридцати шести лет — их друга Уолтера Уитмена с Райерсон-стрит. Ему было позволено стоять перед наборной кассой и возиться со шрифтом. Этот Уитмен, однако, не был праздным наблюдателем. Мастер на все руки, он и типографское дело знал неплохо. Стихи, которые он готовился выпустить летом 1855 года, были написаны не в уединенной тишине, а в суতোлке бродвейского омнибуса или его любимого фультонского парома. У него было мало денег и много свободного времени, набирать он умел, да и Роумы между делом изредка помогали ему — вот он и решил сам напечатать свои стихи.

Дома Уитмена звали Уолтом, чтобы не путать с отцом, который уже носил имя Уолтер. Уолт родился у Западных холмов, в тридцати милях от Бруклина, на Лонг-Айленде, в то время, когда Флорида сдалась Соединенным Штатам и вошла в их состав, и когда в Конгрессе шла борьба, закончившаяся Миссурийским компромиссом. Тогда наивно верили, что проблема рабства навсегда ушла с политического горизонта. Вскоре семья Уитменов переселилась в Бруклин, где Уолт недолго учился в школе, потом работал рассыльным у адвоката, помогал в приемной у врача, и, наконец, проучительствовав некоторое время в сельской школе, стал редактором газеты. Зенита своей карьеры он достиг в 1846 году, когда был назначен редактором «Бруклинского орла». Ему посчастливилось иметь «хорошего хозяина, хорошие деньги и легкую работу». Но блаженство было недолго. «Хороший хозяин» Айзек Ван Анден нашел повод для недоволь-



Уолт Уитмен в 1854 г. Гравюра
из первого издания

ства, и в январе 1848 года «были ссоры с боссом, и я потерял место». Потом была мимолетная встреча с редактором новоорлеанского «Полумесяца» в фойе бродвейского театра: «после пятиминутного разговора (и одной рюмки) мы заключили официальную сдел-

ку». Вторжение южан продолжалось всего несколько месяцев, и по возвращении домой Уитмен редактировал, читал лекции, потом помогал отцу строить и продавать дома в нижнем Бруклине. По всей вероятности, это было не особенно процветающее предприятие и к лету 1855 года оно заглохло. Тогда-то Уитмен и понес свои стихи в типографию Роумов.

Это был не первый его литературный опыт. Тринадцатью годами раньше вышел его роман «Франклин Эванз, или Пьяница», написанный явно по заказу. Этот роман, призванный «помочь великому делу Реформы и спасти молодых людей от демона Невоздержанности», разошелся в приложении к «Новому свету» в двадцати пяти тысячах экземпляров. Уитмен, постоянный посетитель ресторана Пфаффа на Бродвее, где о нем лестно говорили, что он «никогда не бывает пьян и всегда при деньгах», должно быть, писал книгу, думая только о двухстах долларах, которые за нее обещали. Позже он всегда бывал рад сменить тему разговора, если речь заходила о его первом и единственном романе. В нем заметно влияние Диккенса. Интересно, что в специальном приложении к «Новому свету», предшествовавшем «Франклину Эванзу» (оба вышли в ноябре 1842 года), печатались «Американские заметки» Диккенса, разошедшиеся в пятидесяти тысячах экземпляров в течение месяца.

II

Новая книга, над которой Уитмен работал в типографии Роумов в 1855 году, называлась «Листья травы». В июле она вышла.

В книге было только девяносто пять страниц, из которых десять были отведены предисловию, напечатанному в два столбца и занимавшему больше места, чем текст самих стихов. Остальные восемьдесят пять страниц занимали двенадцать стихотворений без названий, или, вернее, каждое имело один и тот же заголовок «Листья травы». Широкие страницы позволяли печатать стихи почти без переносов и представляли поразительное и величественное зрелище. Их благородная простота прекрасно гармонировала с первыми строками:



Уолт Уитмен. 1860—1861 гг. Рисунок С. Кейта.
Фронтиспис факсимильного издания

Я славлю себя и воспеваю себя,
И что я принимаю, то примете вы,
Ибо каждый атом, принадлежащий мне,
принадлежит и вам.
Пер. К. Чуковского

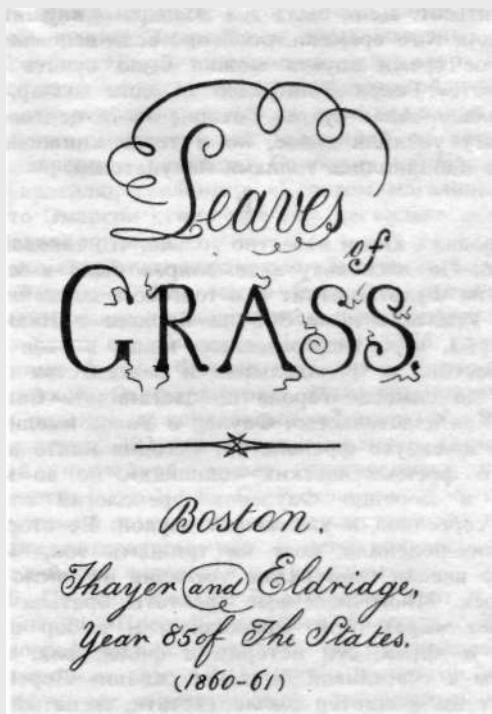
Книга была довольно тонкой — около полудюйма, включая обложку, — но переплетена с основательностью, достойной тома судебных протоколов. Обложка была из плотного картона, обтянутого темно-зеленой материей, размером одиннадцать с половиной на восемь дюймов. И спереди, и сзади был орнамент из листьев чего угодно, только не травы, обведенный тройной золотой рамкой. Чуть выше середины была надпись зо-

лотом «Листья травы», простыми крупными буквами с бахромой из корней. На корешке тоже золотом написано «Листья травы» и узор из листьев, обведенный золотом. Обрез был золотой, шмуцтитул — из «мраморной» бумаги, — словом, дорогая книга.

Однако не все первое издание вышло в таком виде. Некоторые экземпляры имели название только на передней обложке, не было золотой каймы и контуров на обложке и корешке, золотых обрезков тоже не было, а шмуцтитулы были простые — желтые. Вывод очевиден: книги были переплетены не все сразу. Когда стало ясно, что коммерческого успеха не будет, автор стал благоразумней и оставшиеся экземпляры переплел с большей экономией. У Горация — Уитмена не было другого Мецената, кроме самого Уитмена.

Зато у Уитмена была непоколебимая вера в себя и умение печатать и набирать. Этим он сэкономил себе все затраты на издание. Ему удалось каким-то образом достать бумагу и эскиз обложки и добиться, чтобы ему переплели книги. Имена благодетелей неизвестны и, конечно, никогда известны не будут. Все это сомнительное предприятие держалось единственно на расположении к автору, которого тот умел добиваться.

Много спорят о том, анонимно или нет вышли «Листья травы». Действительно, ни на титульном листе, ни на обложке не было имени автора. Титульный лист сообщал только: «Листья травы. Бруклин, Нью-Йорк, 1885». Однако на следующей странице помещался один из известнейших теперь дагеротипов в истории американской литературы. На нем был изображен бородастый мужчина тридцати с лишним лет, в рубашке с расстегнутым воротом и без галстука. Мягкая черная шляпа надета ближе к левому уху. Правая рука на бедре, левая на кармане брюк. Вся поза выражает достоинство и важность. Портрет не подписан, но всякому ясно, что это автор. Авторское право, указывалось на обороте титульного листа, принадлежит Уолтеру Уитмену. На двадцать девятой странице автор представлялся читателю: «Я Уолт Уитмен, я космос, я сын Манхеттена...», через две страницы он провозглашал: «Речь не измеряется речью, она всегда глумится надо



«Листья травы». Титульный лист
факсимильного издания

мной, она говорит, издаваясь: Уолт, ты содержишь немало, почему ты не дашь этому выйти наружу?» На странице 92 сообщались и подробности; оказывалось, что автор «родился в первый день мая, в 1819... и что я вырос шести футов ростом и достиг тридцатилетнего возраста в 1855».

Сколько экземпляров этого издания напечатано, точно не известно. Не больше девятисот, а может быть,

всего пятьсот. Цена была два доллара — внушительная сумма для того времени, особенно если вспомнить, что некоторое время спустя можно было купить «Песнь о Гайавате» Генри Лонгфелло за один доллар, и уже продавалась «Алая буква» Готорна за 75 центов. Позднее книгу уценили вдвое, но и тогда книжные магазины не наполнились толпами покупателей.

III

О продаже книги известно только, что таковой почти не было. По несколько экземпляров было в магазине Свейна на Фултон-стрит и в торговом заведении Фаулера и Уэллса в доме 308 на Бродвее в Нью-Йорке. Эта фирма, вероятно, разослала книги в свои филиалы в Бостоне и Филадельфии и в агентства по всей стране, до самого «города процветания» — Сан-Франциско. Как издательство, Фаулер и Уэллс имели склонность к лженауке френологии. Сегодня никто даже не шутит о френологических «шишках», но во времена Орсона и Лоренцо Фаулеров френология считалась вполне серьезной и уважаемой наукой. Ее сторонники в Европе поделили мозг на тридцать зон, Фаулеры и Уэллс внесли свой вклад, увеличив их число до сорока трех. Многочисленные трактаты братьев Фаулер включают «Брак, или Френология и выбор супруга» Орсона и «Брак, его история и философия, с руководством к счастливой семейной жизни» Лоренцо. Не уступает им и мистер Уэллс (кстати, женатый на сестре Фаулеров Шарлотте), написавший несколько позднее «Брак, или Правильные отношения полов». Фирма также выпускала «Водолечебный журнал». Редактировал его мистер Уэллс, который к тому же был пионером вегетарианства в Америке. Несмотря на столь явную склонность к причудам, Фаулеры и Уэллс умели торговать книгами. Но даже они не смогли распродать «Листья травы».

Наибольшего успеха добился, наверно, «Старый Угловой книжный магазин» в Бостоне и то благодаря энтузиазму и энергии знаменитого писателя Эмерсона. Профессор Перри, готовя свое исследование «Уолт Уитмен, его жизнь и творчество», пользовался экзем-

пляром первого издания, который был когда-то куплен по рекомендации Эмерсона в этом магазине. Перри также сообщает, что знаменитый экземпляр Теодора Паркера, находящийся теперь в Бостонской публичной библиотеке, вероятно, тоже из того магазина. Эмерсон, конечно, получил свой экземпляр от автора, но тома, подаренные писателю Санборну из Конкорда и поэту Карлейлю, куплены в «Угловом магазине». Считают, что Эмерсон купил там еще несколько экземпляров и раздал друзьям.

Однако своей популярностью «Листья травы» обязаны не Эмерсону. Как часто бывает с поэтическими первенцами, книга не расхотелась, и ее уценили. В Англии это было сделано уже в конце 1855 года представителями фирмы Фаулер и Уэллс — Хорзелл и К^о с лондонской Оксфорд-стрит. Известны экземпляры первого издания с наклейками «Лондон, У. Хорзелл, Оксфорд-стрит, 492» на титульном листе. Одна книга с такой наклейкой имеет дарственную надпись: «У. Россетти¹ от У. Б. С. Рождество 1856 г.» Это, наверно, самый замечательный рождественский подарок в истории литературы, ибо с него началось знакомство английских читателей с Уитменом.

У. Б. С. — это Уильям Белл Скотт, поэт и художник, один из «Прерафаэлитского братства». В своих «Автобиографических записках» он рассказывает, как книга попала к нему. В Америке, пишет он, «книгой пренебрегли все книготорговцы, отказавшись сначала даже выставить ее на прилавках». Затем он еще более категорично говорит, что книга «вовсе не появлялась на прилавках американских книжных магазинов». Судя по его склонности к поспешным обобщениям, оба утверждения неточны.

Очевидно, Хорзелл еще раз уценил большинство экземпляров, попавших в Англию, потому что некоторые из них оказались даже в Сандерланде, в двухстах пятидесяти милях от Лондона, у самой шотландской гра-

¹ Уильям Россетти — критик, брат известного поэта, одного из основателей «Прерафаэлитского братства» — содружества поэтов и художников, оказавшего значительное влияние на английскую литературу и культуру второй половины XIX века.

ницы. Там один торговец всякой всячиной пытался продать их голландским аукционом, т. е. ежедневно снижая цену, пока не объявится покупатель. «Томас Диксон, — продолжает свой рассказ Скотт, — простой резчик пробки, прислал мне ту книгу как диковинку». Скотт купил еще несколько экземпляров и один послал Россетти, который, прочитав, решил ее издать. Это-то английское издание и сделало Уитмена знаменитым.

Первое английское издание «Листьев травы», вышедшее в 1868 году, содержало посвящение Скотту, в котором ему приписывалась вся заслуга этого открытия. На подаренном Скоттом экземпляре 1855 года Россетти сделал пометку: «Некоторое количество экземпляров этого оригинального издания «Листьев травы» было привезено в Англию и продано по сниженной цене. Томас Диксон, резчик из Сандерланда, купил ту книгу и подарил ее У. Б. Скотту, который дал ее мне».

Почти через четверть века Скотту пришлось в голову попросить Диксона подробно описать историю своей покупки. Диксон ответил замечательно полным рассказом одного из самых романтических эпизодов в истории книжной торговли:

«В книжной торговле есть такой прием, который представляет собой род аукциона, но торговец, применяющий этот прием, не имеет квалификации аукционера. Объявленная цена книги постепенно снижается, пока кто-нибудь не купит ее. Начинают, скажем, с пяти шиллингов, потом снижают, пока цена не дойдет до шиллинга или шести пенсов. В то время в городе появлялся один человек (кажется, это было в начале 1856 года) по имени Джеймс Гринфорд, занимавшийся такой продажей книг, сошедших с рынка или изданных не совсем законно. Некоторое время спустя, много позже окончания Гражданской войны в Америке, он опять приехал в Сандерланд и возобновил торговлю тем же способом, но его жена (с которой он разошелся, оставив ее вполне обеспеченной), еще жившая в городе, вскоре заставила его уехать. Я очень об этом жалел, потому что он приносил столько удивительных и любопытных книг, таких, какие редко по-

падают. С тех пор у нас не было такого книготорговца. По воскресеньям он приходил пить чай со мной, и тогда я узнал, что он прошел Гражданскую войну в Америке, так же, как и Уитмен. Он не любил рассказывать о том, что он видел на войне, только мое сочувствие обычно вызывало его на разговор, а мне очень хотелось узнать, как они выстояли. Он присоединился к одному из полков Штатов и большую часть времени был в армии, которой командовал генерал Шерман. Он был с Шерманом во всех ужасных рейдах под конец войны и часто голодал и был вынужден есть почти все, даже самое отвратительное, что они могли найти во время тяжелых переходов по опустошенной стране; он видел, как много людей падало и умирало от голода. «Но когда мы достигли лагерей, где была еда, за нами очень хорошо ухаживали; но я никогда в жизни не испытывал таких мучений, как тот голод во время рейдов». Он был с генералом Шерманом при взятии Атланты, а потом демобилизован вместе с другими, несшими ту же тяжелую службу.

Он не хотел оставаться в Сандерланде, хотя мог продавать книги. Он путешествовал, поехал в Ланкашир и там через год или два нашел свою смерть в железнодорожном крушении в туннеле. Так что вы теперь знаете историю книги».

Этот интересный рассказ опускает одну важную деталь: сколько Диксон заплатил за книгу? На внутренней стороне обложки карандашом написана цена: два шиллинга и шесть пенсов. Объявленная это цена или же это Диксон столько дал за книгу? Во всяком случае, покупка весьма удачная.

IV

Скотт не совсем прав, говоря, что Уитмена прославил лондонское издание 1868 года. Эмерсон сделал это на тринадцать лет раньше. Прочитав книгу, присланную ему Уитменом, он написал ему 21 июля 1855 года самое восторженное письмо, когда-либо полученное начинающим поэтом от современника-олимпийца. «Я не остался слеп к удивительной ценности этого подарка — «Листьев травы», — так начиналось

письмо, и среди прочих поразительных фраз, которые обрадовали бы сочинителя реклам и польстили Уитмену, были такие: «самое остроумное и мудрое, что создала до сих пор Америка», «бесподобные вещи, неподражаемо хорошо сказанные», «смысл книги — в трезвой определенности». Но больше всего польстили его тщеславию слова: «Приветствую вас в начале великого поприща».

Когда через год с лишним вышло второе издание «Листьев травы», эта веская рекомендация была помещена на самом видном месте книги — на корешке... Что ж, не нам судить об уместности этого шага.

О мнении самого Эмерсона на этот счет можно только догадываться. Ясно, что дальнейшие отношения между двумя писателями не стали более сердечными.

Уитмен, однако, и на том не остановился. Он отпечатал несколько копий письма, сколько — точно не известно. Текст письма предварялся надписью мелким курсивом: «Копия только для личного чтения». Можно представить, насколько «личным» хотел в действительности сделать это чтение Уитмен. Сохранились только две копии. Одна была включена в материалы по Эмерсону в коллекцию Уэйкмана, проданную в 1924 году в Нью-Йорке за 230 долларов.

С биографической точки зрения интересны мотивы, побудившие Уитмена выпустить второе издание книги. В приложении к этому изданию, называвшемся «Опавшие листья», Уитмен приводил письмо Эмерсона и свой ответ на него, в котором утверждал, между прочим, что издание 1855 года вышло в тысяче экземпляров и «быстро разошлось». Тираж, разумеется, сильно преувеличен, но скорая распродажа — это уж совсем выдумка. Книга вызвала слабый отклик в газетах: кто-то хвалил, кто-то ругал, а кто-то был напуган, но никто не покупал. Уитмен собрал эти отклики, из которых три он написал сам, и включил их в свою книгу (по ним библиографы узнают экземпляры второго выпуска первого издания). Но читающая Америка осталась равнодушной.

Почему в таком случае вышло второе издание? Потому что у Уитмена было много новых стихов, по-

тому что теперь он был готов посвятить свои средства и свою жизнь пополнению сборника и завоеванию популярности. Литература не знавала еще такого писателя-коммерсанта. Началась кампания, продолжавшаяся до самой его смерти. «Листья травы» переиздавались примерно каждые пять лет: в 1856, 1860—1861, 1867, 1871, 1876, 1881—1882, 1889 годах, как сообщает «Краткая библиография произведений Уолта Уитмена». Потом интервалы сокращаются, что может наконец означать признание, хотя борьба еще не была окончена.

Издание 1856 года — это увесистая книга из 384 страниц в двенадцатую долю листа. Опять помещен знакомый нам дагеротип, все еще без подписи. На титульном листе значится только: «Листья травы. Бруклин, Нью-Йорк, 1856 г.». Авторское право Уолта (не Уолтера) Уитмена. Стихотворения озаглавлены. «Я славлю себя...» называется теперь — «Стихи о Уолте Уитмене, американце». Всего в книге тридцать два стихотворения вместо двенадцати в 1855 году. Выпущена была тысяча экземпляров. Это издание оказалось несколько счастливее первого, но все же не принесло автору ни богатства, ни славы. За один доллар оно продавалось у Фаулеров и Уэллса, которые выпустили книгу, но остерегались на этот раз помещать имя фирмы на обложке. Это издание теперь настолько редко, что цена одного экземпляра поднялась до семидесяти пяти долларов.

«Я твердо верю, что первое издание «Листьев травы» поднимется в цене выше любой другой книги, напечатанной в 19 веке», — эти слова были сказаны одним библиофилом в 1924 году, когда книга стоила на аукционе двести долларов, а часто и того меньше. Это очень низкая цена, особенно по сравнению с «Томом Сойером», например. Через три года один экземпляр был продан с аукциона за немыслимую тогда сумму в 800 долларов, а с тех пор цена на аукционах и в каталогах поднялась до трех тысяч долларов, и конца этому подъему не видно. Уитмен, вернись он в этот мир, был бы обрадован, но не удивлен, ибо такая вера, как его, сдвигает горы... непроданных книг.



МАРК ТВЕН И «ПРОСТАКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ»

I

Солдат, только что демобилизованный из армии Соединенных Штатов, тратил последние деньги на чистильщика обуви в гостинице Френча в Нью-Йорке. Видно, ему далеко не безразлична была собственная наружность. Правда, если не считать ярко блестящих ботинок, его костюм был до того жалок и потрепан, что хозяин гостиницы вскоре попросил его найти себе другого чистильщика. А через несколько лет солдат купил эту гостиницу...

Потрепанного солдата звали Джо Пулитцер; гостиницу он снес, а на ее месте построил издательство и основал нью-йоркскую «Уорлд». Вот и все, что мы хотели о нем рассказать, и к нашей истории он имеет мало отношения, собственно только то, что таких солдат, как он, в Америке было два миллиона, хотя мало кто из них сумел обзавестись издательством. Большинство из них, страдая от ран, одиночества и неприкаянности, с тревогой смотрели в будущее и готовы были использовать любую возможность, если только она представлялась.

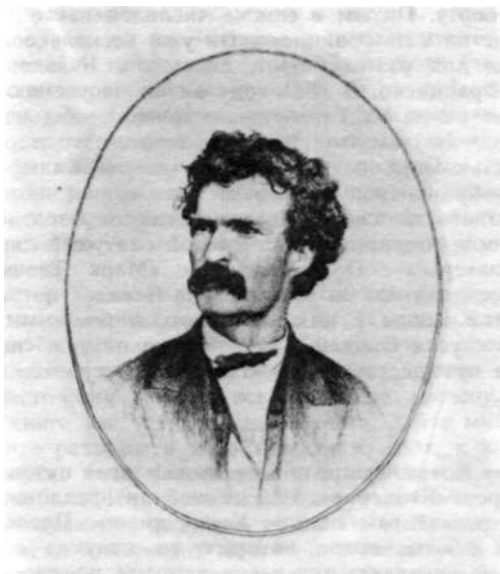
Несомненно, многие из них откликнулись на призыв Американской издательской компании из Хартфорда в штате Коннектикут, искавшей агентов по подписке «на издание редких и ценных книг». «Распространение наших изданий, — заявляла компания, — является почетным и прибыльным занятием, особенно подходящим для солдат-инвалидов, престарелых людей, располагающих свободным временем, учителей и студентов во

время каникул, для молодых людей, желающих путешествовать и обрести знания и опыт в живом общении с миром, а также для всех, кто может проявить в работе расторопность, упорство и твердую волю».

Компания уже не раз с успехом издавала книги по подписке. Постоянным ее автором был Альберт Ричардсон, корреспондент нью-йоркской «Трибуны», которому в только что минувшей войне не раз приходилось бывать на волосок от смерти и испытать много острых ощущений и который так же увлекательно умел обо всем этом рассказывать. В конце концов судьба сыграла с ним трагическую шутку, послав ему смерть в его кабинете в «Трибуне» от руки бывшего мужа одной особы, с которой Ричардсон был помолвлен. Он шесть дней умирал от огнестрельной раны и на смертном одре заключил законный брак со своей преданной невестой. Ему было всего тридцать три года, но он успел преподать одному начинающему автору мудрый совет, благодаря которому мир получил замечательного писателя, а мы — повод для настоящего разговора. Однако о самом совете и о его последствиях — контракте с Американской издательской компанией и рождении знаменитого романа — речь впереди.

II

Инвалиды войны и старики, к которым взывала Компания, должно быть, неплохо заработали на этом деле: Север в то время был зажиточным, там охотно тратили деньги на книги, как, впрочем, и на другие развлечения — например, на путешествия. 8 июня 1867 года из Нью-Йорка в странствие к святым библейским местам должен был отправиться пароход «Город Квакеров». Конечно, в наше время, когда кругосветные путешествия стали обычны, маршрут «Города Квакеров» выглядел бы довольно скромно, и газеты выделили бы ему ровно столько места на своих страницах, чтобы только вызвать зависть у тех, кто хотел бы сам поехать, да не смог. Но странно, что и в то время предстоящее путешествие не вызвало особенно большого интереса у публики. А между тем это па-



Марк Твен. 1868 г.

ломничество было первым в своем роде: впервые за всю историю морского судоходства пассажиры, ступив на корабль незнакомыми друг другу людьми, становились компанией, объединяемой общей целью, и так же вместе должны были вернуться на родину. Желающим принять участие в плавании сулилось общество таких известных персон, как преподобный Генри Бичер, брат писательницы Гарриет Бичер-Стоу, и генерал Шерман, герой войны. Потом оказалось, что ни тот, ни другой не поехали, но устроители тут, может быть, и не при чем и не имели в виду обмануть публику в целях рекламы. Корабль отправился без обещанных знаменитостей, но все же с семьюдесятью пятью пассажира-

ми на борту. Пятым в списке числился некто Сэмюэл Клеменс из Сан-Франциско. Он уже несколько лет пописывал для разных газет, сначала в Неваде, потом в Сан-Франциско. В 1866 году он по поручению одной из газет ездил на Гавайские острова, чтобы написать о них серию заметок. В конце того же года он плывал в Нью-Йорк с заданием от «Альты Калифорнии» из Сан-Франциско. Вообще он, как видно, намеревался поехать по свету. Из гавайских заметок получилась книга, названная «Знаменитой скачущей лягушкой из Калавераса». Подписался он «Марк Твен». Под этим псевдонимом он уже писал в Неваде.

Книга вышла 1 мая 1867 года, а немногим более месяца спустя Сэмюэл Клеменс уже плыл в свое следующее путешествие — на «Городе Квакеров».

III

Сэму Клеменсу сразу понравилась идея путешествия на «Городе Квакеров». Еще весной он предложил свой проект редакторам «Альты Калифорнии». Последовали долгие дебаты, после которых он получил согласие хозяев и контракт: пятьдесят заметок по две тысячи слов, двадцать долларов за заметку. Точно такими же были условия его гавайской поездки.

Итак, 8 июня, как и было объявлено, мощный колесный пароход-красавец «Город Квакеров» под командой капитана Чарлза Дункана отплыл из нью-йоркского порта с Сэмом Клеменсом на борту.

Вояж продолжался пять месяцев и одиннадцать дней. 19 ноября «Город Квакеров» вернулся в Нью-Йорк, и повидавший мир и отягченный впечатлениями Сэм Клеменс опять принялся искать работу. Через несколько дней он получил место секретаря сенатора от штата Невада, некоего Уильяма Стюарта. В секретарях он пробыл всего лишь несколько богатых происшествиями недель, но и об этом речь еще впереди. «Скачущая лягушка» потихоньку расходилась, но не обеспечивала автору того образа жизни, которого он для себя желал.

Наконец, 1 декабря в Вашингтоне он получил письмо

от Американской издательской компании. «Мы бы желали получить от вас, — писал в письме мистер Блисс, представитель компании, — что-нибудь, хотя бы составленное из прошлых материалов, и с добавлениями, какие вам покажутся уместными... Мы являемся старшей в стране компанией, выпускающей подписные издания, и все наши книги всегда получали огромную популярность». Затем в письме подробно приводились действительно внушительные цифры, свидетельствующие об успехе, которого фирма добилась изданием книг Ричардсона.

Мистер Клеменс поспешил ответить. Он предложил книгу по материалам поездки на «Городе Квакеров». «Я мог бы устранить главные недостатки построения и неуклюжие выражения, сделав книгу, лучше которой я в настоящий момент все равно не напишу... Если такая книга вас устроит, пожалуйста, дайте мне знать, сообщите размеры и характер книги; срок, к которому она должна быть закончена; предполагаются ли иллюстрации; в особенности же ваши условия и сколько я могу надеяться получить от издания. Последнее особенно меня интересует до такой степени, что мне это даже странно. Но вы, конечно, сами прекрасно понимаете».

Вскоре начались переговоры. Сэм Клеменс поехал в Хартфорд, еще не подозревая, что этому прелестному городу суждено будет стать для него самым родным местом из всех, куда заносили его беспокойные ноги. Мистер Блисс предложил ему интересный выбор: десять тысяч долларов за авторское право или пять процентов от доходов издания. Сам Блисс предпочитал второе. Клеменс пошел советоваться с Ричардсоном. Тот в свою очередь считал более выгодным процент от издания. Самому Ричардсону, кстати, в той же фирме предлагали только четыре процента. Послушавшись совета, Клеменс решил рискнуть, и это было, как он сам говорил позднее, его «самое мудрое решение в делах бизнеса за всю жизнь». К середине июля материал должен был быть готов.

Тут-то и возникло препятствие. Оказалось, что редакторы «Альты Калифорнии», сочтя себя владельцами

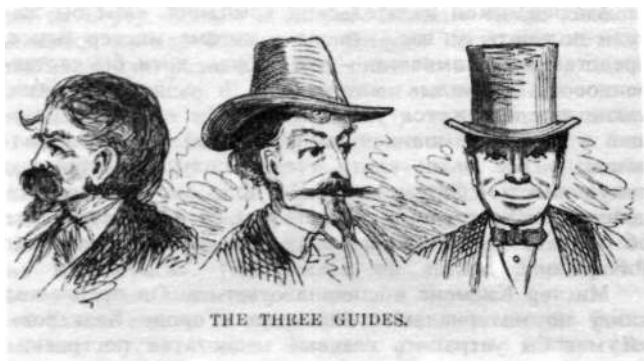


Иллюстрация Т. Уильямса
к первому изданию

авторского права на заметки с «Города Квакеров», решили сами выпустить по ним книгу, дабы возместить себе тысячу долларов, вложенную в поездку. Переписка не могла распутать конфликт, и не оставалось ничего другого, как самому ехать в Сан-Франциско и лицом к лицу с противником отстаивать свои права.

Если бы были известны подробности этой встречи, они составили бы презанимательное чтение. Переговоры закончились полной победой Клеменса, хотя далеко не легкой. Владельцы «Альты» предложили десять процентов от доходов. Их предложение было тут же отвергнуто: «„Альта" располагает только рынком Сан-Франциско, и этих процентов мне не хватило бы и на три месяца». Ну что ж, тогда издатели согласны на выход книги, но с условием, «что в предисловии я, Марк Твен, должен был поблагодарить «Альту» за то, что она поступилась своими правами и дала разрешение. Я протестовал против благодарности. После долгих споров со мной они согласились, и это условие было снято».

Все же Марк Твен всю жизнь помнил причиненную ему обиду. Тридцать шесть лет спустя он писал

в воспоминаниях, составивших потом его «Автобиографию»:

«Редактором «Альты» в то время был Брукс, человек прямой и твердого характера, также отличный историк, особенно когда это было не нужно. В биографических записках обо мне, написанных много лет спустя (в 1902 году), он рассыпался в похвалах щедрости издателей «Альты», отдавших мне безвозмездно книгу, которая, как показала потом история, стоила целого состояния. На самом деле мне не так уж нужны были заметки из «Альты». Оказалось, что они годились для газеты, но не для книги. Они писались там и сям, где только представлялась свободная минутка в нашем лихорадочном галопе по Европе или в духоте моей каюты на «Городе Квакеров»; поэтому они были довольно рыхлы, и нужно было еще выжать из них порядочно воды и морского ветра. Я использовал лишь некоторые из них — десять или, может быть, двенадцать. Остальную часть «Простаков за границей» я написал в шестьдесят дней, и, если бы я поработал еще две недели, то обошелся бы вообще без заметок. В то время я был очень молод, невероятно молод, замечательно молод, моложе, чем теперь, и даже моложе, чем когда-либо еще сумею стать, даже через сто лет. Я работал каждую ночь с одиннадцати или двенадцати до самого утра, и раз за шестьдесят дней я написал двести тысяч слов, то на одну ночь приходится по три тысячи слов. Конечно, это ничто для сэра Вальтера Скотта или Стивенсона¹, или многих других людей, но для меня это не так уж мало».

Несмотря на затруднения с «Альтой» рукопись книги была готова почти в срок. Кажется, Bliss получил ее в начале августа. Вскоре она была передана в мастерскую Фея и Кокса в Нью-Йорке. Они поручили своему художнику Т. Уильямсу изготовить для нее почти пятьдесят рисунков.

¹ Вальтер Скотт, когда его вынуждали обстоятельства, писал до девяти тысяч слов в день, но постоянной его «нормой» было 3—4 тысячи. «Производительность» Стивенсона также была велика — до пяти тысяч слов в день.



Иллюстрация Т. Уильямса
к первому изданию

Уильямс не был великим мастером, но его иллюстрации так прочно ассоциируются с книгами Марка Твена, которые он оформлял на протяжении двадцати пяти лет (почти две трети писательской деятельности автора), что до сих пор тысячи людей не могут иначе перечитывать любимого писателя, кроме как в некачественных, но таких привычных изданиях, со множеством картинок, как будто наштампованных машиной (и то наспех). Американская издательская компания позднее взяла Уильямса к себе. Сын мистера Блисса потом рассказывал, что Уильямс был «приятный и начитанный человек, но его веселый нрав часто уводил его с

пути праведного. К счастью, в более поздние годы он слегка остепенился, благодаря чему мистер Клеменс назвал его великолепнейшей помесью свиньи с ангелом, какую он когда-либо видел».

Книга пошла в печать только в апреле следующего года. Тираж был двадцать тысяч экземпляров. Она называлась «Простаки за границей, или Путь нового паломника». Поначалу книга имела только второе название, и Американская издательская компания буквально сотрясалась от споров и ругани. «Кошунство», — кричали противники такого названия. То же мнение, только мягче, высказала немного позднее мисс Оливия Лангдон. Она была сестрой Чарлза Лангдона из Эльмиры, одного из пассажиров «Города Квакеров», совсем еще юного, даже по сравнению с тридцатидвухлетним Сэмом Клеменсом. Однажды, навестив Клеменса в его каюте, Чарлз показал ему миниатюрный портрет своей младшей сестры. С тех пор всякий раз, когда он приходил, Клеменс хотел видеть миниатюру. Вернувшись домой, Марк Твен поехал в Эльмиру и познакомился с оригиналом портрета, а через полтора года они были помолвлены.

IV

В 1908 году сенатор Стюарт, бывший босс Клеменса, опубликовал свои «Воспоминания», в которых приво-дил свою версию возникновения «Простаков за границей». Стюарт был уроженец штата Нью-Йорк, учился в Йельском университете, но не кончил курса, а уехал в 1850 году в Калифорнию, через два года обратился от горного дела к закону и стал заметной политической фигурой Западного побережья. В 1860 году он вернулся на Восток, в Виргиния-сити в штате Невада, где через год оказался и Сэм Клеменс.

Сенатор далеко не лестно отзывался о писателе, хотя и называет его снисходительно «самым обаятельным негодяем и несчастьем, когда-либо постигавшим Неваду». Да и это двусмысленное признание — скорее, дань славе, пришедшей к Марку Твену позднее, а в портрете, нарисованном сенатором, обаяния нет и в помине: «Сэм Клеменс был всегда в делах. Он печатал



Иллюстрация Т. Уильямса
к первому изданию

в газете всякую всячину про знакомых людей и всем причинял неприятности. Его никогда не заботило, правда или нет то, что он писал, лишь бы было что писать, и естественно, что его не любили. Я не водил с ним знакомства».

По словам сенатора, он сидел у себя дома в Вашингтоне однажды утром в конце 1867 года, когда «в комнату небрежной походкой вошел господин малопочтенной наружности. Он был облачен в потрепанный костюм, который висел на его тощей фигуре, ни о каком покрое и речи быть не могло. Сноп лохматых черных волос вылезал из-под повидавшей виды бесформенной шляпы, словно труха из старого дивана колониальных времен. В углу рта торчал зловонный и об-

сосанный окурок сигары. У него был весьма зловещий вид».

Зловещий господин только что вернулся из-за границы. «У меня есть предложение, — сказал он, по словам Стюарта. — Оно стоит миллиона. А мне нужны всего какие-то гроши. Я ездил по святым местам с компании простых и почтенных людей, которые так и просятся на бумагу, и мне кажется, что я мог бы чисто и быстро сделать дело, если меня не отвлекали бы другие — более насущные — заботы. Я уже начал книгу, и она просто чудо. Я могу поручиться за нее».

Сенатор попросил показать рукопись, и Клеменс дал ему несколько листов. Отрывок произвел на сенатора впечатление. Не согласился бы мистер Клеменс занять место его секретаря, ни к чему его, впрочем, не обязывающее, с тем, чтобы писать в кабинете сенатора, когда тот будет отсутствовать по государственным делам, и спать в соседней комнате. Конечно, мистер Клеменс согласился. Но он всю ночь жег свет, да еще и курил в постели, и хозяйка, до смерти перепуганная, нажаловалась сенатору. Страх ее имел основания; даже очень почтительно относившийся к Марку Твену комментатор его Хауэл рассказывает о ночных походах на цыпочках в спальню Марка Твена, где он извлекал из его поникших пальцев догорающие окурки, грозящие пожаром. Так не может продолжаться, — заявил сенатор, — в противном случае будут приняты меры.

«Я с вами посчитаюсь», — по словам сенатора, пригрозил ему Марк Твен. «И действительно, — продолжает сенатор в своих мемуарах, ставших большой библиографической редкостью, — в своей книге „Налегке" он заявил что-то в таком духе, будто я отнял у него плодородную жилу, и он напечатал в своей книге мой портрет с черной повязкой на глазу». Тем не менее Марк Твен оставался гостем сенатора, ибо «Простакки за границей» так и были написаны у него дома.

Что же касается «Налегке», сатирических очерков, выпущенных Марком Твенем в 1872 году, сенатор был задет прозрачным намеком автора на то, что во времена золотой лихорадки, когда каждый клочок плодородной земли ценился по размеру и на вес, и право-



Сенатор Стюарт,
каким он явился в «Налегке»

судие, находившееся в руках сенатора, измерялось той же мерой. Марк Твен предпочел уклониться от «прибыльного участия» по разработке такой «жилы».

V

Первые экземпляры «Простаков за границей» были готовы в конце июля 1869 года. Успех пришел сразу же. Знакомые нам инвалиды, старики, студенты и солдаты, поделившие страну на сферы влияния, сумели распространить 5170 экземпляров уже к концу августа, а к концу года — тридцать одну тысячу. За девять месяцев с начала продажи до мая 1870 года «Простаки за границей», по словам Марка Твена (который, ко-

нечно, получил эти сведения от самого Бласса), принесли Американской издательской компании семьдесят тысяч долларов прибыли. «Это была книга о путешествии, но она расходилась по цене не меньше трех с половиной долларов за экземпляр, — писал биограф Твена, Альберт Пейн. — Такого не добивалась ни одна книга этого рода ни тогда, ни с тех пор. Если Марк Твен не был уже знаменит, то эта книга его прославила... Он вошел в литературный мир как бы во главе триумфального шествия, встречаемый приветствиями из раскрытых окон и дверей».

Самые первые экземпляры печатались по спешному заказу, и это видно по нескольким признакам. Оглавление занимает восемь страниц, и на последних двух главы перечислены без указания страниц. Почему так получилось, легко догадаться. Оглавление печаталось, когда был набран еще не весь текст, и неизвестно было, сколько страниц займут последние главы. Имелось в виду, что номера страниц в оглавлении будут вставлены потом, но в спешке это забыли сделать, и таким образом возникло несколько курьезов, столь милых сердцу библиофила. Слово «Заключение», которое должно было попасть на последнюю страницу главы LX, также было пропущено. На странице 129, последней в XIII главе, оказалось только семь строк, и пустое место в последующих выпусках было заполнено портретом Наполеона III, «гения Энергии, Упорства и Предприимчивости», как назвал его молодой Клеменс. Таким образом, получилось 235 иллюстраций, на одну больше, чем указывалось на титульном листе. Вместо «Глава LXI» было напечатано «Глава XLI», и эта опечатка пережила несколько выпусков; удивительно, что ее вообще нашли. Всякий экземпляр первого выпуска должен непременно содержать все эти ляпсусы.

Таких экземпляров очень мало, особенно хорошо сохранившихся. Их и выпущено-то было не так много — всего несколько сотен. Книгу читали и перечитывали, как немногие книги, а эта не отличалась особенной прочностью. Ее 651 страница плюс еще пять издательских реклам составляли почти пять сантиметров толщины, такую тяжесть трудно выдержать любому пере-

плету. Поэтому хороший экземпляр первого выпуска трудно найти, и он стоит от семидесяти пяти до ста долларов.

VI

«Простаки за границей» посвящены матери Марка Твена, и он сам однажды на официальном обеде рассказал любопытную историю этого посвящения. Обед был в честь семидесятилетия знаменитого американского писателя Оливера Холмса, и история пришлась кстати: «Первым из великих людей, кто написал мне письмо, был наш сегодняшний гость, — начал Марк Твен. — Он также — первая литературная знаменитость, у которой я что-либо украл, и это и было поводом, по которому я написал ему, а он мне». Твен продолжал:

«Когда моя первая книга только вышла, один из друзей сказал мне: „В ней очень хорошо посвящение“. Да, сказал я, мне тоже так кажется. Друг продолжал: „Оно мне всегда нравилось, даже до того, как я прочел его в „Простаках за границей“. Естественно, я заинтересовался, что он имел в виду. „Где это ты мог видеть его раньше?“ „Ну, сначала несколько лет тому назад в „Песнях" доктора Холмса". Конечно, первым моим желанием было убить этого человека, но сначала я решил дать ему время, чтобы доказать свое утверждение, если он может. Он пошел в книжную лавку и доказал: я и впрямь украл это посвящение, почти дословно. Я никак не мог понять, как такая странная вещь могла произойти, ибо я был твердо уверен в одном, а именно в том, что даже крупнице ума всегда сопутствует какое-то количество гордости, и эта гордость не позволяет красть мысли у других людей».

Оказалось, что во время его путешествия на Гавайские острова у него как-то образовалось свободное время, и он прочел «Песни» Холмса, вышедшие за четыре года до того. Он бессознательно запомнил посвящение, и оно всплыло в его памяти в 1869 году, не вызвав у него никаких сомнений в том, что оно его собственное. И тогда явился добрый друг.

«Разумеется, я написал д-ру Холмсу и объяснил, что не имел намерения что-либо украсть у него, а он ответил мне в самых любезных выражениях, что ничего

страшного не произошло, никто не пострадал, и добавил, что он вообще считает, что все мы бессознательно обдумываем мысли, почерпнутые в чтении или услышанные, воображая, что они наши собственные. Он высказал истину, и притом в такой приятной форме, пролившей бальзам на мою рану, что я был уже рад совершенному мной преступлению, благодаря которому я получил такое письмо. Позже я навестил его и сказал ему, чтобы он свободно пользовался всеми моими мыслями, которые его поразят и покажутся хорошим материалом для стихов».

Посвящение д-ра Холмса выглядело так: «Самому преданному из моих читателей, самому доброму из критиков, моей дорогой матери посвящает в этой книге все, что наименее недостойно ее, ее любящий сын». А Марк Твен написал так: «Моему самому терпеливому читателю и самому милосердному критику, моей старой матери, с любовью посвящается эта книга».

Любопытно заметить, что в своем рассказе на обеде Марк Твен называет «Простаков за границей» своей первой книгой. Должно быть, ему самому не очень нравилась «Знаменитая скачущая лягушка», хотя одноименный рассказ из этого сборника признан классикой американского рассказа. Для этого же издателя, своего друга Уэбба, он собирался написать пьесу по материалам путешествия на «Городе Квакеров», но оставил затею после первой же сцены. Эта глава из литературной карьеры Марка Твена оставалась совершенно неизвестной до 1927 года, когда рукопись нашли и опубликовали маленьким тиражом. Сцена получилась не такой уж смешной и была явно рассчитана на чтение, а не на постановку. Марк Твен писал о ней Уэббу уже через шесть дней после возвращения из поездки, так что есть основания предполагать, что она была написана в пути. «Я посылаю тебе это, чтобы показать, что я имел намерение ее написать, но у меня нет времени. Я состою внештатным сотрудником «Трибуны» и получил еще такое же предложение от «Герольда», которое приму, если смогу управиться. К тому же я должен посылать корреспонденцию с тихоокеанского побережья. Я уверен, что если бы ты был здесь,

чтобы подталкивать меня, мы бы сделали пьесу. Но так, думаю, я сумею закончить только корреспонденцию». В результате он и этого не сделал, а вместо всего написал книгу.

VII

В Англии первое издание «Простаков за границей» вышло весной 1870 года в двух томах, из которых первый был озаглавлен «Простаки за границей», а второй — «Путь нового паломника». Имени автора не было ни на том, ни на другом, как это еще случалось довольно часто по обе стороны Атлантики. Издателем был Джон Хоттен, фигура примечательная в издательских кругах прошлого века. Он родился в 1832 году и начал учиться делу уже с четырнадцати лет. Через два года он отправился в Америку; за восемь лет, проведенных там, научился очень многому, например, оценил юмористическую литературу американских северянки середины века. Именно Хоттен познакомил английских читателей с произведениями Уорда, Брет Гарта, Лоуэлла и Холмса. Неудивительно поэтому, что и Марка Твена представил Англии Хоттен.

Хоттен был не очень щепетильным человеком, но зато он был ловок, умен и неутомим. Когда его противник Моксон потерял надежду добиться успеха для «Стихов и баллад» Суинберна в 1866 году, за это взялся Хоттен. За четыре года до того он попался на махинации с ранними стихами Теннисона¹, был вызван в суд, но сумел частным порядком уладить дело. Когда Хоттен не был занят изданием книг, он сам писал их. Его биографии Теккерера и Диккенса (первая под именем «Теодора Тэйлора, эсквайра, члена общества литераторов», а вторая «написана автором «Жизни Теккерера») оказались на рынке, как только умерли сами великие писатели. У него было острое чутье журналиста, и он умел быстро использовать его в деле. Для многих американских писателей он был бельмом на глазу, но как бы то ни было, а его смерть унесла с книгоиздательской сцены интересную и яркую фигуру.

¹ Суинберн и Теннисон — выдающиеся английские поэты, совершенно разные по направлению и духу творчества.

Еще в том же 1870 году Хоттен выпустил «Простаков за границей» в одном томе под заголовком «Увеселительное путешествие Марка Твена на европейский континент».

В год после появления «Простаков за границей», 2 февраля, Оливия Лангдон стала миссис Сэмюэл Клеменс в полной уверенности, что ее муж обеспечит ей образ жизни, к какому она привыкла. В то же утро молодая чета получила из Хартфорда чек на четыре тысячи долларов, проценты от первых трех месяцев продажи книги, и то обстоятельство, что он был заработан кровью и потом, не делало его менее приятным свадебным подарком.

В глазах русского читателя «Простаки за границей» — отнюдь не столь известная и характерная для Твена книга, как «Робинзон Крузо» для Дефо или «Ярмарка тщеславия» для Теккерея. Поэтому мы сочли возможным дополнить книгу Винтериха его же рассказом о рождении гораздо более знаменитой книги Твена. Это предисловие Дж. Винтериха к американскому изданию «Тома Сойера» появилось несколько позже, чем его «Приключения знаменитых книг», но выдержано в том же ключе и органично дополняет книгу.

КАК РОДИЛСЯ «ТОМ СОЙЕР»

Джон Клеменс разделял веру епископа Беркли в то, что судьба мира решается на западе. Он родился в Виргинии, перебрался в Кентукки и там женился, затем перевез жену в Теннесси (где они жили одно время в местечке под названием «Три рогатины на волка») и, откликнувшись на настойчивые заверения шурина, что Флорида в Миссури — второй рай, отправился туда в коляске, запряженной двумя лошадьми. За плечами у него было уже двенадцать лет супружеской жизни, и четырехместная коляска везла семью из шести человек, не считая служанки-рабыни Дженни.

Во Флориде 30 ноября 1835 года у них родился

пятый и последний ребенок. Назвали его Сэмюэлем Лэнггорном по деду с отцовской стороны и по имени друга отца из Виргинии. Девятилетняя дочь Маргарет умерла. Семья переехала в Ганнибал в штате Миссури. Сэму Клеменсу исполнилось к этому времени четыре года. Ганнибал стал конечным пунктом в скитаниях Джона Клеменса. Здесь он и умер в 1847 году, в возрасте 49 лет.

Сэм Клеменс прожил в Ганнибале с 1839 года по 1853 год. Так Ганнибал стал родиной Тома Сойера. Здесь начались мальчишеские годы Сэма Клеменса — когда они начинаются? (Во всяком случае, они никогда не кончаются.) Может быть, в шесть, в семь, восемь лет? Допустим, в восемь. В таком случае, для Сэма Клеменса пора мальчишества началась в 1843 году — а стало быть, и для Тома Сойера. Сегодня Тому Сойеру почти сто лет¹. Но что из того? Он всегда будет мальчишкой.

Теперь перенесемся в 1872 год — для Тома Сойера это был бы суший пустык. Сэм Клеменс стал Марком Твенном, он женат и знаменит. Он сидит в своем крошечном восьмиугольном кабинете в Куэрри Фарм около Эльмиры, что в штате Нью-Йорк, — родного города жены. Долина Шеманга широко раскинулась прямо у его ног. Он пишет «в среднем в день по пятьдесят страниц рукописи книги (повести)». На странице примерно сто пятьдесят слов — тоже в среднем. Получается семь с половиной тысяч слов в день — хорошая дневная норма.

Сперва Марк Твен задумал написать «книгу (повесть)» в виде пьесы. Первая страница рукописи этой пьесы помещена в биографии Марка Твена, написанной Альбертом Пейном. Местом действия 1 явления 1 акта был «сельский коттедж с дверью из кухни в сад. Шкаф и обычная мебель. Старая леди 50 лет, скромно и аккуратно одетая. В очках, сидит за вязаньем». «Старая леди 50 лет» (в незавершенном драматическом варианте ее имя было Уинни) говорит, и ее сло-

¹ Читатель заметит, что сегодня Тому Сойеру уже сто пятьдесят. Очерк Винтериха написан в 1936 г. (*примеч. пер.*).

ва полностью совпадают с началом «Тома Сойера»: «Том! (Ответа нет.) Том! (Ответа нет.) Куда запропастился этот мальчишка, хотела бы я знать? Эй, Том!».

Несущаяся на всех парах со скоростью пятьдесят страниц в день рукопись вскоре выбилась из графика, в противном случае «Том Сойер» либо был бы закончен в две недели, либо вырос бы в один из самых толстых томов на свете, толще даже полудюжины библий. Только 5 июля 1875 года Марк Твен написал Уильяму Дину Хоуэллсу из своего нового дома в Хартфорде в штате Кентукки: «Закончил повесть — и героя оставил мальчишкой». Далее он добавлял: «Возможно, я допустил ошибку, не написав ее от первого лица... Когда-нибудь я возьму мальчика лет двенадцати и проведу его по жизни (в первом лице), но только не Тома Сойера — он для этого неподходящий персонаж».

Так наметился контур автобиографии Гекльберри Финна.

Рукопись, занявшая так много времени, была написана рукой самого Марка Твена. Позже ее переписали секретари, затем сильно правил автор. Например, эпизод из XX главы, где Том застаёт Бекки Тэчер за рассматриванием картинки из «Анатомии» профессора такого-то и видит «человеческую фигуру, совершенно голую», стал теперь гораздо длиннее, в нем прибавилось психологических деталей. С этой правленной рукописи и делался типографский набор, о котором еще пойдет речь ниже.

Сохранились обе рукописи (первая из них находится в Джорджтаунском университете). Была и третья, по крайней мере, часть рукописи. В конце 1874 года Твен купил пишущую машинку. Обошлась она ему в сто двадцать пять долларов. Это было примитивное устройство, печатавшее некрасивыми прописными буквами без засечек, но оно радовало глаз и сердце своего владельца. Часть «Тома Сойера», кажется, прошла через нутро этого сложного и допотопного устройства, но результат не сохранился для потомков.

Твен хотел, чтобы Хоуэллс прочел рукопись, возможно, не машинописный, а белой рукописный вариант. Просьба была обременительная (все, кто при-

ходит с просьбой прочесть их рукопись, всегда признают это), и все же:

«Я с удовольствием пришлю ее Вам, если Вы поступите следующим образом: инсценируете ее, если почувствуете, что можете это сделать, и возьмете себе в качестве вознаграждения половину от первых шести тысяч долларов, которые я получу за ее представление на сцене. Если хотите, можете совершенно изменить сюжет. Я с радостью помогу в этой работе после того, как Вы переделаете сюжет. У меня есть на примете две маленькие девочки, которые сыграли бы Тома и Гека».

Ох уж эти тени Гретель и Ганзеля! Эта одержимость идеей сценического «Тома Сойера»! Хоуэллс, напротив, уговаривал Марка Твена инсценировать вещь, и Твен во второй раз взялся за дело. Однако работа далеко не продвинулась. Хоуэллс назвал «Тома Сойера» «безусловно самой лучшей книгой для мальчиков, какую мне приходилось когда-либо читать», и Марк Твен, обрадованный таким отзывом, решил, что от добра добра не ищут.

Однако «все ругательства я бы немедленно вычеркнул», — добавлял Хоуэллс. Эта фраза дала повод к событию, которое до скончания века останется загадкой для исследователей жизни и творчества Марка Твена. Письмо увидела миссис Клеменс — Ливи. «О каком это богохульстве пишет Хоуэллс?» — спросила она.

Ее супруг оказался в одном из тех мучительно неловких положений, спастись из которых можно только одним средством — немедленно сказать всю правду: «Мне пришлось смиренно признаться, что, читая ей вслух рукопись, я пропускал богохульства».

Бедная Оливия Клеменс! Часть потомков сделала из нее сухую миссис Гранди¹, столп мещанства и светской условности, к которому прикован гениальный писатель. Кто же в таком случае Хоуэллс? Ведь он возразил первым. И о чем именно шла речь? В заключительной главе Гекльберри Финн рассказывает Тому

¹ Миссис Гранди — персонаж пьесы Томаса Мортон (1764?—1838) «Бог в помощь», олицетворение ханжеской добпорядочности (*примеч. пер.*).

о муках благопристойной жизни, которые ему придется терпеть в качестве подопечного вдовы Дуглас — камня, к которому оказался прикован Гек: «Вдова меня не обижает и ласковая, но все эти штучки не по мне. Заставляет вставать каждое утро в одно и то же время и умываться, своим причесыванием совсем меня в могилу загнала, не дает в дровяном сарае спать; да еще носи этот проклятый костюм, я в нем прямо задыхаюсь, Том: в него никакой воздух не проходит».

В рукописи Гек говорил: «своим причесыванием совсем меня в ад загнала». На такой дистанции может показаться, что замена незначительна. Но поскольку ясно, что Гек не мог не помянуть ада, то становится совершенно понятно, что это короткое выразительное односложное слово, несомненно, вспыхивало зловещим маяком в потрясенном сознании большинства читателей. Ведь это был 1875 год, когда возможно даже отец Джона Стейнбека еще не родился. Это был 1875 год, когда слово «ад» мог произнести либо совсем пропащий человек, либо священник.

Разумеется, «Том Сойер» должен выйти в свет в Американской издательской компании города Хартфорда. Она же выпустила в 1869 году «Простаков за границей», в 1872 году «Налегке» и «Позолоченный век» (написанный в соавторстве с Чарлзом Уорнером) в 1873 году, а также «Очерки Марка Твена, старые и новые» — всего три недели спустя после завершения рукописного «Тома Сойера». Это была процветающая фирма, она процветала и до того, как с ней начал сотрудничать Марк Твен, но стала особенно процветающей после этого.

Американская издательская компания продавала книги только по подписке.

Каждый агент был вооружен проспектом — тоненькой книжечкой в таком же переплете, как у предполагавшегося издания, с образцами других, более вычурных переплетов, прикрепленными внутри, с образцами текста и иллюстраций и в самом конце — несколькими пустыми разлинованными страницами, где будущий покупатель должен был указать свое имя,

адрес и желательный для него вариант переплета. Так «Том Сойера» вышел на книжный рынок. Впрочем, он был еще не совсем готов к этому. Марк Твен и до и после не раз страдал от пиратов в Англии и Канаде, пользовавшихся тем, что его книги сперва выходили в Америке. На этот раз он решил предупредить их. Случилось так, что в Америке находился друг Хоуэллса Монкюр Конвей. Уроженец Виргинии, он, получив образование, занял кафедру проповедника и выступил против рабства. Выступил столь яростно, что унитарийская церковь Вашингтона послала его завоевывать сторонников в других городах. В начале 60-х годов Конвей был хорошо знаком с большими союзами аболиционистов, образовавшимися в Конкорде и Бостоне в середине века, а в 1863 году отправился в Англию с миссией от федеральных штатов. Здесь он был пастором в либеральной церкви в Финсбери вплоть до 1884 года.

Конвей с радостью взялся отвезти рукопись «Тома Сойера» — белой вариант — в Лондон и попытался устроить ее. Он предложил ее издательской фирме Чатто и Уиндуса, а те приняли и выпустили книгу в свет 9 июня 1876 года. Авторское право в Америке было оформлено еще 21 июля 1875 года, когда едва высохли чернила на рукописи, однако американское издание вышло лишь в декабре 1876 года, а Библиотека Конгресса получила свои экземпляры только в январе 1877 года.

Английское издание на полгода опередило американское и, следовательно, является подлинным первым ее изданием, если эти слова вообще что-нибудь значат. Несмотря на это, коллекционеров больше привлекает первое хартфордское издание, и цена его, пожалуй, раз в двадцать выше, чем первого лондонского. Чувства — то, что Марк Твен американец — перевесили в данном случае логику, как ни неопровержимы были ее доводы. Первенство, таким образом, решили не часы, а сердца соотечественников.

Можно добавить, что эта же проблема касается произведений десятков других писателей помимо Марка Твена. Она горячо обсуждается библиофилами с

тех пор, как коллекционирование современных первых изданий достигло положения хоть и неточной, но науки, то есть примерно одно поколение тому назад. Последнее трезвое слово по этому поводу сказал несколько лет тому назад виконт Эшер, убежденный поборник коллекционирования первых изданий:

«Сторонникам сантиментов трудноато удержатъ позиции. Для этого пришлось бы сделать вид, что английское издание «Видения Джорджоне» 1920 года вышло прежде американского издания 1910 года, что английское издание 1919 года «Шлифовки агата» Йитса вышло раньше американского издания 1912 года, что английское издание «Последних очерков Элии» Лэма 1833 года опережает американское издание 1828 года. Еще хуже печальная судьба «Глупца Перроника» Джорджа Мура, который издавался в Америке в 1924 и 1926 годах и во Франции в 1928 году, но еще ни разу не выходил в Англии. Очевидно, что его первое издание пока вообще не существует».

Разумеется, виконта Эшера занимают книги английских авторов, впервые вышедшие в Америке. Идя в противоположном направлении, можно встретить затруднения не только в случае с Марком Твенем, но и с Купером, Эмерсоном, Брет Гартом, Готорном, Холмсом, Ирвингом, Лонгфелло, Лоуэллом и особенно с Генри Джеймсом, где дело осложняется еще и тем, что автор сменил гражданство.

Английское издание «Тома Сойера», хоть и не было выдающимся образцом переплетного искусства (переплет был ярко-красный матерчатый), но, несомненно, в эстетическом отношении стояло выше американского. Оно имело и то достоинство, что удобно помещалось в руке. Американское издание было квадратное, в восьмую долю листа, с переплетом, обтянутым синей материей с узорчатым черным и золотым тиснением (в более дешевом варианте), к тому же небрежно вычитанное и столь же небрежно отпечатанное.

Так родился «Том Сойер». Но лучшее было еще впереди — впереди был «Гекльберри Финн».

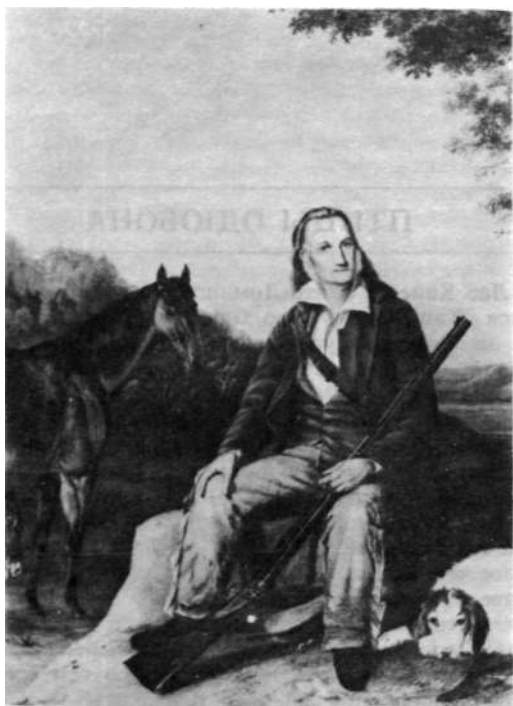


ПТИЦЫ ОДЮБОНА

В Лес Кайесе, Санто-Доминго, 26 апреля 1785 года родился Жан Жак Фужер Одюбон. До недавнего времени он считался уроженцем штата Луизиана, а в «Краткой истории естествознания» Джона Берроуза можно прочесть, что Одюбон родился в 1870 году. В 1917 году полная биография, написанная доктором Френсисом Хобардом Херриком, решила спорный вопрос. Доктору Херрику повезло — наградой за умелый и добросовестный поиск стал подлинный счет от врача, представленный для оплаты Одюбону-старшему. В перечне медицинских услуг, оказанных в Лес Кайесе более чем за два года, были упомянуты, между прочим, две ночи, проведенные у постели женщины-креолки, «известной теперь только по имени — мадемуазель Рабин». Послеродовая помощь была оценена примерно в 250 франков — сумма немаленькая по тем временам, однако Одюбон мог себе это позволить. Чтобы быть точным, надо сказать, что имя мадемуазель Рабин и после этого часто упоминалось врачом, и в последний раз — 15 августа. В конце того же 1785 года или в начале 1786 года мадемуазель Рабин умерла.

Четырьмя годами позже Жана Жака Одюбона отправили во Францию. Он был юн, но в два раза старше Конституции Соединенных Штатов. В 1803 году он возвратился в Америку, а был он в два раза старше беспокойной новой Франции. Одюбон вырос в те тревожные дни, когда вершилась история, но его заинтересовали явления, рядом с которыми крах династий значил не более, чем трепет листвы на ветру.

По его собственным словам, он вернулся в Америку



Портрет Жана Жака Одюбона, написанный
в 1848 г. его сыновьями Джоном и Виктором

«делать деньги». Идея принадлежала отцу, Жан Жак не обладал подобным талантом, да и позднее удача сопутствовала ему лишь в осуществлении его великого начинания.

Обширные, но беспорядочные знания, полученные во Франции, дополнялись полным незнанием английского языка. Однако для нас важнее всего то, что из Франции Одюбон привез несколько зарисовок птиц — там он некоторое время занимался рисованием под руко-

водством Давида, выдающегося художника времен революции. Правда, никому, кроме самого Одюбона, рисунки не казались ценными. Обосновавшись недалеко от Филадельфии (если только такое спокойное слово как «обосноваться» вообще уместно при характеристике Одюбона), он познакомился с молоденькой англичанкой, с которой и был вскоре помолвлен. Она носила восхитительно «домашнее» имя — Люси Грин Бейквел.

Пожились они в 1808 году, а перед этим Одюбон вторично посетил Францию. В Америку он вернулся вместе с Фердинандом Розье¹, и отец Одюбона предложил им сделаться компаньонами. Для одного из компаньонов новая серия рисунков — около двухсот видов пернатых Франции — была куда важнее, чем высокопарно составленные пункты договора, подкреплявшие предприятие.

Нет нужды подробно описывать удручающие похождения «союза» Розье—Одюбон в поисках удачи. Особенно тоскливо, по-видимому, было Розье, так как он не рисовал. Одюбону же каждый привал на лоне девственной природы давал возможность пополнить коллекцию несколькими новыми моделями. Коммерция чахла, искусство процветало. В конце концов, Одюбон решил извлечь выгоду из своего таланта — стал писать портреты по 5 долларов за штуку. Вскоре после этого, в 1819 году, он получил место набивщика чучел в Западном музее в Цинциннати. Арест и пребывание в долговой тюрьме в Луизвилле (ему удалось обрести свободу, лишь объявив о своем банкротстве) нанесли смертельный удар деловой карьере Одюбона. В Цинциннати, кроме службы в музее, он еще делал мел-

¹ Розье, Фердинанд, сын делового партнера отца Одюбона, занимался торговлей. Весной 1810 г. вместе с Одюбоном они погрузили товары на плот и поплыли в Хендерсон, что в 125 милях вниз по Огайо. «Во время пребывания в Хендерсоне, — пишет доктор Херрик, — Розье находился на своем привычном месте — за прилавком и потихоньку занимался делами, тогда как Одюбон и некий Джон Раун из Кентукки, который числился клерком, бродили по окрестностям, с азартом гоняясь за редкими птицами и попутно щедро снабжая стол дичью» (*примеч. пер.*).

ком портреты местных натурщиков и даже открыл художественную школу.

Многочисленные таланты, без сомнения, позволяли ему заработать на жизнь где угодно, и, вероятно, это сильно повлияло на решение Одюбона напечатать свои рисунки птиц, вполне определившееся к тому времени. Путешествуя вдалеке от городов, он мог сколько угодно рисовать лесных аристократов, а впоследствии, обретя уверенность в пище и крове, посвятить себя любимому занятию в близлежащих лесах и болотах.

Таким образом, вскоре появился портфель с зарисовками почти всех пернатых, обитающих в обследованных им частях Соединенных Штатов.

После четырех лет путешествий, наблюдений и зарисовок Одюбон в апреле 1824 года приехал в Филадельфию в поисках издателя для своих рисунков. В те времена Филадельфия была издательской столицей западного полушария, но тем не менее и здесь еще не были способны по достоинству оценить работу Одюбона. Наиболее дельный совет, полученный от местных знатоков (чьи чувства колебались в весьма широком диапазоне — от безграничного восхищения до злобной зависти), был таков: попытайте счастья в Европе. Однако он отправился в Европу лишь два года спустя, а за это время объехал северную часть штата Нью-Йорк (побывав, кстати, и на Ниагарском водопаде — через 16 лет после медового месяца), озера Онтарио и Чемплейн, долины рек Огайо и Миссисипи и штат Луизиана, где наконец соединился со своей много претерпевшей и много путешествовавшей женой. Следующие несколько месяцев были посвящены добычанию средств на поездку в Европу. Не последней статьей дохода стал танцевальный класс — 60 учеников, ни один из которых не мог сравниться в мастерстве с учителем.

Одюбон отплыл из Нью-Орлеана 17 мая 1826 года. В те времена «Бремена» еще не было, а «Делос» прибыл в Ливерпуль только 21 июля. Морское путешествие оказалось к тому же полезным — во время штиля офицеры шхуны, дружески относившиеся к Одюбону,

спустили шлюпку, чтобы их общительный талантливый пассажир мог зарисовать морских птиц.

Прибыв в Англию, Одюбон поспешил представить рекомендации — «целую кучу писем» (по словам одного из его знакомых), которыми его снабдили друзья и почитатели, большей частью влиятельные. Одним из самых ценных оказалось письмо к Ричарду Рэтбону, ливерпульскому купцу. Как пишет доктор Херрик, Рэтбону и его семье «Одюбон, с его замечательным энтузиазмом и смелыми литературными планами, казался воплощением всей романтики Нового Света». Золовка Ричарда Рэтбона, миссис Уильям Рэтбон, «его очаровательная хозяйка... брала у него уроки рисования и стала его первой подписчицей».

Заслуженное восхищение Рэтбонов и многих других начинанием Одюбона создало ему такую славу, что буквально через несколько дней он получил предложение выставить рисунки в Королевском институте.

Первый месяц выставки принес доход в 100 фунтов, хотя целую неделю вход был свободным. Если бы многочисленные зрители, разглядывавшие рисунки, знали о всех злоключениях, выпавших на долю творений Одюбона, то и в них, и в натуралисте-художнике увидели бы гораздо больше «романтики Нового Света».

Часть рисунков была испорчена порохом, во время одного из путешествий Одюбон забыл свой портфель, в результате он временно стал норой для пары крыс, которая «вывела там потомство среди обгрызанных клочков бумаги, всего месяц назад представлявших почти тысячу обитателей воздушного пространства». Девятью годами позже нью-йоркский пожар уничтожил массу рисунков, собранных перед второй поездкой в Англию и Шотландию. А еще через десять лет другой нью-йоркский пожар непоправимо испортил множество гравюр на меди, с которых делали первые оттиски; история их лишь немногим менее удивительна, чем история рисунков.

Проведя три месяца в Англии (в основном в Ливерпуле и Манчестере), Одюбон отправился в Эдинбург, где познакомился с Уильямом Хоумом Лизарзом, худож-

ником и гравером ¹. Лизарз сразу стал почитателем Одюбона, а поскольку у него были знакомые во многих издательствах, он согласился помочь издать «Птиц Америки». К концу ноября был готов пробный оттиск рисунка дикого индюка, а к началу 1827 года — пять гравюр для первого выпуска издания.

Планы Одюбона были поистине грандиозными. «Детали плана работы», составленные им, взяты нами из проспекта, изданного в Лондоне несколькими месяцами позже. Проспект содержал десять пунктов:

Гравюры должны точно повторять размеры рисунков, на которых птицы изображены только в натуральную величину.

Гравюры будут раскрашены самым тщательным образом, передавая цвет оригинальных рисунков.

Размеры работы — 46 на 60 дюймов, печать — на лучшей бумаге для рисования.

В каждом выпуске пять гравюр — с одного из самых больших рисунков, с рисунка поменьше и три — с маленьких рисунков.

Всего 400 рисунков; предполагается объединить их в три тома, примерно по 133 гравюры в каждом; каждой гравюре будет присвоен индекс, позволяющий определить ее место в том или ином томе.

Выпуски будут выходить 5 раз в год.

Цена выпуска 5 гиней; оплата по получении.

При выполнении всех этих пунктов издание завершилось бы через 16 лет, а цена полного комплекта

¹ Лизарз, Уильям Хоум (1788—1859) — художник, гравер. Отец его был издателем и талантливым гравером, выполнил много портретов для книжных иллюстраций. Лизарз сначала был учеником отца, затем поступил в Опекунскую академию в Эдинбурге. С 1808 по 1815 г. в Эдинбурге Лизарз-младший часто представлял на выставки портреты, картины на религиозные и бытовые сюжеты. В 1812 г. он послал две картины в Королевскую академию в Лондоне, где их высоко оценили; с картин были сделаны гравюры. Сейчас они находятся в Национальной галерее в Эдинбурге. После смерти отца Лизарз продолжил его дело. Он в совершенстве владел травлением по металлу, и во многом благодаря ему при выпуске книг гравюры по металлу в книгах полностью вытеснили ксилографии (*при-меч. пер.*).

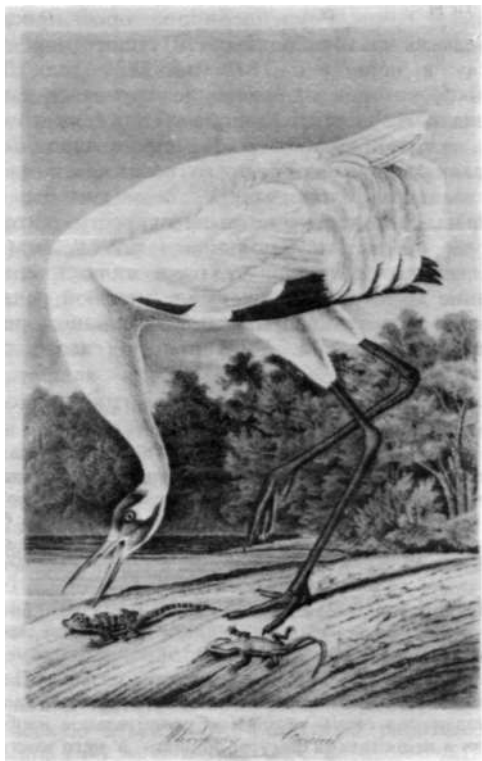


Иллюстрация из «Птиц Америки».
Серый журавль

была бы около 160 гиней. На самом деле издание было закончено через 12 лет и стоило каждому подписчику 182 фунта 14 шиллингов в Англии и 1000 долларов в Америке.

Один из пунктов плана гласит: «Гравюры будут раскрашены». То была пора расцвета многокрасочных книг. В год, когда вышел первый выпуск «Птиц Аме-

рики», умер Томас Роулендсон¹, который прославился как создатель разнообразных «Путешествий доктора Синтакса» в период с 1812 по 1821 год. Джордж Крукшенк², которому предстояло трудиться еще полвека, незадолго до того закончил одну из самых замечательных своих работ — «Немецкие народные сказки, собранные Гриммом». Всего восемь лет назад появились шедевры Генри Алкена³, а он уже был на вершине славы. Процветающие ныне искусства литографии и гравюры по металлу появились позже, чем любой из этих великих образцов техники иллюстрации. Раскрашивание вручную было дешевле цветной печати, что никак нельзя считать справедливым в наше время. Не кто иной, как Дж. М. У. Тёрнер⁴ (самый суровый

¹ Роулендсон, Томас (1756—1827) — английский художник-карикатурист. Учился в Академии художеств в Лондоне и в школе рисования в Париже, где в 1772—1775 гг. посещал также Королевскую академию живописи и скульптуры. Работал в технике офорта и рисунка пером (с раскраской акварелью), создавал карикатуры, высмеивающие нравы дворянского и буржуазного общества (серия «Лондонский микрокосм» 1808 г. и др.). Иллюстратор Голдсмита, Смоллетта, Стерна (*примеч. пер.*).

² Крукшенк, Джордж (1792—1878) — известный карикатурист и иллюстратор. Сделал много гравюр к сказкам, библиотеке романов, в том числе — иллюстрации к Голдсмиту, Филдингу, Стерну и др. (*примеч. пер.*).

³ Алкен, Генри (ум. 1831) — чертежник и гравёр. Первые его произведения напечатаны под псевдонимом Бен Таллихо. В 1816 г. издал под своим именем «Сравнительное изображение достоинств и недостатков фигуры лошади». У него много гравюр на спортивные темы, иногда юмористического характера. Среди них «Забавные случаи на верховой езде», «Национальный спорт в Великобритании», иллюстрации к народным песням, иллюстрации к «Дон-Кихоту». Мастерство и удачный выбор предмета сделали его очень популярным в свое время. Одна из его акварелей — «Охота на лис» — находится в музее Южного Кенсингтона (*примеч. пер.*).

⁴ Тёрнер, Джозеф Уильям (1775—1851) — великий английский живописец. Учился в Академии художеств в Лондоне. Тёрнер обнаружил склонность к романтической фантастике, выражению драматической борьбы сил природы, к передаче редких световых эффектов. Много работал как акварелист, рисовальщик и гравёр (*примеч. пер.*).

критик не станет отрицать, что у него было совершенно изумительное чувство цвета), начинал с раскрашивания иллюстраций.

Наполеоновские войны наводнили Англию беженцами. Большинство из них, ужасающе бедных, не знали ничего, кроме правил хорошего тона. Едва ли все они могли прокормиться, раскрашивая книжные иллюстрации, однако именно благодаря им дорогая книга с картинками была вознесена на вершину славы. Предприятие Рудольфа Аккермана¹ сыграло здесь не последнюю роль. Сын саксонского каретного мастера, Аккерман должен был продолжить дело отца, но в 1795 году эмигрировал в Лондон. Единственным экипажем, наверняка связанным с именем Аккермана-младшего, был катафалк лорда Нельсона. Фирма Аккермана обеспечила работой более пятидесяти эмигрантов — некоторые из них были дворянами и дворянками, — и работа эта поначалу заключалась в том, что они зарисовывали домашние безделушки. В 1808 году его внимание привлекли книги с картинками, и с тех пор вся жизнь его до самой смерти (а умер он в 1834 году) была посвящена этому занятию, в котором он проявил усердие и добился успеха.

Путь его никогда прямо не пересекался с путем Одюбона, если не считать того, что Аккерман дал первый толчок производству многокрасочных иллюстраций, но влияние его в этой области было столь велико, что нельзя и пытаться объяснить художественную или коммерческую атмосферу, в которой работал Одюбон, не упоминая об Аккермане.

В мае Лондон продолжал рукоплескать Одюбону. Его поездка по Шотландии и провинциям была поистине триумфальной. Везде ему оказывали самый радужный прием, он был принят в самых влиятельных

¹ Аккерман, Рудольф (1764—1834) — немецкий ремесленник, владелец магазина художественных произведений в Лондоне. Аккерман ввел в Англии литографию и усовершенствовал гравирование на дереве. Основал в 1814 г. модный журнал «Музей искусств, литературы и мод», а также по образцу немецких изданий — «Ежегодники»; первый из них известен под названием «Незабудка» (*примеч. пер.*).



Иллюстрация из «Птиц Америки».
Мухоловка вилохвостая

обществах; его рисунки вызвали восторженное одобрение; он получил заказы на несколько комплектов гравюр — не много, но достаточно, чтобы считать, что его усилия оценены по достоинству.

Многие искатели успеха имеют «хорошие рекомендации», но чемпионом среди них на все времена можно считать Одюбона. Он привез в Лондон шестьдесят или даже больше писем к видным английским деятелям и почти «полный сундук писем на континент».



Иллюстрация из «Птиц Америки».
Дикий индюк

Месяц или около того все шло прекрасно, а потом Лизарз оповестил Одюбона о недовольстве его подписчиков, за его письмом пришли сообщения еще более унылые. В конце концов Лизарз и вовсе отказался от совместного проекта.

Лучше сделать попытку и потерпеть неудачу, чем не делать ее вообще, но горько, если неудача наступает стремящегося к победе именно тогда, когда он стоит на пороге успеха. Одюбон «закрыв свой днев-

ник, заметив, что он чересчур подавлен и печален, чтобы что-нибудь писать, и не открывал его почти три месяца».

Однако в те три месяца, которые мы обойдем молчанием, суждено было случиться важным событиям. В июне, когда от Лизарза шли тревожные письма, Одюбон стал выяснять, можно ли сделать гравюры в Лондоне. «Я пять раз ходил к мистеру Хоуэллу, но его не было в городе. Мне очень тревожно, настроение подавленное. О, как мне надоел этот Лондон!» Мистер Хоуэлл — это Роберт Хоуэлл-старший. Его отец был гравером, сам он надеялся, что двое его сыновей станут художниками, а третий, Роберт Хоуэлл-младший¹, займется другим делом. Однако семейная традиция была слишком сильна; в 1825 году Хоуэлл-младший, которому было в то время 32 года, порвал с отцом, надолго уехал на эскизы и в конце концов устремился в Лондон, где его выдающиеся таланты обеспечили ему место в фирме Колнэги и К^о.

Лишь на шестой — а, может, и восьмой или десятый раз, Одюбон застал, наконец, дома старшего Хоуэлла. Тот искренне восхищался рисунками, но был слишком стар, чтобы взяться за гравюры — в пятьдесят восемь лет не начинают предприятия, которое может потребовать около тридцати лет искусного труда. Однако он постарался вспомнить всех знакомых лондонских граверов, желая помочь Одюбону найти подходящего че-

¹ Хоуэлл-младший, Роберт (1793—1878) — художник и гравер, сын знаменитого гравера Роберта Хоуэлла-старшего. Именно Хоуэлл-младший гравировал огромные листы-иллюстрации для «Птиц Америки», а его отец их печатал и раскрашивал. В 1832 г., после смерти отца, Роберт Хоуэлл в подписях на гравюрах уже не прибавлял к своему имени слова «младший», что ввело в заблуждение некоторых исследователей, считавших, что гравюры для «Птиц Америки» исполнены Хоуэллом-старшим (*примеч. пер.*).

Всего Хоуэлл-младший награвировал для труда Одюбона 435 листов. Талантливый гравер, мастерски владевший техникой акватинты, он отлично передал сочетание научной достоверности с художественной тонкостью, присущее рисункам Одюбона. Хоуэлл неоднократно помогал Одюбону и материально (*примеч. пер.*).

ловека. В фирме Колнэги и К^о ему показали неподписанный пробный оттиск гравюры, сделанной одним из служащих, — пейзаж. «Как раз тот человек, который нужен», — воскликнул Хоуэлл. «Тогда пошлите за собственным сыном», — сказали ему. Приятно отметить, что за этим последовало примирение, не менее отраднo, что наконец был найден мастер, который довел до славного завершения издание «Птиц Америки».

Все сомнения в пригодности молодого Хоуэлла улетучились после того, как он несколькими днями позже показал Одюбону пробный оттиск с первой гравюры. Отец и сын с волнением глядели, как натуралист изучает оттиск. Он долго его разглядывал — Хоуэллом показалось, целую вечность. В конце концов Одюбон схватил рисунок и стал приплясывать с ним по комнате, восклицая с заметным французским акцентом: «Игра окончена! Игра окончена!» Как пишет Джордж Альфред Уильямс в занимательной биографии Хоуэлла-младшего, отец и сын «поначалу подумали, что возгласы эти означают недовольство работой», доказывая тем самым, что знали «американский» лучше, чем этот американец, «но Одюбон, бросившись к Хоуэллу-младшему, обнял его с истинной страстью, чем вполне ясно показал, что гравер наконец найден». Благодаря их дружбе, Хоуэлл окончательно решил уехать в Америку, где поселился с семьей в Синг-Синге (ныне Оссининг), штат Нью-Йорк, а позднее переехал в Бэрритаун, что в пяти милях вниз по Гудзону, где и умер в 1878 году.

Десять лет совместной работы с Хоуэллом были полны неустанного труда и осторожности — ведь на карту была поставлена судьба предприятия стоимостью в сто тысяч долларов. Одюбон порой находил причины для недовольства работой даже такого мастера, как Хоуэлл. «Если бы вы были здесь и послушали, что говорят мои подписчики, — писал ему Одюбон из Манчестера, — вам бы просто дурно стало. Я сегодня видел несколько гравюр — иволги Балтимора в висячем гнезде, и должен сказать, что они похожи на рисунки не больше, чем трубочист — на вашу очарователь-

ную жену. Или рисовальщики должны быть более внимательны, или я буду вынужден выгнать их всех... Теперь я прекрасно понимаю, что, работай они как должно, я бы увеличил число подписчиков на 20, вместо того, чтобы потерять 8 из них». Пятью месяцами позже, когда прибыл 19-й выпуск, он смог написать Хоуэллу из Эдинбурга: «Я просмотрел гравюры этого выпуска с большим вниманием и хочу искренне поздравить Вас — тонкость и мягкость их исполнения удивительны... Я считаю 2-й том лучшей книгой в мире!»

16 июня 1832 года, написав Хоуэллу из Филадельфии, он попросил поторопиться с 28-м выпуском: «Умоляю Вас, не теряйте ни минуты и помните о том, что все посланное Вами изучается с большим пристрастием и что здешние граверы не менее придирчивы, чем сам натуралист». То же настроение владело им и три года спустя, когда Одюбон выразил недовольство гравюрами 53-го выпуска: «Я искренне желаю, чтобы ни один из рисунков не попал в Америку».

Последний лист был готов только к 20 июня 1838 года. Доктор Херрик подводит такой итог: «Начатое осенью 1826 года издание («Птицы Америки») печаталось почти 20 лет. Работа эта великолепна, ее отличает удивительная красота и редкостная тщательность исполнения. Это одно из самых интересных начинаний в истории науки и литературы, преодолевшее все препятствия, которые создавало время и обстоятельства. Текст, сопровождающий рисунки, тоже прекрасен. Уникальная в каждой детали отделка, книга на протяжении столетий останется блестящим примером триумфа труда, духа и воли человека».

В торговле редкими книгами есть одна очевидная истина — у большой книги гораздо меньше шансов стать относительной редкостью, чем у маленькой. Вернее всего, «Птицы Америки» никогда не будут стоять в одном ряду, скажем, с ранними изданиями «Нью Инглэнд Праймер». Размер гравюр без рамок 39¹/₂ на 29¹/₂ дюйма, или почти 8 квадратных футов. Число оригинальных наборов, возможно, менее двухсот. Многие выпуски вышли в виде отдельных гравюр, наи-

более ценная — первая, изображающая дикого индюка (автор — Лизарз). Эта гравюра — ключ при поисках совершенного экземпляра. Сейчас просто перевернуть страницы «Птиц Америки» — все равно, что застелить постель: требуется не меньше сноровки. Полный комплект издания стоит сейчас значительно больше, чем любой автомобиль, за исключением разве что самых дорогих моделей — один нью-йоркский книготорговец занес в каталог экземпляр с полным текстом, цена которому — 6750 долларов. Первое американское издание было опубликовано в 1840—1844 годах в 7 томах размером в $\frac{1}{8}$ долю листа, оно включало текст и гравюры. Цена этого издания теперь колеблется от 300 до 700 долларов, экземпляр с оригинальными непереплетенными частями на аукционе в начале 1926 года оценивался в 1050 долларов¹.

Много написано и еще больше сказано о том, насколько выгодно вкладывать деньги в редкие книги. В самом деле, «Пиквик», которого можно было купить по шиллингу за выпуск в 1836 и 1837 годах, — куда более удачное помещение капитала, чем банк, даже если бы проценты накапливались в течение жизни трех поколений. Их сегодняшняя цена — скажем, от 5000 до 75 000 долларов — справедливо кажется внушительной, да так оно и есть. С «Птицами Америки» дело обстоит несколько иначе. Надо вспомнить, что полный комплект стоил 1000 долларов после публикации, а если положить в банк такую сумму в 1838 году, теперь эта сумма возросла бы до 25 тысяч долларов.

Все это, конечно, нимало не влияет на триумф Одюбона, на величие книги, которая теперь стоит, как памятник, в истории орнитологии и книгопечатания и доказывает лишь то, что изучение книг как предметов коммерции лучше оставить книготорговцам.

Когда были полностью напечатаны «Птицы Америки», Одюбону уже исполнилось 53 года. История последующих лет его жизни неизменно воспринимается как спад по сравнению с юностью и зрелостью, когда

¹ В 1984 году первое издание «Птиц Америки» было продано на аукционе в Лондоне более чем за полтора миллиона долларов (*примеч. пер.*).

он осуществлял свой замечательный план. Однако исследованиями он занимался еще десять лет. Книга «Живородящие четвероногие Америки» (созданная им в содружестве с Джоном Бахманом ¹) была уже в работе, но тут мозг стал изменять ему, тогда как тело оставалось еще сильным. Он умер в 1851 году в Нью-Йорке. Это был «один из наиболее обаятельных, интересных и живописных характеров, — как писал Джон Берроуз, — когда-либо появлявшихся в нашей истории».

¹ Бахман, Джон (1790—1874) — натуралист, лютеранский священник. Его знакомство с Одиобом началось в октябре 1831 г., когда тот провел месяц у Бахмана. Писал работы о белках и зайцах, интересовался ботаникой и сельским хозяйством. В 1833 г. стал одним из основателей Государственного сельскохозяйственного общества, изучал полезных животных и растения и в 1834 г. подготовил к изданию «Каталог растений и папоротников...». Наибольшую известность ему принесла совместная с Одиобом работа «Живородящие четвероногие Северной Америки» в 3-х томах (1845—1849). Друзей сблизило и то, что двое сыновей Одиобона были женаты на дочерях Бахмана. В 1838 г. Бахман и Одиоб путешествовали по Британским островам (*примеч. пер.*).

ПУТЬ К РУССКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Рассказывали эти очерки о книгах английских, американских, о том, как появились они у себя на родине и переправились через океан. Нашему читателю естественно напомнить о том, как эти книги стали известны у нас, и не просто известны, а сделались нашими книгами, обрели вторую родину.

«Робинзон Крузо», с которого начинаются очерки, знаком нам уже более двухсот лет. В 1762—1764 годах в Петербурге Академией наук был издан первый русский «Робинзон». Вышел он раньше американского издания (1775), как было это и с некоторыми другими английскими книгами, о которых рассказывает Винтерих, хотя, конечно, американцы могли читать английские издания.

Наш первый «Робинзон» переведен был с французского известным переводчиком того времени Яковом Трусовым. Французское посредничество между английским и русским было тогда в обычае. С оригинала «Робинзон» был переведен в 1842 году П. А. Корсаковым.

Считается, что все это время, от середины XVIII до середины XIX столетия, книга Дефо у нас не была популярна. На самом деле, популярность была, были у «Робинзона» русские читатели, но — разные в разные эпохи. Поначалу этим романом интересовались у нас люди, подобные самому Робинзону, т. е. поднимавшаяся деловая прослойка, поднимавшаяся и тогда все-таки не поднявшаяся. Восприятие этой книги в России пошло по другому руслу: сказалось распространившееся по Европе влияние Руссо, который истолковал книгу Дефо

по-своему, как роман воспитания — в духе «простоты» и «природы». Каков тот молодой человек, которому Руссо советовал читать «Приключения Робинзона»? «Во всяком случае, это не дворянин», — говорил французский философ. Однако в России социально-нравственная доктрина, которая под воздействием авторитета Руссо обозначалась именем Робинзона, воспринята была именно дворянским сословием, самым в то время развитым, самым читающим, книжным. И вот у Лермонтова в «Герое нашего времени» выведен, между прочим, любитель «робинзонить», как выражался Руссо, — светский франт, игрок, но подстрижен «под мужика» и «с тростью, как у Робинзона Крузоэ». Выходит, книгу о Робинзоне у нас не просто читали, Робинзону даже подражали, как было это с героями Байрона.

Возможно, мода на «робинзонство» как опрощение, ложное опрощение, сделала к «Робинзону» холодным Пушкина, хотя вообще он Дефо знал и, судя по всему, интересовался им: приобрел два издания «Робинзона».

В пушкинской библиотеке имелась и «История пиратов», и первое издание другой известной книги Дефо — «Дневник чумного года». «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю» — пушкинский «Пир во время чумы», но это ведь Дефо, поставив одного из своих персонажей над смертной бездной, заставил заглянуть туда и читателя.

Нет, Пушкин был читателем Дефо, только далеко не все еще известно об истории книг Дефо в связи с Пушкиным. А было бы важно выяснить как можно больше, потому что это поворотный момент в развитии у нас литературно-издательского дела.

Глубоким ценителем «Робинзона» был Л. Толстой. После Руссо у книги Дефо, пожалуй, и не было другого такого восторженного, верного и влиятельного читателя. Ведь толстовство в значительной мере вычитано из «Робинзона», причем юродская сторона толстовской проповеди, так сказать, не на совести Дефо. Напротив, Толстой подчеркивал, что Робинзон для него — образец нормального человека, нормального в своем отношении к труду и опасностям, которые он не под-

страивает сам себе нарочно, а стойко переносит удары судьбы. Книгу о Робинзоне Толстой читал всю жизнь, точнее, книги о Робинзоне, включая и переделки, в первую очередь «Швейцарского Робинзона». Замысел своего собственного произведения «на фоне робинзоновской общины», т. е. «русского Робинзона», который однажды даже приснился Толстому, Толстой так и не осуществил, хотя, конечно, его любимые герои — и Нехлюдов и Левин — робинзонят изрядно, когда пашут, косят и вообще «справляют простую работу». Кроме того, по поручению Толстого один из учителей его школы сделал сокращенное изложение книги Дефо. Вероятно, оно было отредактировано самим Толстым, прежде чем появилось в журнале «Ясная Поляна». Уже в 1934 году издательство «Молодая гвардия» выпустило этого толстовского «Робинзона» отдельно с иллюстрациями выдающегося графика Д. Кардовского.

Подобно «Робинзону», с французского был у нас переведен поначалу и «Векфильдский священник», хотя указывалось, что это «аглинское сочинение» (1786). Перевел книгу Николай Страхов, способный журналист и редактор, а издал основоположник русского просветительства Н. И. Новиков¹. Три года спустя Карамзин едет за границу и, возможно, по воспоминаниям об этом издании покупает в Лейпциге «Векфильдского священника» в оригинале. Переведен с английского роман Голдсмита у нас был только в 1846—1847 гг. Одновременно вышло два перевода — Якова Герда и Алексея Огинского. Была это совсем другая эпоха, другое чтение «Векфильдского священника», чем во времена Новикова, Карамзина, когда Голдсмит и его герой интересовали русских читателей своим странным благочестием-бунтарством. В сороковые годы «Векфильдский священник» — это семейно-психологический роман, и не исключено, что Аксакова, а затем и Л. Толстого, эти переводы заставили вспомнить свои более ранние впечатления от «Векфильдского священника», прочитанного

¹ См.: Западов А. В. Книги, изданные Н. И. Новиковым. — В сб. в честь 70-летия академика М. П. Алексева. Л.; М.: Наука, 1969.

ими еще в детстве, вспомнить и приступить к созданию собственных «семейных хроник». Конечно, были у них и другие стимулы, был прежде всего пушкинский завет «пересказать преданья русского семейства», но свою роль мог сыграть и «Векфильдский священник».

Следующий «герой» очерков Винтериха — «Стихотворения» (1786) Роберта Бернса. У нас их стали переводить по отдельности с самого начала XIX века. Небольшая книжка русских переводов из Бернса появилась уже в конце века, в столетнюю годовщину смерти поэта (1897). К сожалению, осталось невыполненным намерение Тургенева и Некрасова заняться народным шотландским поэтом. Тем не менее известные русские переводчики прошлого столетия И. Козлов, В. Курочкин, М. Михайлов, Д. Минаев уловили ту основную, нам теперь хорошо знакомую интонацию стихов Бернса, которая, постепенно оттачиваясь, заиграла в современных переводах¹.

Твой бедный домик разорен,
Почти с землей сравнялся он...
И не найдешь ты в поле мхов
На новый дом,
И ветер, грозен и суров,
Шумит кругом.
Но не с тобой одним, зверек,
Такие шутки шутит рок!
«К полевой мыши,
разоренной
моим плугом»
Пер. Д. Минаева

Диккенс, как Дефо и Голдсмит, впервые стал известен русским читателям через посредство французского языка, причем очень рано: года не прошло после издания в Англии последнего выпуска «Записок Пиквикского клуба» (1836—1837), а они уже появились в журнале «Библиотека для чтения» (1838).

Вот замечательный эпизод из истории знакомства с Диккенсом в России. Это воспоминания выдающегося русского филолога Ф. И. Буслаева, который после окон-

¹ Обзор русских переводов Бернса сделан С. А. Орловым. — Учен. зап. гос. пед. ин-та им. Герцена, 1939, т. 26.

чания университета жил в Риме. Однажды в кафе, где обыкновенно собирались русские художники, Буслаев поджидал своего университетского приятеля Панова. Кругом болтали и шумели, и только в углу, но за тем же общим столом, сидел, сгорбившись над книгой, какой-то незнакомый Буслаеву посетитель. «Он так погружен был в чтение, — пишет Буслаев, — что ни разу ни с кем не перемолвился ни единым словом, ни на кого не обратил хоть минутного взгляда, будто окаменел в своей невозмутимой сосредоточенности. Когда мы с Пановым вышли из кофейни, он спросил меня: «Ну, видел? Познакомился с ним? Говорил?» Я отвечал отрицательно. Оказалось, что я целых полчаса просидел за столом с самим Гоголем. Он читал тогда что-то из Диккенса, которым, по словам Панова, в то время был он заинтересован. Замечу мимоходом, что по этому случаю узнал я в первый раз имя великого английского романиста: так и осталось оно для меня в соединении с наклоненною над книгой фигурою в полусвете темного угла»¹.

Какую из двух переведенных к тому времени в России книг Диккенса читал Гоголь, «Пиквикский клуб» или же «Николаса Никльби»? Ответить на это затруднительно, но характерно, что Буслаев, усердный и чуткий читатель, не слышал тогда еще о Диккенсе. Оцененный Гоголем, Белинским, автор «Пиквикского клуба» стал у нас по-настоящему читаться позднее. Истинным его первооткрывателем был одаренный литератор Ири-

¹ Буслаев Ф. Мои воспоминания. М., 1897, с. 258—259. Этот эпизод интересен и с точки зрения психологии творчества: Гоголь отличался умением и даже склонностью сосредоточиваться на людях, в толпе. Вот так же, в придорожном трактире, «под гром катаемых шаров, при невероятном шуме, беготне прислуги, в дыму, в душной атмосфере», написал он целую главу из «Мертвых душ», которую считал одной из самых вдохновенных. «Странное дело, — говорил Гоголь, — я не могу и не в состоянии работать, когда я предан уединению, когда не с кем переговорить, когда нет у меня между тем других занятий и когда я владею всем пространством времени, неразграниченным и неразмеченным. Меня всегда дивил Пушкин, которому для того, чтобы писать, нужно было забраться в деревню одному и запереться».

нарх Введенский, который перевел, уже с английского, сначала «Домби и сын», а потом «Пиквикский клуб» (1847). Правда, его впоследствии упрекали в излишних вольностях, неточностях, находили у него сплошную «отсебятину» и вообще, по новейшим требованиям, не склонны были считать это переводом. Конечно, если у Диккенса сказано, что члены Пиквикского клуба изучали, как в Хемпстедских прудах живет корюшка, то для русских читателей что это за рыба? Введенский заменял корюшку на карася, который в Хемпстедских прудах, наверное, и не водится. «В переводах Введенского неразрывно сплелись безграничная фантазия, переводческая дерзость, доходящая до развязности, и редкостное постижение самого духа переводимого автора», — отмечал исследователь, отдавший много сил изучению диккенсовских переводов в России¹. Именно Введенский заставил русских читателей от души смеяться и плакать над Диккенсом, он открыл диккенсовский мир Достоевскому, он, короче говоря, сумел сделать автора «Пиквикского клуба» в нашей стране своим.

Иринарх Введенский открыл русским читателям и Теккерея. Под названием «Базар житейской суеты» Введенский выпустил в том же году, как она появилась, «Ярмарку тщеславия». Перевод печатался сначала в журнале (1847—1848), а потом отдельно (1850—1853). Уж эту книгу точно держал «в уме» Толстой, когда приступил к работе над «Войной и миром». Известно, Толстой обещал создать Бородино, «какого еще в литературе не было», и он добился этого, зная вместе с тем Ватерлоо, созданное Теккереем (а также Стендалем).

Что же касается «Алисы в Стране Чудес», то история ее появления в России вполне достойна этой книги, т. е. загадочна. У себя на родине «Приключения Алисы в Стране Чудес» появились в 1865 году. В 1867 году Льюис Кэрролл побывал в России. А в 1879 году в Москве вышла книжка «Соня в царстве дива» — пересказ «Алисы». Но автор его не указан. Есть вместе с тем письмо Льюиса Кэрролла к своему английскому

¹ Катарский И. М. Диккенс в России. М.: Наука, 1966, с. 271.

издателю, где сообщается, что «мисс Тимирязева хотела бы перевести „Алису" на русский язык» (1871). Кто же это? Возможно, Ольга Ивановна Тимирязева, двоюродная сестра выдающегося ученого К. А. Тимирязева. Ее родной брат оставил воспоминания, в которых рассказывает о своей семье, дружившей с Пушкиным и со многими людьми пушкинского круга, о том, как они с сестрой еще в детские годы читали на основных европейских языках, в том числе на английском, причем книги подбирал им сам Жуковский¹. И, действительно, «Соня в царстве дива» выдержана в той традиции русской и переводной литературной сказки, которая была у нас создана Пушкиным и Жуковским.

Теперь обратимся к «героям» книги Винтериха, прибывшим к нам из-за океана.

Первым американским писателем-беллетристом, получившим признание в Европе, был Вашингтон Ирвинг — друг Вальтера Скотта, автор рассказов, легенд и сказок, хорошо известных Пушкину. Его «Жизнь Магомета» перевел известный собиратель русских народных песен Петр Киреевский. Ироническая «История Нью-Йорка» подала мысль Салтыкову-Щедрину для «Истории одного города». А первый перевод из «Книги эскизов», о которой говорится у Винтериха, появился в 1825 году, сделанный декабристом Н. А. Бестужевым. Это был «Рип Ван Винкль» (1819) — заглавный персонаж этого рассказа стал в Америке своего рода национальным героем.

«Два-три рассказа Эдгара По уже были переведены на русский язык в наших журналах», — так в 1861 году писал Достоевский. Это верно и не верно. Рассказов Эдгара По на русском языке к тому времени было разбросано по журналам уже не менее десятка², но сложившегося представления о нем не было, и Достоевский передает это ощущение фрагментарности. Так, между прочим, было и в Америке. Вообще истинное

¹ Тимирязев Ф. И. Страницы прошлого. — Рус. архив, 1884, № 1—2, с. 313, 316—317, 320.

² Сведения об этом систематизированы А. Н. Николюкиным в кн.: По. Э. Полное собрание рассказов. М.: Наука, 1970.

признание пришло к Эдгару По кружным путем, через океан, из Франции. Все же самый хрестоматийный из того сборника рассказов, которому посвящен очерк Винтериха, — «Золотой жук» (1840), появился на русском языке еще при жизни писателя, в 1847 году.

В приложении к «Современнику» 1856 года и под названием «Красная буква» вышел роман Натаниэля Готорна, называемый у нас в новом издании «Алой буквой». В известном смысле можно сказать, что из этой небольшой книги вышел последующий американский роман. «Алая буква» — одна из наиболее знаменитых американских книг, и, естественно, Винтерих рассказывает о ней. Первым переводчиком этой книги в России был, вероятно, М. Михайлов, поместивший в 1861 году там же, в «Современнике», о Готорне статью. Чернышевский, вдохновитель «Современника», считал Готорна «писателем великого таланта».

Но самой популярной американской книгой прошлого века в России была, конечно, «Хижина дяди Тома» (1852). На это были понятные причины: читая о рабстве негров в Америке, русские читатели имели лишний повод задуматься о крепостной зависимости крестьян. В самом конце 1857 года Некрасов как редактор «Современника» сообщал Тургеневу, который был знаком с автором книги — Гарриет Бичер-Стоу: «Открылась возможность перевести „Дядю Тома“».

В то время царские рескрипты обещали, наконец, близкое решение вопроса об освобождении «белых рабов» (Герцен). И действительно, в приложении к «Современнику» за 1858 год роман Бичер-Стоу был издан по-русски. Ради того, чтобы успеть за развитием общественных настроений, над переводом трудилась целая бригада переводчиков. Однако еще раньше, уже в 1857 году, «Хижина дяди Тома» появилась в «Русском вестнике»¹.

Со временем еще один американец сделался совсем «русским» писателем — Марк Твен. Нам покажется не-

¹ Подробно о судьбе книг Бичер-Стоу в России см.: Бушканец И. Н. Творчество Бичер-Стоу в оценке революционных демократов. — В кн.: Русская литература и освободительное движение. Казань, 1968.

ожиданным, что из книг Марка Твена Винтерих выбрал достойную, но все же далеко не самую знаменитую его книгу, — «Простаки за границей» (1869). Дело в том, что Винтерих рассказывает о книгах, впервые прославивших своих авторов. Хотя за пределами Америки «Простаки» известны значительно меньше, чем «Том Сойер» или «Гек Финн», но на родине эта книга путевых записок принесла Марку Твену широкую славу. Она была воспринята как ответ на «американские впечатления» европейских путешественников, которые, посещая Новый Свет, рассматривали его несколько свысока. Со своей стороны, о поездках в Европу рассказывали и Вашингтон Ирвинг и Фенимор Купер, но их путевые заметки исполнены просто сыновнего почтения к нравам и обычаям Старого Света, «нашего старого очага», как выразился Готорн. Марк Твен первым позволил себе говорить иронически о европейских предрассудках, короче, обо всем том «старом», что с точки зрения американца-демократа, каким был Марк Твен, отжило свой век. Поэтому, в частности, в прежних русских переводах «Простаков» (первый — 1897 г.) царская цензура всегда кромсала главы о посещении американцами в Крыму императорской фамилии¹.

По хронологическому порядку прежде «Простаков за границей» следовало бы сказать о «Листьях травы» (1855) Уолта Уитмена, но к русскому читателю это имя пришло уже значительно позднее, вместе с двадцатым веком. «В России пропагандировать Уитмена начал поэт Бальмонт, — вспоминал Корней Чуковский. — Но едва он напечатал в издательстве «Скорпион» книгу переводов Уитмена «Побеги травы» (1905) — таков был у Бальмонта вариант заглавия — книга подверглась конфискации, и почти все ее экземпляры были уничтожены по распоряжению властей»². Точно так же преследовались и переводы Чуковского из Уитмена. Мо-

¹ См.: Старцев А. И. Молодой Твен в России. — В кн.: Марк Твен. Знаменитая скачущая лягушка и другие рассказы. М., 1943, с. 132—133.

² Уолт Уитмен. Листья травы. Пер., вступ. статья и примеч. К. И. Чуковского. Л., 1935, с. 5.

тивы были даже не собственно политические, а преимущественно — религиозное бунтарство и нравственная «скандальность» этих стихов. В 1918 году стихи Уитмена стали одной из первых книг, выпущенных Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.



Этого своего сборника Джон Винтерих уже не дополнил новыми главами, однако он продолжал работать как историк книги и библиограф, и в 1936 г. с его предисловием вышли «Приключения Тома Сойера». «Как появилась эта книга» — таково было название предисловия, причем под «книгой» автор по своему обыкновению понимал тот конечный результат литературно-издательского процесса, который начинается за рабочим столом писателя и заканчивается на прилавке книжного магазина: когда перед посетителем книжного магазина оказывается продукт длительных совместных усилий писателя, редактора, художника-иллюстратора и издателя. Винтерих был одним из первых исследователей книги, которые стали всматриваться во взаимодействие основных сил, создающих явление творческой, письменно-печатной культуры. Понимая прекрасно решающее значение текста в этом процессе, он, как уже было сказано, в то же время понимал изначальную роль читателя, или, обобщенно говоря, «социального заказа» в рождении произведения, а затем книги. Произведение редко замышляется уже в виде определенного издания, однако творческий замысел, как правило, рождается в ответ на запрос предполагаемого читателя, а читательский запрос, в свою очередь, исходит из уже существующих, установленных литературно-издательских норм: жанр произведения подсказывается существующими типами изданий, прежние типы изданий видоизменяются под воздействием новых литературных замыслов — так совершается литературно-книжный круговорот, и книговеды-исследователи, подобные Винтериху, внесли дельный вклад в его изучение. Опыты такого изучения составили данный сборник, а поскольку предисловие к «Приключениям

Тома Сойера» Винтерих написал в том же духе, его было решено включить, как приложение, в ту же книгу.

К тому, что Винтерих рассказывает о рождении еще одной знаменитой книги, можно добавить некоторые подробности, иллюстрирующие все ту же мысль о взаимодействии всех компонентов, участвующих в создании книги. Например, бумага. Едва ли сам Марк Твен думал о том, на какой бумаге будет отпечатан его роман. Однако об этом пришлось подумать издателям. Конечно, издателям придется неизменно думать о бумаге, однако и бумага в данном случае должна была сыграть роль совершенно особую — как «соавтор» писателя!

Как увлекательное повествование «Приключения Тома Сойера» нашли отклик в читательских сердцах сразу, но книга все же показалась читателям недостаточно объемистой. Разумеется, хотелось бы, чтобы «Приключения Тома Сойера», как всякая увлекательная книга, были подлиннее. Но помимо увлеченности читатели предъявляли свои претензии автору и издателям по другой причине — чисто материальной. Первое издание «Тома Сойера» печаталось, как мы знаем, в том же городе, где тогда жил Марк Твен — Хартфорде, штат Коннектикут. «Коннектикутский янки при дворе короля Артура» — это еще одна книга, которую со временем написал Марк Твен. У нас она известна под названием несколько сокращенным — «Янки при дворе короля Артура». Что нам — «коннектикутский»? Но для соотечественников писателя, как и для него самого, это определение говорило о многом. Коннектикут — один из шести штатов Новой Англии, Восточного побережья Америки, откуда, собственно, начались Соединенные Штаты. Так что «коннектикутский» значит — «истинно американский», а «коннектикутский янки», стало быть, «американец из американцев». И, среди прочего, это означает — человек весьма практичный. И вот чем первые читатели «Приключений Тома Сойера», в общем с удовольствием читая эту книгу, все же остались недовольны. Как же так? Совсем недавно и за ту же цену они приобретали «Простаков за границей» — о них Винтерих рассказывает, а та книга была потолще!

Что оставалось делать? Читатель-покупатель всегда

прав, иначе с ним и разговаривать невозможно, особенно если это янки из Коннектикута. Однако Марк Твен дописывать книгу просто так, ради увеличения объема, не собирался, да уже и некогда это было делать. Тогда на следующий типографский «завод» издатели пустили бумагу поплотнее, и книга по весу и толщине перестала уступать «Простакам за границей» (и за ту же цену!). А коннектикутский янки, он, конечно, человек практичный, но в то же время достаточно простодушный — это Марк Твен чудесно описал, но, правда, после этого из города Хартфорда (штат Коннектикут) вскоре уехал.

Впрочем, со временем Марк Твен вернулся в тот же Коннектикут, поселился в городке Соммерфилд, где и умер. Дом в Хартфорде, построенный по заказу Марка Твена, знавший лучшие времена его вдохновения и наибольшего литературного успеха, сохранился. После того, как Марк Твен продал этот дом, он переходил из рук в руки и, в конце концов, был занят школой для мальчиков, сверстников Тома Сойера и Гекльберри Финна, а затем стал городской библиотекой. В 1955 г. в нем был открыт мемориальный музей Марка Твена. Отметим, что совсем рядом, на том же земельном участке, находится дом Гарриет Бичер-Стоу: автор «Приключений Тома Сойера» и автор «Хижины дяди Тома» были соседями.

Первое издание «Приключений Тома Сойера» было выпущено в количестве 5 тыс. экземпляров. Отметим, что примерно столько же составляет и сейчас в США тираж первого издания какого-либо романа, особенно если это первый роман малоизвестного или вовсе нового автора. Речь идет о так называемых «изданиях в твердых обложках», то есть сравнительно дорогих. Если книга расходуется, ее тиражируют в обложках «мягких», делая книгу более дешевой и массовой. Но для времен Марка Твена это был достаточно большой тираж, не говоря о том, что за ним последовали и другие издания, которые с тех пор так, в сущности, и стали выходить одно за другим и — по всему миру. Том и его верный друг Гек зашагали по свету — такими они и изображены на памятнике, который был им поставлен в городе Ганнибал (штат Миссури), где Марк Твен

вырос и где он поселил своих героев-мальчишек, правда, назвав их городок Санкт-Петербургом.

Следует также отметить, что при всем своем изначальном успехе «Приключения Тома Сойера» в США не печатались в журналах «с продолжением», зато именно так эта книга была впервые издана у нас, она печаталась в санктпетербургском журнале «Семейные вечера» в 1877 г., меньше чем через год после появления в Америке¹. Отдельным же изданием на русском языке «Приключения Тома Сойера» вышли уже позднее, в 1886 г., их выпустил известный издатель А. С. Суворин.

В 1898 г. вышло чрезвычайно своеобразное издание «Тома Сойера». Оно было выпущено в Южно-Русском издательстве (Киев—Харьков), а перевод был сделан Л. Н. Гольдмерштейном, который, как указано на титульном листе, являлся «бакалавром», то есть выпускником-дипломантом, Оксфордского университета. Того самого университета, добавим, который со временем присудил Марку Твену почетную докторскую степень. Но кем же был переводчик? Судя по всему, специалистом по юриспруденции, ибо ему принадлежит книга «Морское право России, Германии, Франции, Англии и Швеции» (1903). Большого мы пока сообщить о переводчике не можем, но надо сказать, что перевод сделан полно, точно, с видимым знанием дела и хорошо читается до сих пор. Читатель может судить об этом сам хотя бы по первым строкам книги:

«— Том!

Никакого ответа.

— Том!

Никакого ответа.

— Ну что там случилось с мальчишкой, хотела бы я знать? Эй, Том!

Старая женщина сдернула очки вниз и поверх очков осмотрела комнату, затем вздернула их наверх и посмотрела из-под них».

Конечно, по нормам нынешнего литературного перевода, здесь чувствуется буквализм, а, главное, недо-

¹ См.: Левидова И. М. Марк Твен. Библиогр. указ. М.: Книга, 1974, с. 42—43.

статочно подчеркнут этот жест — с очками — который у Марка Твена описан очень точно. Для сравнения приведем те же строки в более позднем переводе, вышедшем уже в 1927 г. под редакцией Корнея Чуковского.

«— Том!

Ответа нет.

— Том!

Ответа нет.

Старуха опустила очки на нос и поверх очков оглядела всю комнату; потом подняла их на лоб и глянула из-под очков».

Что жест этот красноречив и важен, об этом говорят дальнейшие усилия переводчиков — и самого Корнея Чуковского, который выпустил свой перевод в новой редакции в 1935 г., и вошедший в наше собрание сочинений Марка Твена перевод Н. Дарузес: «Тетя Полли спустила очки на нос и оглядела комнату поверх очков, затем подняла их на лоб и оглядела комнату из-под очков». Окончательный ли это вариант? «Приключения Тома Сойера» — необычайно живая книга, потому с ней и не расстанутся все новые и новые поколения читателей. И все новые и новые переводчики будут стараться продлить ее жизнь для тех, кто не знает этой книги в оригинале.

Перевести Марка Твена — значит передать самый дух его творчества, а об этом в 1910 г., когда Марк Твен умер, прекрасно сказал А. И. Куприн: «Точное, здоровое и прилежное наблюдение жизни, мужественное сердце, спокойная любовь к родине — и рядом с нею широкая всечеловечность, свободное понимание прелести шуток, порою — простонародная грубоватость, чисто мужская покровительственная нежность к детям и женщинам, легкое преувеличение в сторону лирического и трогательного и чрезмерное — в сторону смешного и порочного, а в глубине — неистощимая любовь к человеку»¹.

Каждая из книг, о которых рассказывает Винтерих (а мы соответственно дали русский вариант тех же

¹ Куприн А. И. Собр. соч. В 9-ти т. М.: Правда, 1964, т. 9, с. 490.

книжных судеб), не только на свет появилась с приключениями, но и впоследствии прожила богатую событиями жизнь. Вокруг книг этих шла борьба, время «редактировало» их, подчас просто переписывая заново: меняя отношение к ним читателей, меняя самих читателей. Книги эти продолжают жить и, стало быть, история их далеко еще не закончена. К ней еще будут возвращаться не раз и специалисты-историки и книголюбцы. Из этих очерков читатель узнал о рождении некоторых знаменитых книг, о первых шагах «Робинзона и компании» (так иногда англичане в шутку называют свою классическую литературу). Дальнейшая же судьба каждой из них, сложная и богатая событиями, достойна особого разговора.

Д. Урнов

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Дефо Д. Робинзон Крузо: Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо. Роман. Л.: Лениздат, 1983. 269 с. (Школ. б-ка).

Дефо Д. Робинзон Крузо: Роман / Вступ. статья М. и Д. Урновых; Примеч. М. Алексеева. М.: Худож. лит., 1981. 240 с. (Классики и современники. Зарубеж. лит.).

Дефо Д. Робинзон Крузо; История полковника Джека / Пер. М. Шишмаревой; Вступ. статья М. и Д. Урновых. М.: Худож. лит., 1974. 527 с. (Б-ка всемирной лит.).

Дефо Д. Избранное / Под общ. ред. и с послесл. М. Урнова. М.: Правда, 1971. 511 с. с ил. (Б-ка «Огонек». Б-ка зарубеж. классики).

Аникст А. А. Даниэль Дефо: Очерк жизни и творчества. М.: Детгиз, 1957. 133 с.

В очерке воссоздано время, когда жил и творил Дефо, обрисован облик политика, мыслителя и художника, придавшего неповторимые черты английскому Просвещению. обстоятельно рассмотрены история создания романа «Робинзон Крузо», источники его сюжета, тема труда и проблема «робинзонады» в мировой литературе, особенности реализма Дефо.

Белоусов Р. С. О чем умолчали книги. М.: Сов. Россия, 1971. 302 с.

В очерке «Как Дефо встретился с Робинзоном Крузо» автор пишет о том, что основой замысла знаменитого романа Дефо послужил реальный факт, и рассказывает историю шотландского морехода Александра Селькирка, проведшего немало времени на необитаемом острове, расположенном в шестистах километрах к западу от берегов Чили.

Елистратова А. А. Английский роман эпохи Просвещения. М.: Наука, 1966. 472 с.

В главе, посвященной Дефо и открывающей персональный ряд английских романистов-просветителей, говорится о долгой

жизни писателя, который несколько раз сидел в тюрьме, трижды стоял у позорного столба по приговору суда, дважды терпел банкротство, дряхлым больным стариком был вынужден бежать из дому, чтобы скрыться от кредиторов, и, наконец, умер в чужом углу. Вокруг Дефо создалась атмосфера нападок, именитые литераторы пренебрежительно причисляли его к разряду «ступых, безграмотных писак», к «бесстыжим» авторам или просто — на просто не замечали его в литературном цеху, а подчас подшучивали над назидательными беседами Робинзона с Пятницей — и все же слава не обошла его стороной и по праву определила одно из ведущих мест в истории английского Просвещения. Тайну неповторимой притягательности творчества Дефо автор книги видит в его подлинном реализме, который «не просто констатирует факты», а «заставляет нас почувствовать творческую мощь человека».

Миримский И. В. Статьи о классиках. М.: Худож. лит., 1966. 252 с.

В статье о Дефо говорится, что публикация романа «Робинзон Крузо» в 1719 г. открывает традицию буржуазного реалистического романа. Каким образом робинзонада стала предметом широкого художественного обобщения и что вносит Робинзон в первобытный хаос природы, — на эти вопросы попытался дать ответ автор книги.

Урнов Д. М. Дефо. М.: Мол. гвардия, 1978. 256 с. с ил. (Жизнь замечат. людей).

«О Дефо говорили и говорят, что если бы он описал свою жизнь, то получилась бы книга, достойная романов — авантюрных», — так начинается творческая биография создателя «Робинзона Крузо», увлекательно написанная Д. Урновым. Любопытно и другое, на что обращает внимание автор биографии: Дефо сочинил не только не меркнувший в веках беллетристический шедевр, он создал вместе с книгой «читающую публику, разнообразную, массовую — одним словом, современную». Завершается «робинзонада» самого Дефо обзором того влияния, которое он оказал на последующее развитие представлений о цивилизации, о ее благах и естественной природе человека.

Урнов Д. М. Робинзон и Гулливер: Судьба двух литературных героев. М.: Наука, 1973. 87 с.

Сложные взаимоотношения двух выдающихся английских писателей XVIII в. — Дефо и Свифта — послужили материалом для сопоставительного анализа судеб двух созданных ими персонажей — литературных соперников Робинзона и Гулливера, ибо Дефо уверял, что в его романе каждое слово — правда, тогда как Свифт написал свой роман, чтобы доказать обратное: что все это ложь.

Голдсмит О. Избранное: Стихи; Векфильдский священник / Предисл. А. Ингера; Примеч. Н. Малевич. М.: Худож. лит., 1978. 302 с.

Смоллетт Т. Путешествие Хамфри Клинкера; Голдсмит О. Векфильдский священник / Вступ. статья А. Ингера; Примеч. Е. Ланна и Ю. Кагарлицкого. М.: Худож. лит., 1972. 567 с. (Б-ка всемирной лит.).

Елистратова А. А. Английский роман эпохи Просвещения. М.: Наука, 1966. 472 с.

В главе, посвященной Голдсмиту, говорится о поэтическом мастерстве писателя, создавшего в «Векфильдском священнике» «роман-синтез, в котором подытожен опыт всего предшествующего развития английского просветительского романа». Причем синтез этот — не результат механического сложения тем, образов и приемов, заимствованных у предшественников, а живой творческий акт, где органично слились и немногословная четкость и ясность Дефо, и драматизм психологического самоанализа Ричардсона, и дерзкий иронический юмор Филдинга, и желчный сатирический гротеск Смоллетта.

Кузьмин Б. А. О Голдсмите, о Байроне, о Блоке...: Статьи о лит. / Предисл. А. Штейна. М.: Худож. лит., 1977. 310 с.

В своей работе «Голдсмит и сентиментализм» автор ставит фигуру Голдсмита у самых истоков того литературного направления, которое стремилось к изображению жизни «в формах самой жизни», т. е. без преувеличения и гротеска, такой, как она есть. Творчество Голдсмита характеризуется как протест против апологии буржуазного прогресса и как шаг в сторону углубления человеческой психологии от поверхностного просветительства.

Бернс Р. Стихотворения / Послесл. Ю. Левина; Комментарий и глоссарий Л. Аринштейна. М.: Радуга, 1982. 701 с.

Бернс Р. Роберт Бернс в переводах С. Маршака / Вступ. статья и коммент. Р. Райт-Ковалевой; Худож. В. Фаворский. М.: Правда, 1979. 271 с. с ил.

Бернс Р. Стихотворения; Поэмы; Шотландские баллады / Пер. С. Маршака; Вступ. статья и примеч. Р. Райт-Ковалевой. М.: Худож. лит., 1976. 446 с. (Б-ка всемирной лит.).

Бернс Р. Лирика / Пер. с англ. С. Маршака; Предисл. Р. Райт-Ковалевой; Примеч. М. Морозова; Худож. В. Фаворский. М.: Худож. лит., 1971. 199 с. с портр. (Сокровища лирич. поэзии).

Бернс Р. В горах мое сердце: Песни, баллады, эпиграммы / В пер. С. Маршака; Предисл. Ю. Болдырева; Грав. В. Фаворского. М.: Дет. лит., 1971. 191 с. с ил., портр. (Поэтич. б-чка школьника).

Бернс Р. Песни и стихи / Пер. В. Федотова; Предисл. С. Васильева. М.: Сов. Россия, 1963. 232 с.

Отдельные стихи Р. Бернса включены в книги его русских переводчиков:

Козлов И. И. Полное собрание стихотворений / Вступ. статья, примеч. И. Гликмана. Л.: Сов. писатель, 1960. 507 с. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.).

Маршак С. Я. Избранные переводы / Вступ. слово Л. Гинзбурга. М.: Худож. лит., 1978. 494 с.

Михайлов М. Л. Собрание стихотворений / Вступ. ст. Ю. Левина. Л.: Сов. писатель, 1969. 620 с. с ил. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.).

Елистратова А. А. Роберт Бернс: Критико-биограф. очерк. М.: Гослитиздат, 1957. 159 с.

В очерке показано, как рожденное всей полнотой трудовой жизни, вобравшее в себя память народных обид, надежд и мечтаний творчество Бернса продолжает жить не только в камне и бронзе, но и в духовном мире современников нашего столетия, заставляя их смеяться и грустить, заучивать наизусть или петь полюболюбившиеся стихи и романсы. Освещают жизнь и творческая деятельность поэта, журнальная полемика вокруг первых переводов Бернса И. Козловым в 1829 г., отмечается восторженное отношение русских писателей XIX в. к шотландскому собрату.

Колесников Б. М. Роберт Бернс: Очерк жизни и творчества. М.: Просвещение, 1967. 240 с.

Очерк состоит из трех глав, в них рассматриваются жизнь поэта, его творчество и эстетические взгляды. В заключении

прослеживается судьба художественного наследия, оставленного Бернсом, влияние его эстетики на развитие школы английских романтиков конца XVIII — начала XIX в. и идеи народности в искусстве, на чартистскую литературу, говорится об ожесточенной борьбе вокруг личности поэта в XX в.

Морозов М. М. Шекспир, Бернс, Шоу... М.: Искусство, 1967. 352 с.

В очерке «Роберт Бернс» создававшаяся на протяжении двух столетий легенда о «пьяном гуляке», каким будто бы был великий шотландский поэт, развенчивается, как вздорный вымысел, ничего общего не имеющий с действительностью. Особое место отводится переводческой судьбе поэзии Бернса в России.

Райт-Ковалева Р. Я. Роберт Бернс. 3-е изд. М.: Мол. гвардия, 1965. 352 с. с ил. (Жизнь замечат. людей).

«Как и отчего человек начинает писать гениальные стихи? Откуда берется удивительный дар — заставлять слова звучать по-новому, в новых, неслыханных доселе сочетаниях, от которых у других людей захватывает дыхание и сильнее бьется сердце? Каким образом обыкновенные слова становятся песней, которую веками поет народ, гимном и маршем, провожающим героев на подвиг, признанием в любви, бичом сатиры, плясовой или колыбельной?» На эти и многие другие вопросы, возникающие при знакомстве с Бернсом, если не дает исчерпывающий ответ, то пытается к нему подойти как можно ближе в своих разъяснениях автор этой книги. Создать живой, запоминающийся литературный портрет — основная задача, с которой успешно справилась Р. Райт-Ковалева, известный переводчик английской литературы на русский язык.

Диккенс Ч. Собрание сочинений. В 10-ти т. / Вступ. статья М. Урнова; Ил. «Физа» (Х.-Н. Брауна). М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. Посмертные записки Пиквикского клуба. 727 с.

Диккенс Ч. Посмертные записки Пиквикского клуба: Роман. В 2-х т. М.: Правда, 1981.

Диккенс Ч. Собрание сочинений. В 30-ти т. / Под общ. ред. А. Аникста и др.; Вступ. статья В. Ивашевой. М.: Гослитиздат, 1957—1963.

Т. 2. Посмертные записки Пиквикского клуба. 1957. 519 с. с ил.

Т. 3. То же. 1957. 502 с. с ил.

Ивашева В. В. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М.: Худож. лит., 1974. 460 с.

В очерке «По прошествии столетия» автор книги говорит о том, как популярность Диккенса, угасавшая с первого десятилетия после его смерти, обрела новый взлет в середине XX в., когда за ним стала утверждаться слава «романиста всех времен», «великого писателя всех веков», поддерживаемая новыми научными изысканиями, шуточно называемыми «диккенсовской индустрией». На пестром фоне столкновений различных мнений о силе обличительного потенциала в романах Диккенса и о пафосе его социальной сатиры и юмора В. Ивашева раскрывает сложность творческой фигуры писателя, который сумел не только создать галерею типических портретов, но и отразить важнейшие социальные конфликты своей эпохи в неповторимом по художественному мастерству переплетении строго документального рисунка и гротеска, сатиры и морализации.

Ивашева В. В. Творчество Диккенса. М.: Изд-во МГУ, 1954. 470 с.

Литературное наследие Диккенса рассмотрено на фоне современной ему русской революционно-демократической мысли, социально-критически и вместе с тем доброжелательно оценившей реализм английского писателя. обстоятельному разбору подвергнуты все значительные произведения Диккенса, в том числе и «Посмертные записки Пиквикского клуба», творческая позиция Диккенса в годы развития чартизма (1838—1842), отношение писателя к Америке, творчество после 1848 г., его деятельность в качестве редактора журнала «Домашнее слово» и, наконец, последний этап жизни писателя, ничего общего не имевший с антинаучной выдумкой, будто он стал «учеником своих учеников» и опустился до уровня поставщика развлекательного чтения. Все литературное богатство, оставленное английским романистом, служит, не-

смотря на свою противоречивость, как показывает советский исследователь, борьбе за прогресс и справедливость против темных сил реакции и антигуманизма.

Главные этапы творческого пути английского классика с обстоятельной характеристикой его основных романов, историей их создания и откликами современников составляют содержание ряда других последующих критико-биографических очерков советских исследователей:

Катарский И. М. Диккенс: Критико-биогр. очерк. М.: Гослитиздат, 1960. 272 с; *Михальская Н. П.* Чарльз Диккенс: Очерк жизни и творчества. М.: Учпедгиз, 1959. 124 с; *Сильман Т. И.* Диккенс: Очерки творчества. Л.: Худож. лит., 1970. 376 с; *Тугушева М. П.* Чарльз Диккенс: Очерк жизни и творчества. М.: Дет. лит., 1979. 208 с.

Катарский И. М. Диккенс в России, середина XIX в. М.: Наука, 1966. 428 с.

Здесь говорится о начале известности Диккенса в России, приходящемся на 1837—1841 гг., о научных спорах, касающихся возможного влияния английского романиста на творчество Гоголя, о первых переводах Диккенса на русский язык, об изменении «репертуара» русской диккенсианы в 60-е гг. XIX в. и о диккенсовских мотивах в творчестве Достоевского 40—50-х гг.

Пирсон Х. Диккенс / Послесл. В. Каверина. М.: Мол. гвардия, 1963. 511 с. (Жизнь замечат. людей).

В жизни Диккенса не было ничего необыкновенного с общепринятой точки зрения, необыкновенной была его писательская неповторимость, позволившая советскому писателю В. Каверину сказать в своем очерке, помещенном в качестве послесловия в книге Х. Пирсона: «С первой страницы возникает уверенность в том, что Пирсон знает, как нужно писать о Диккенсе... Главное в Диккенсе — юмор... „Для биографа в его герое важно лишь неповторимое, а те качества, которыми он обладает вместе с миллионами других людей, — это уже материал для историка“. Книга Пирсона написана с юмором и о неповторимом... в книгу входишь, как в картинную галерею, причем многие картины представляют собой законченные психологические этюды...» Особенностью повествования Пирсона является сплетение театрального начала в творчестве английского прозаика с фактами личной жизни.

Уилсон Э. Мир Чарльза Диккенса / Вступ. статья В. Ивашевой. М.: Прогресс, 1975. 320 с.

Книга известного английского романиста и ученого-литературоведа Энгуса Уилсона, как отмечается во вступительной статье, «сочетает в себе глубоко продуманный психологический портрет Диккенса с богато документированной монографией

о его жизни и творчестве». В воссоздании личности писателя автор книги опирается на факты и на интуицию художника, но в разборе отдельных произведений Диккенса эта интуиция нередко ведет к субъективизму, спорности оценок, хотя полнота освещения не входила в его задачу. Уилсон отобрал для своей книги лишь то, что было необходимым для литературного портрета, для отражения диалектической связи внутреннего мира Диккенса и мира внешнего, против которого он восставал. При этом Уилсон проявил преувеличенный интерес к прототипам диккенсовских персонажей и нарушил историзм подхода в суждении о «Посмертных записках Пиквикского клуба».

Честертон Г. К. Чарльз Диккенс / Предисл. и коммент. К. Атаровой. М.: Радуга, 1982. 205 с.

Автор увлекательных детективных рассказов Гилберт Кит Честертон в этой книге выступает как талантливый биограф. На сей раз он вооружен не лупой, чтобы разглядеть механизм загадочных событий, а искренней любовью и интуицией, которые позволяют ему проникнуть в сложный мир творца, где таится множество неожиданностей. Об этой книге французский романист и тоже биограф Андре Моруа высказался парадоксально, но по существу верно, назвав ее в числе лучших когда-либо написанных биографий прежде всего потому, что это вовсе не биография. Необычность, нарушение канонов жанра делает эту книгу о Диккенсе таким наброском, эскизом или этюдом к биографии, который выглядит свежее, звучнее, чем тщательно завершенное монументальное полотно, ибо яснее обнаруживает мощный импульс исследования и сосредоточенности мысли, убедительнее раскрывает тайну демократической стихии смеха, нерасторжимости трагического и комического в творчестве Диккенса.

Теккерей У. М. Ярмарка тщеславия: Роман без героя / Вступ. статья Н. Михальской. М.: Худож. лит., 1983. 734 с. (Б-ка классики. Зарубеж. лит.).

Теккерей У. М. Собрание сочинений. В 12-ти т. / Под общ. ред. А. Аникста и др.; Вступ. статья В. Ивашевой. М.: Худож. лит., 1974—1980.

Т. 4. Ярмарка тщеславия. 1976. 829 с.

Теккерей У. М. Ярмарка тщеславия: Роман без героя / Пер. И. Дьяконова; Вступ. статья Е. Клименко. М.: Худож. лит., 1968. 814 с. (Б-ка всемирной лит.).

Ивашева В. В. Английский реалистический роман XIX века в его современном звучании. М.: Худож. лит., 1974. 460 с.

В главе «За щитом скептицизма» рассказывается о том, как поздно пришла к Теккерее заслуженная слава в Англии, которая не имела до того художников, достойных творческого состязания с ним. Исследование творчества Теккерее встречается с немалыми трудностями; много света на личность писателя бросило долгожданное снятие запрета (в завещании писатель не разрешил своим близким публикацию каких-либо материалов после его смерти). Отсутствие необходимых документов обернулось против самого писателя, дало возможность нечистоплотным литераторам фабриковать всякие небылицы и спекулятивные домыслы. Реабилитировать образ «Титана, сломленного обстоятельствами», показать величие английского сатирика — задача, убедительно решенная в этой книге В. Ивашевой.

Ивашева В. В. Теккерей-сатирик. М.: Изд-во МГУ, 1958. 304 с.

Творчество Теккерее в буржуазном литературоведении трактуется в приглаженном виде. Автор этой книги восстанавливает подлинный облик писателя — реалиста и сатирика, чьи произведения таят смелую критику буржуазного и аристократического тщеславия. Особое внимание уделяется раннему этапу творчества Теккерее, когда романист создавал самые острые произведения сатирического звучания.

Овчинникова Ф. Г. Творчество Теккерее. Л., 1961. 60 с.

Краткий очерк содержит всесторонний анализ идейно-художественных особенностей романа «Ярмарка тщеславия».

Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес; Киплинг Р. Сказки; Маугли; Милн А. А. Винни-Пух и все-все-все; Барри Д. Питер Пэн; Сказы, повести / Вступ. статья Ю. Кагарлицкого. М.: Дет. лит., 1983. 542 с. (Б-ка мировой лит. для детей).

Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес; Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье: Сказки / Вступ. статья Г. К. Честертона. М.: Правда, 1982. 319 с.

Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес: Сказка / Вступ. статья Д. Урнова. М.: Книга, 1982. 349 с.

Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране Чудес; Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье / Изд. подгот. Н. Демурова. М.: Наука, 1978. 358 с. (Лит. памятники).

Демурова Н. М. Льюис Кэрролл: Очерк жизни и творчества. М.: Наука, 1979. 200 с.

Опираясь на последние данные, лишь недавно вошедшие в научный обиход, автор очерка, переводчик, анализирует творческое наследие Кэрролла, которое на родине писателя менее всего изучалось как явление литературы. Художественный метод писателя Н. Демурова рассматривает под углом зрения таких понятий, как нонсенс, раздумья и догадки, время и пространство, сон, фольклор, игра, достигая осмысленности рассказанных Кэрроллом «бессмыслиц».

Падни Д. Льюис Кэрролл и его мир / Пер. с англ. М.: Радуга, 1982. 143 с. с ил.

Английский писатель и литературовед Джон Падни в своей книге популярно и увлекательно вводит читателя в причудливый мир фантастики Л. Кэрролла, освещая ее истоки и смысл, рассказывает о жизни ее творца, создав на основе писем живой образ человека, нестандартного по мышлению и поведению.

Урнов Д. М. Как возникла «Страна чудес». М.: Книга, 1969. 79 с.

В книге предпринята попытка объяснить, в чем заключена тайна широкой популярности сказки о приключениях маленькой девочки Алисы, давшей заглавия многим известным произведениям — романам О. Генри «Короли и капуста», С. Моэма «Пирожные с пивом», Э. Уилсона «Англосаксонские штучки», Р. П. Уоррена «Вся королевская рать»... Разгадку автор книги ищет в неистощимой склонности Кэрролла к парадоксам, недоразумениям, «жизни во сне», забавным выкрутасам, головоломкам, которыми изобилует миропорядок, основанный на социальной бессмыслице. Особое место уделяется переводческой судьбе текста Л. Кэрролла.

Ирвинг В. Новеллы; Купер Ф. Последний из могикиан / Пер. с англ.; Вступ. статья А. Зверева. М.: Худож. лит., 1983. 734 с. (Б-ка лит. США).

Ирвинг В. Новеллы / Пер. А. Бобовича; Предисл. А. Зверева. М.: Худож. лит., 1974. 208 с.

Литературная история Соединенных Штатов Америки. В 3-х т. / Под ред. Р. Спиллера и др. М.: Прогресс, 1977—1979. Т. 1. 1977. 603 с.

В очерке, посвященном В. Ирвингу, говорится об удачном стечении обстоятельств, которые из него — адвоката, коммерсанта, солдата и посла в Испании — сделали знаменитого писателя-классика, поэта-интерпретатора американских и европейских легенд. Большое внимание уделяется мастерству писателя, сумевшего ярко воплотить романтическую тему «времени, пожирающего вещи» и передать разочарование человека, вернувшегося из фантастической мечты в реальность. Предстает Ирвинг и как превосходный искатель литературных приключений, благодаря которым родилась занимательная тематика его произведения.

Николюкин А. Н. Американский романтизм и современность. М.: Наука, 1968. 411 с.

В главе «Америка Никербокера» Ирвинг предстает не сентиментальным джентльменом, «бегущим от серьезных сторон жизни», а сатирически насмешливым критиком буржуазного общества, неистощимым в непочтительных упреках романтической мистификации.

Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли: Амер. лит. со времени ее возникновения до 1920 г. В 3-х т. М.: Изд-во иностр. лит., 1962—1963.

Т. 2. 1962. 591 с.

В главе, посвященной Ирвингу, писатель показан любителем бродить по примечательным местам, страстным путешественником, который предпочитает овечьное духом романтизма прошлое прозе настоящего, поскольку не одобряет буржуазный прогресс.

По Э. Стихотворения; Проза / Сост., вступ. статья и примеч. Г. Злобина. М.: Худож. лит., 1976. 876 с. (Б-ка всемирной лит.).

По Э. Избранные произведения. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1972.

По Э. Полное собрание рассказов / Изд. подгот. А. Елистратова и др. М.: Наука, 1970. 799 с. (Лит. памятники).

Брукс В. В. Писатель и американская жизнь. В 2-х т. / Послесл. М. Мендельсона. М.: Прогресс, 1971.

Т. 2. 255 с.

В статье «Эдгар По» американский критик воссоздает облик человека обширных знаний и поразительной начитанности в разных сферах — литературы, науки и механики. Отмечается своеобразие писательской манеры По, который стремился обнять «неведомое, туманное, непостижимое», вызвать ассоциации зловещие или величественные, совместить смешное с ужасным и заставить поверить в невозможное.

Динамов С. С. Зарубежная литература: Сб. статей / Предисл. Е. Романовой. М.: Гослитиздат, 1960. 455 с.

В работе «Творчество Эдгара По», вошедшей в сборник, автор стремится показать, что бегство писателя от реальности в вымышленный, фантастический мир напоминает бумеранг, возвращающийся к исходной точке своего полета, и стало страшным отражением самой действительности; отмечается исключительная напряженность сюжетов По.

Литературная история Соединенных Штатов Америки. В 3-х т. / Под ред. Р. Спиллера и др. М.: Прогресс, 1977—1979. Т. 1. 1977. 603 с.

Маттисен Ф. О. Ответственность критики. Пер. с англ. / Предисл. Я. Засурского. М.: Прогресс, 1972. 376 с.

Американский литературовед и публицист Ф. О. Маттисен в очерке об Э. По, помещенном в оба названные выше издания, создает литературный портрет смелого, внутренне противоречивого художника, до сих пор, спустя более сотни лет, вызывающего разноречивые оценки и характеристики. Критик напоминает, что для одних это был своеобразный талант, для других — «пустозвон», во Франции он прослыл великим поэтом, а его соотечественник писатель Г. Джеймс утверждал, что любовь к Э. По — всего лишь «свидетельство совершенно примитивного уровня мысли». Романтическая легенда вокруг имени По становится под взглядом Маттисена не только историей неуравновешенной натуры, искавшей разрядки в алкоголе, человеческой жизни, исполненной напряженного труда и нервной подавленности, но и историей творца-новатора, родника многих литературных традиций.

Николокин А. Н. Американский романтизм и современность. М.: Наука, 1968. 411 с.

В главе «Новеллистика Эдгара По», которой предпослан эпиграф из «Железного Миргорода» С. Есенина: «Там до сих пор остается неразрешенным вопрос: нравственно или безнравственно поставить памятник Эдгару По», — раскрывается суть многолетнего спора об оценке трудной славы американского писателя-романтика. По не вел открытой атаки на скрижали буржуазного мира, она у него завуалирована шуткой, насмешкой, дурачеством, парадоксом и вызывает у читателя презрение к духовному убожеству деляческой Америки, к бизнесу как узаконенной системе жульничества.

Готорн Н. Избранные произведения. В 2-х т. / Вступ. статья Ю. Ковалева. Л.: Худож. лит., 1982.

Готорн Н. Алая буква: Роман / Пер. с англ. Н. Емельяниковой и Э. Линецкой; Вступ. статья и примеч. А. Левинтона. М.: Гослитиздат, 1957. XXIV, 247 с. с ил.

Брукс В. В. Писатель и американская жизнь. В 2-х т. / После сл. М. Мендельсона. М.: Прогресс, 1967. Т. 1. 424 с.

В главе «Готорн в Сейлеме» дается облик писателя, человека с робким и уклончивым характером, охваченного стремлением уйти от домашнего затворничества, приобщиться к романтическим тайнам, но силой обстоятельств вынужденного совершать свои странствия... по своей комнате, а силой таланта — воссоздать яркий мир необычайного.

Каули М. Дом со многими окнами / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1973. 328 с.

В очерке «Готорн в уединении» рассказывается о жизни писателя, протекшей в миниатюрной пустыне, какой был в те времена небольшой городок Сейлем. Но это однообразие существования скрашивал упорный труд, обогативший художественную культуру важными открытиями внутреннего мира человека, оказавшегося в отчаянном одиночестве. Создав произведения из смеси фантазии и реализма, Готорн, как говорит автор, «заделал дыру, ведущую в эту пропасть, и построил на ней совершенно иную жизнь».

Литературная история Соединенных Штатов Америки. В 3-х т. / Под ред. Р. Спиллера и др. М.: Прогресс, 1977—1979. Т. 1. 1977. 603 с.

Одна из глав книги посвящена Готорну. В ней прослежена история жизни писателя, которая дает ключ к пониманию его творчества. Отмечается искусство Готорна запечатлеть «грех» (или, как он называл, «пятно на совести»), потрясающий сердца мужчин и женщин.

Николюкин А. Н. Американский романтизм и современность. М.: Наука, 1968. 411 с.

Центральный персонаж главы «Иллюзия и реальность Америки» — Готорн, чье творчество отразило разлад между поэтической иллюзией и действительностью и вместе с тем ознаменовало поиск «истинных и нетленных ценностей, скрытых в скучных происшествиях и заурядных характерах».

Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома: Роман / Пер. с англ. Н. Волжиной; Ил. Н. Цейтлина. М.: Правда, 1980. 479 с. (Б-ка зарубеж. классики).

Белусов Р. С. О чем умолчали книги. М.: Сов. Россия, 1971. 303 с.

В очерке «Ключ к хижине дяди Тома» рассказана история возникновения замысла прославленного романа Бичер-Стоу, скромной женщины, отважившейся сорвать маску с отвратительной физиономии рабства.

Брукс В. В. Писатель и американская жизнь. В 2-х т. М.: Прогресс, 1967. Т. 1. 424 с.

В статье «Горизонт Новой Англии» Брукс говорит о значении романа «Хижина дяди Тома», оценивает его как «великий эпос народной жизни и своего времени». Автор отмечает, что Бичер-Стоу обладала всеохватывающим зрением и тонким пониманием человеческих отношений, и потому ее книга — явление литературы, а не пропаганды, что стремление показать человека без прикрас роднит ее талант по размаху и художественной законченности с гением таких великих писателей, как Диккенс, Купер, Скотт и Гюго.

Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли: Амер. лит. со времени ее возникновения до 1920 г. В 3-х т. М.: Изд-во иностр. лит., 1962—1963.

Т. 2. 1962. 592 с.

В главе, посвященной Бичер-Стоу, прослеживается духовная родословная писательницы от английских пуритан, которые выдержали долгую борьбу с феодальными обычаями и средневековой идеологией. Но писательница искала ответы не столько в догматах вероучения и проповедях, сколько в проявлении теплоты чувств, отсюда такая популярность романа «Хижина дяди Тома», обнажившего вопиющую несправедливость и вызывавшего к гуманности и совести.

Уитмен У. Листья травы / Предисл. М. Мендельсона; Коммент. А. Ващенко. М.: Худож. лит., 1982. 495 с.

Лонгфелло Г. Песнь о Гайавате; Уитмен У. Стихотворения и поэмы; Дикинсон Э. Стихотворения /Пер. с англ.; Вступ. статья Е. Осеневой. М.: Худож. лит., 1976. 526 с. с ил. (Б-ка всемирной лит.).

Отдельные стихи У. Уитмена опубликованы в книгах:

Зенкевич М. А. Американские поэты. М.: Худож. лит., 1969. 285 с.

Маршак С. Я. Собрание сочинений. В 4-х т. М.: Худож. лит., 1969.

Т. 4. 687 с. с ил.

Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1970. 472 с. с ил. (Б-ка поэта. Большая сер. 2-е изд.).

Засурский Я. Н. Жизнь и творчество Уитмена. М.: Знание, 1955. 32 с.

Очерк был опубликован к 100-летию со дня выхода в свет первого издания «Листьев травы». Он содержит характеристику раннего творчества поэта, анализ его книги «Листья травы» и критики американской буржуазной демократии. В заключение говорится о выступлении Уитмена за дружбу между народами и о внимании многих деятелей мировой культуры к его творчеству.

Литературная история Соединенных Штатов Америки. В 3-х т. / Под ред. Р. Спиллера и др. М.: Прогресс, 1977—1979. Т. 1. 1977. 603 с.

Ключом к пониманию специфики выдающегося литературного памятника «Листья травы» может служить высказывание его создателя, самого Уитмена, утверждавшего: «„Листья травы“... по существу, были... попыткой... заговорить о личности, человеке (о себе в Америке второй половины XIX века), заговорить свободно, полно и правдиво». Эти слова стали отправной точкой повествования об Уитмене — человеке и поэте-трибуне — в главе, посвященной ему.

Мендельсон М. О. Жизнь и творчество Уитмена. М.: Наука, 1969. 351 с.

Издание творческой биографии приурочено к 150-летию со дня рождения поэта. Автор решительно опровергает фальсификаторские легенды о творце «Листьев травы», изображающие певца братской любви и сотрудничества людей неким простачком, несмышленишем. В книге Уитмен показан борцом за души человеческие, за светлое будущее товарищества мужчин и женщин, всех наций и рас, пророком веры в победу на земле

коллективистских чувств, художником, который видел мир необъятно широким и говорил о нем словами простыми, неувядающе свежими. Личность поэта, загадка его популярности разносторонне рассматриваются в разделах: «Рождение поэта», «Листья травы», «Барабанный бой», «...Стоять до конца». В заключение приводятся данные о судьбе литературного наследия Уитмена за рубежом и на его родине.

Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли: Амер. лит. со времени ее возникновения до 1920 г. В 3-х т. М.: Изд-во иностр. лит., 1962—1963.

Т. 3. 1963. 603 с.

В главе «Культура в 70-е годы» творчество Уитмена охарактеризовано, как закат эпохи Просвещения, когда в Америке на смену возвышенной интеллектуальности пришла жизненно-бывшая радость приятия бытия. Певец демократии и братства выразил на языке поэзии веру в будущее и оптимизм даже тогда, когда стал «стар, одинок, болен, немощен и изнурен страданиями».

Старцев А. И. От Уитмена до Хемингуэя. М.: Сов. писатель, 1972. 407 с.

В литературной истории США автор книги выделяет, по его словам, «ключевые фигуры», не случайно открывая их ряд именем Уолта Уитмена. Создатель «Листьев травы» находится у истоков мощной традиции, связанной с борьбой за освобождение социального и эстетического сознания американского народа от засилья буржуазной идеологии, с развенчанием культа денежного мешка, с осуждением попрания человеческого достоинства.

Чуковский К. И. Мой Уитмен: Его жизнь и творчество; Избранные переводы из «Листьев травы»; Проза. 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1969. 304 с. с ил.

Свое яркое личное восприятие творчества Уитмена К. Чуковский дополнил собственными переводами «Листьев травы» и двумя специальными очерками. В них особое место уделяется изданию и распространению произведений Уитмена в России, которые привлекли к себе внимание И. Тургенева, Л. Толстого, И. Репина, К. Бальмонта, В. Хлебникова, В. Маяковского. Приводятся наиболее характерные оценки, высказанные об Уитмене в зарубежной литературе.

Твен М. Приключения Тома Сойера; Приключения Гекльберри Финна / Пер. с англ. Н. Дарузес; Вступ. статья М. Мендельсона. М.: Правда, 1980. 528 с. с ил. (Б-ка зарубеж. классики).

Твен М. Приключения Тома Сойера; Приключения Гекльберри Финна; Рассказы / Вступ. статья М. Мендельсона. М.: Худож. лит., 1971. 735 с. (Б-ка всемирной лит.).

Твен М. Собрание сочинений. В 12-ти т. / Под общ. ред. А. Елистратовой и др.; Вступ. статья М. Мендельсона. М.: Гослитиздат, 1959. 1962.

Т. 1. Простаки за границей, или Путь новых паломников. 1959. 639 с.

Т. 4. Приключения Тома Сойера. 1960. 670 с.

Белоусов Р. С. О чем умолчали книги. М.: Сов. Россия, 1971. 303 с.

В очерке «Там, где жил Том Сойер» говорится о городе детства Твена, расположенном на реке Миссисипи, — Ганнибале, где ныне открыт музей писателя и имена героев его популярного романа попадают на каждом шагу на вывесках различных заведений.

Боброва М. Н. Марк Твен: Очерк творчества. М.: Гослитиздат, 1962. 503 с. с ил.

Книга посвящена тому, как, несмотря на препоны, которые правящие классы США чинили Твену, борясь и страдая, преодолевая собственные заблуждения, писатель мужественно выполнял долг гражданина и защитника правды, выражал надежды и протест широких народных масс, стал «великим социальным романистом». В книге прослежен весь творческий путь Твена, приведший его на позиции беспощадного обличителя преступных деяний американского империализма.

Драгунский В. Ю. Марк Твен обвиняет: Пьеса-памфлет в 3-х д. — Современ. драматургия, 1984, № 2, с. 203—230.

В пьесе воскрешена любопытная страница жизни писателя — эпизод, связанный с выборами его в сенат и с «бессовестной травлей», которой его подвергли, вплоть до привлечения к суду, за бескорыстное служение народу.

Литературная история Соединенных Штатов Америки. В 3-х т. / Под ред. Р. Спиллера и др. М.: Прогресс, 1977—1979.

Т. 2. 1978. 526 с.

В очерке о Твене отмечается неповторимая печать национального в его творческой личности. Краткое изложение его биографии — это история «золотоискателя», разрабатывающего богатейшую жилу в родной земле и пришедшего после поисков к мысли, что «все человеческое грустно», ибо «сокровенный источник юмора не радость, а горе».

Мендельсон М. О. Марк Твен. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мол. гвардия, 1958. 383 с. с ил. (Жизнь замечат. людей).

Публикации твеновских рассказов, статей и памфлетов на рубеже середины XX века дали материал для новых страниц биографии писателя. Книга М. Мендельсона состоит из множества коротких зарисовок, построенных отчасти на новом материале, воссоздающих титаническую творческую деятельность Твена.

Паррингтон В. Л. Основные течения американской мысли: Амер. лит. со времени ее возникновения до 1920 г. В 3-х т. М.: Изд-во иностр. лит., 1962—1963.

Т. 3. 1963. 603 с.

В главе «Культура в 70-е годы» говорится о самобытности творчества Твена, подытожившего трехсотлетний опыт американского образа жизни, о «медленном дрейфе» художественной мысли писателя к сатире, на пути которого было множество сражений с мельницами и безмерная расточительность, чтобы высмеять всех богов «позолоченного века».

Ромм А. С. Марк Твен. М.: Наука, 1977. 192 с. (Из истории мировой лит.).

Книга исполнена искреннего удивления талантом Марка Твена поражать своим жизнелюбивым весельем, насмешливым, озорным тоном. Автор пишет о том, что Твен умел повернуть любое явление смешной и вместе с тем социально значимой стороной. Особенно отмечено логическое завершение идейно-художественного развития писателя, пришедшего к разочарованию в «американской мечте», т. е. в мифе всеобщего благоденствия.

Старцев А. И. Марк Твен и Америка. М.: Сов. писатель, 1963. 307 с.

Автор прослеживает путь писателя с первых шагов на литературном поприще, когда он прослыл беспечным юмористом, и показывает, как мужал его сатирический талант в столкновении с социальной действительностью. Приводятся

далеко не всегда известные широким читательским кругам материалы.

Фонер Ф. Марк Твен — социальный критик /Пер. с англ.; Послесл. Я. Засурского. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 416 с.

Книга американского историка необычна. Это систематическое изложение социально-политических взглядов Твена, построенное на высказываниях самого писателя и цитатах из его произведений. Себе автор книги отводит роль комментатора предложенного материала. Главы книги ориентированы на освещение важнейших сторон жизни и творчества писателя, на выяснение отношения к нему — «шут или обличитель», на объекты твеновских размышлений (труд и капитал, братство на земле) и критики (политика и управление государством, религия, империализм).

А. М. Горбунов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Д. Урнов, У полки со знаменитыми книгами	5
Даниэль Дефо и «Робинзон Крузо»	17
Оливер Голдсмит и «Векфильдский священник»	31
Роберт Бернс и его «Стихотворения»	47
Чарлз Диккенс и «Записки Пиквикского клуба»	61
Уильям Теккерей и «Ярмарка тщеславия»	79
Льюис Кэрролл и «Алиса в Стране Чудес»	93
Вашингтон Ирвинг и «Книга эскизов»	109
Эдгар По и его «Рассказы»	123
Натаниэль Готорн и «Алая буква»	135
Гарриет Бичер-Стоу и «Хижина дяди Тома»	149
Уолт Уитмен и «Листья травы»	165
Марк Твен и «Простаки за границей»	179
Как родился Том Сойер *	195
Птицы Одюбона *. Перевела Л. А. Громова	203
Д. Урнов. Путь к русским читателям	219
Список рекомендуемой литературы *	234

Джон Винтерих
ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЗНАМЕНИТЫХ КНИГ

Зав. редакцией *Т. В. Громова*
Редактор *Э. Б. Кузьмина*
Художественный редактор *Н. Г. Пескова*
Технический редактор *Т. В. Удальцова*
Корректор *Н. М. Весельницкая*

ИБ № 1300

Сдано в набор 13.08.84

Подписано к печати 19.02.85

Формат 70X90¹/₃₂. Бум. Офс. 80 г. имп.

Гарнитура «Таймс». Офсетная печать.

Усл. печ. л. 9,36. Усл. кр.-отг. 19,01. Уч.-изд. л. 11,18

Тираж 75000 экз. Изд. № 4003. Заказ № 571.

Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Типография В/О «Внешторгиздат» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
127576, Москва, Илимская, 7.

Джон Винтерих

В50 Приключения знаменитых книг / Сокр. пер. с англ. Е. Сквайрс. Предисловие и послесловие Д. Урнова. — М.: Книга, 1985. — 255 с, ил. — (Судьбы книг).

Американский журналист Джон Винтерих рассказывает о судьбах замечательных английских и американских книг: «Робинзон Крузо» Д. Дефо, «Записки Пиквикского клуба» Ч. Диккенса, «Ярмарка тщеславия» У. Теккерея, «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, произведений Э. По, У. Уитмена, М. Твена и др. Очерки, написанные живо и увлекательно, повествуют об истории создания произведения, распространения, восприятия его современниками. В послесловии прослежена судьба этих знаменитых книг в России.

Издание иллюстрировано. Адресовано широкому кругу читателей, книголюбам.

В 4703000000-038 73-85
002(01)-85

84.37